
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1983

Н. А. Любомирова, одна из лучших продавщиц Дома ленинградской торговли.

Главный торговый зал ДЛТ.

ЗАБОТА - НОРМ

О. ПЕТРИЧЕНКО

Фото Ю. ЩЕННИКОВА

Вот уже несколько лет, как он полностью отдан детям, этот отдел популярного в городе универмага — Дома ленинградской торговли. И встреча их со «своим» универмагом начинается с самого интересного — отдела игрушек, где мальчишки и девчонки нетерпеливо толпятся у прилавков в ожидании какого-нибудь особенного, еще не виданного чуда.

Шестьдесят тысяч посетителей принимает универмаг ежедневно. И обычно никто не отказывает себе в удовольствии хотя бы мельком взглянуть на разноцветные прилавки, прикинуть, каким подарком можно порадовать малыша. Для продавца этот интерес оборачивается немалыми нагрузками: до полутора тысяч человек за смену обращаются к нему с вопросами, до 350 уходят, что называется, не с пустыми руками. Призадумайтесь над этими цифрами, и вы поймете специфику работы старшего продавца секции настольных игр Н. А. Любомировой. Двадцать лет трудится она в торговле и половину из них отдала вроде бы нехитрому, «игрушечному» делу. А шагает оно в ногу с нашим стремительным веком. Электроникой набиты игрушки, вопросами — один другого каверзнее — атакуют юные покупатели: «Сколько всего игр существует на свете?», «Кто чемпион по сборке кубика Рубика?». Я послушал их, и через пять минут голова пошла кругом. Каково же выдерживать этот шквал любознательности на протяжении всей смены?

В обеденный перерыв. Разговор продавщиц накоротке...
Слева направо: Т. Зорина, О. Домокурова, М. Гизаттулина, Е. Гаврилова, С. Сулейманова, Н. Любомирова, Г. Алексеева.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 8 (2901)

19 ФЕВРАЛЯ 1983

А ОТНОШЕНИЙ

— Так ведь нам и самим интересно,— говорит Наталья Алексеевна.— Ребята—чудный народ, работать с ними радостно и ответственно. Чтобы какой-нибудь карапуз не поставил тебя в неловкое положение, надо постоянно следить за всеми новостями, представляющими интерес для нашей «клиентуры», разбираться в детской психологии, уметь управлять и своими эмоциями.

Добавлю: надо хорошо разбираться в правилах, в устройстве с лишним настольных игр, которыми располагает секция. Честно говоря, никогда не предполагал, что их такое множество. И что некоторые столь сложны, как, скажем, вот эта — «Веселый счет».

— Не совсем удачный пример,— замечает Н. А. Любомирова.— Это я вам со всей ответственностью заявляю, как общественный бракер. Модель неудачная — рассчитана всего на четыре арифметических действия, а стоит... 30 рублей. За эти деньги можно купить настоящий микрокалькулятор. Естественно, что спроса на «Веселый счет» нет, будем добиваться прекращения его производства.

— А что пользуется спросом?

— Хорошо всем известный «Эрудит», «Волшебный экран» для начинающих художников... Перечислить можно многое, но все же считаю, что наша промышленность перед ребятишками в долгу — надо быть щедрее на выдумку, да и оформление, качество зачастую оставляют желать лучшего.

— Прислушивается ли промышленность к вашим замечаниям?

— Ежегодно предприятия улучшают внешний вид и качество 70 — 80 наименований изделий, осваивают по нашим образцам до 60 новых видов товаров. Эти перемены — результат активной позиции универмага во взаимоотношениях с поставщиками. Мы регулярно организуем выставки-продажи, проводим конъюнктурные совещания, конференции покупателей. И принимаем меры к тому, чтобы все замечания специалистов, потребителей учитывались теми, кто причастен к выпуску продукции для детей.

В этих переменах есть немалая заслуга и Н. А. Любомировой, делегата XXVI съезда КПСС, члена партбюро фирмы «Дом ленинградской торговли», человека, влюбленного в свое дело. Вся ее трудовая биография связана с родным универмагом. С отличием окончив школу торгового ученичества, она получила право работать в ДЛТ. И тем гордилась. А теперь, образно говоря, место работы гордится ею.

— Не только потому, что Наталья Алексеевна очень хороший продавец,— говорит секретарь партбюро Т. И. Гренкова.— Прежде всего потому, что она человек душевный, отзывчивый, кристально честный и талантливый. Повезло тем девочкам, которые начинают свой путь в торговле рядом с ней. Любомирова — это и пример и помощь в каждой требующей особого такта и выдержки ситуации.

Конечно, бывает виноватой и сторона, стоящая за прилавком. Но берусь утверждать,— бывает где угодно, но не в ДЛТ. С тех пор, как пять лет назад фирма стала специализированной, тут не подано ни одной (!) жалобы на плохое обслуживание. Хоть доступ к соответствующим «книгам» здесь в отличие от некоторых иных торговых точек не затруднен ни стойкой обороной кассирши, ни таинственными исчезновениями данного документа на малоубедительный предмет переплета или столь же мифическую «инвентаризацию» имеющихся записей.

Разумеется, и сварливый покупатель не обходит универмаг стороной. Но здесь умеют с ним обращаться, обезоруживают вежливостью и улыбкой, предупредительностью и заботой. «Главное— не просто продать товар, а обслужить человека так, чтобы ему захотелось прийти к нам еще раз»,— наставляет Наталья Алексеевна своих подопечных. И действует не только личным примером.

Большой популярностью пользуются в ДЛТ деловые игры, проводимые с помощью психолога — он в штате фирмы. Например, такая: «Твой самый трудный покупатель». Тут уж девчатам такие твердые «орешки» предлагают, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Деловая игра — лишь часть обширной, хорошо продуманной программы по улучшению качества обслуживания покупателей, последовательно проводимой в жизнь общественными организациями, администрацией универмага.

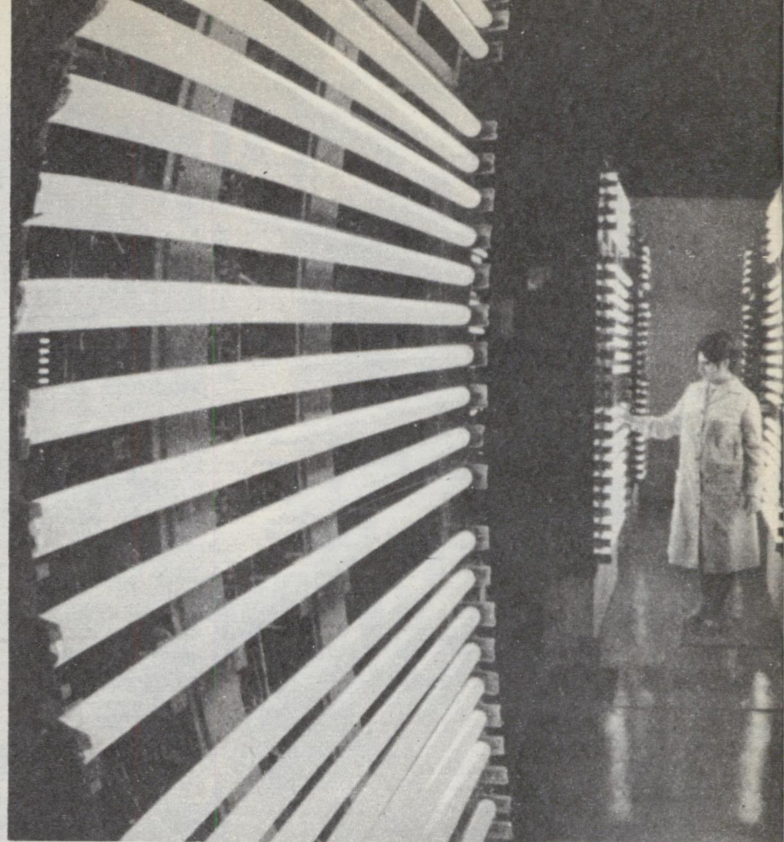
Искренняя забота о нас, покупателях, стала здесь нормой взаимоотношений, и забота эта чувствуется во многом. Открыты, например, комната матери и ребенка, где два воспитателя возьмут на себя все хлопоты о ваших детях, пока вы выбираете покупки; по приглашениям, выданным женскими консультациями, продается белье для новорожденных, для них же открыт специализированный магазин...

— Для работников торговли особенно наглядна связь между дисциплиной и уровнем обслуживания,— подчеркивает Н. А. Любомирова.— Вот почему с таким воодушевлением все мы восприняли постановление ноябрьского Пленума ЦК КПСС. На партийном собрании мы, в частности, решили повысить ответственность за те характеристики, что выдаются при переходе человека на другую работу. Теперь всякого рода нарушителям не так-то просто будет устроиться куда-либо на желанное «теплое» место. Не поздоровится и прогульщикам — все единодушно проголосовали за то, чтобы ужесточить отношение к ним, без всяких поблажек и скидок на традиционные обещания «вот-вот исправиться». Приятно отметить, что эти решения активно поддержала прежде всего наша молодежь, берущая пример с таких передовиков, как продавцы Ю. Гуссар, Г. Сепина, Л. Королева.

К их числу по заслугам следует отнести и саму Н. А. Любомирову. Много больше положенных восьми часов продолжается ее обычный рабочий день. И заканчивается лишь тогда, когда будут выполнены все не только служебные, но и общественные дела.

Устает? Конечно! Но каким бы сложным ни выдался прожитый день, главная, снимающая любую усталость радость — это радость встречи с сыновьями Сережей и Денисом. Мама есть мама... А братья втайне очень гордятся тем, что их мама — такая молодая и красивая — награждена за свою непростую работу двумя орденами Трудового Красного Знамени...

СОЛНЦЕ НА КОНВЕЙЕРЕ

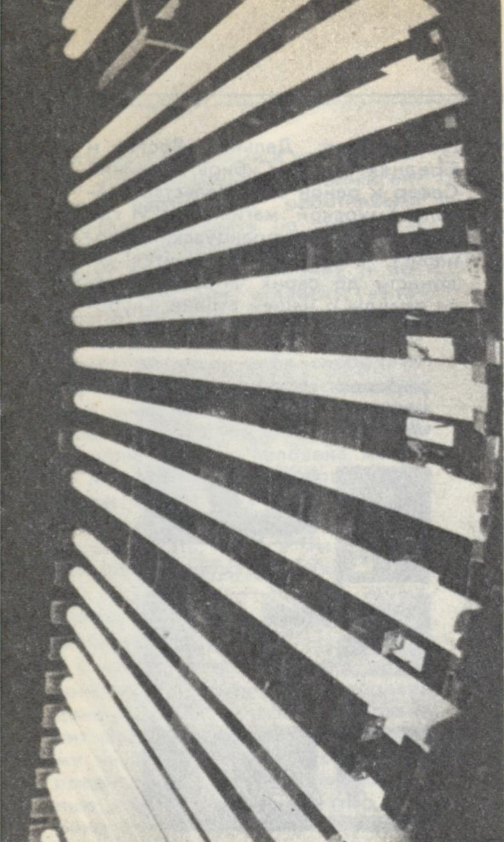
Испытательная станция люминесцентных ламп завода «Армэлектросвет».

Фото И. ГАВРИЛОВА

На головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени производственного объединения «Армэлектросвет» есть карта нашей страны. Нажмешь на кнопку, и появляются светлячки. Что ни светлячок, то город, куда идет продукция объединения. Мощные ереванские светильники освещают по вечерам одну из красивейших магистралей Москвы — Калининский проспект. Маленькими «солнцами» нависают они над вечерними улицами и площадями Еревана. Свет Армении в фарах «Волг», «Жигулей» и «Москвичей», в фарах тракторов разных марок и «КамАЗов». Марка «Армэлектросвета» на люстрах, что освещают фойе и зрительные залы театров, культурных центров. На упаковке ереванских светильников адреса более чем сорока стран мира...

К этому «карнавалу света» причастна и Светлана Алвандян. Она работает в сборочном цехе головного предприятия. Трудовая биография де-

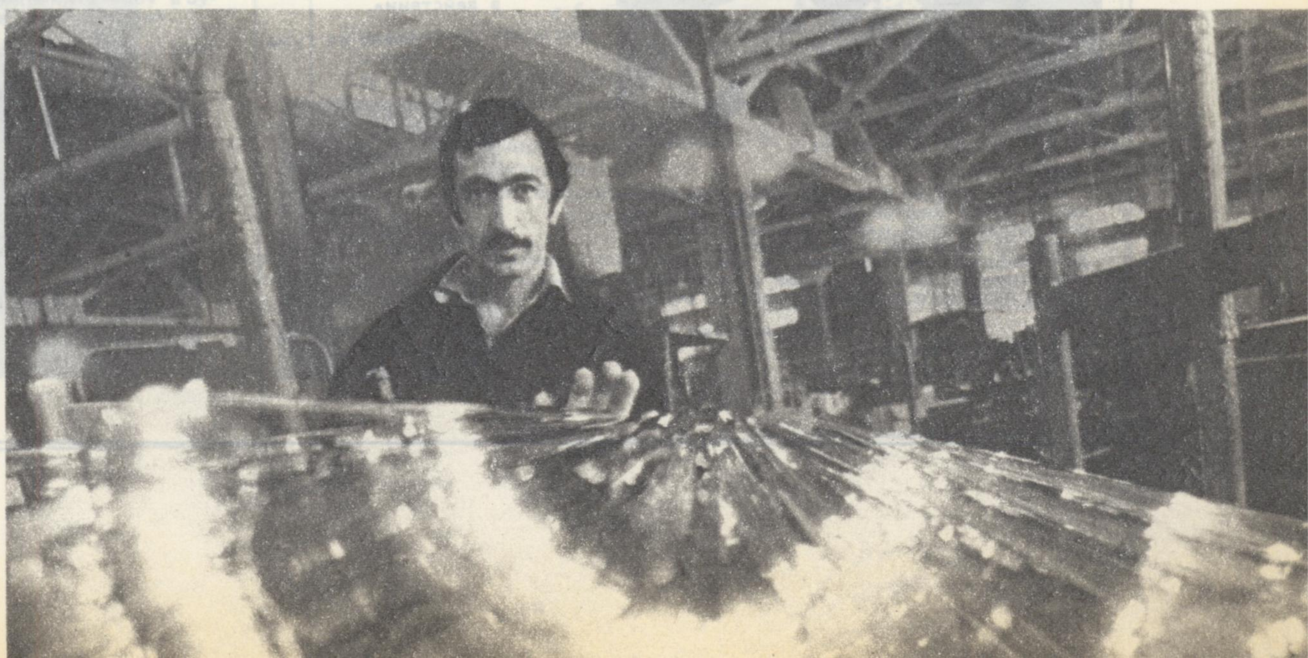
вушки еще коротка. Но она одна из комсомольских вожаков, вместе с подругами участвует в социалистическом соревновании комсомольско-молодежных бригад. В цехе соревнуются за более высокую производительность труда, девушки охотно осваивают смежные профессии, борются за экономию электроэнергии и сырья. А за качеством продукции строго следят на испытательной станции люминесцентных ламп. Многотысячный коллектив объединения получил переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Здесь ежегодно обновляется ассортимент, с конвейера сходит не менее пятнадцати новинок. Вот одна из таких новинок на конвейере стекольного цеха. Это специальные лампы для работы в горных карьерах. Один из лучших в цехе — укладчик деталей Мартирос Пашян.

А. АРУТЮНЯН

В этом цехе собирают лампы общего назначения. А на снимке сверху справа — комсомолка Светлана Алвандян, работающая в этом цехе заварщицей.

Стекольный цех. Укладчик деталей Мартирос Пашян.

Издательство «Прогресс» выпустило на иностранных языках книги серии «Свидетельства об СССР», которые адресованы зарубежному читателю. Авторы этих книг — прогрессивные журналисты, писатели, общественные и политические деятели из различных стран — рассказывают о том, что они видели в нашей стране, о своих встречах с советскими людьми, о различных сторонах жизни общества развитого социализма.

В сборник «СССР: знакомый и неизведанный» включены отдельные главы книг: Макс Леон (Франция) «СССР: знакомый и неизведанный», Виктор и Елена Перло (США) «Динамика и стабильность: советская экономика сегодня», Алекс ла Гума (ЮАР) «Путешествие в Советский Союз», Гарольд Гриффин (Канада) «Советские рубежи будущего», Петер Шютт (ФРГ) «Путешествие в Сибирь», Эмма Смит (Великобритания) «Дети советского села», Мухаммад Назир (Пакистан) «Советский Узбекистан на пути прогресса», Борис Крумов (Болгария) «Дальний Восток вблизи», Монтсеррат Роиг (Испания) «Мое путешествие в блокаду», Людо ван Эк (Бельгия) «Диктатура или демократия?».

«Считается, что о народе можно судить по тому, каковы его дети... Я размышляла над тем, каким же образом лучше всего донести до детей моей страны просьбу советских школьников, с которой они не раз обращались ко мне и в Вертелишках, и в Калтуке, и в Новой Игирме: «Передайте нашим ровесникам у вас на родине, что мы хотим вместе с ними жить на земле, на которой не было бы войн. Передайте им нашу любовь».

Эмма Смит

«...Обычный человек на Западе черпает все свои знания о Советском Союзе из прессы, кинофильмов и телевизионных передач. О русских — так мы привыкли называть всех граждан СССР — у него сложилось совершенно превратное мнение...»

К такому выводу пришел бельгийский писатель Людо ван Эк, охарактеризовав вкратце тот «багаж знаний» о Советском Союзе, который пропагандистский аппарат так называемого «свободного мира» старается всучить большинству своих сограждан. Всем — по возможности. Делают это, конечно, в завуалированной форме — как-никак на дворе год 1983-й, а не 1917-й. Изобретены многочисленные способы подачи «информации» о нашей стране. Нет только одного способа — правдивого. Но в этом-то и заключается главный просчет тех, кто всеми силами старается очернить советскую действительность, опорочить советского человека.

Именно стремлением рассказать правду руководствовались зарубежные писатели, журналисты, общественные деятели — авторы тех книг, отрывки из которых вошли в сборник «СССР: знакомый и неизведанный». Непредвзято понять новое, открыть для себя и для своих соотечественников различные стороны жизни огромной страны и населяющих ее братских народов, опрокинуть барьеры отчужденности, опровергнуть откровенную и многолетнюю ложь — вот те задачи, которые ставили они перед собой. Так, составитель книги французский журналист Макс Леон, который около двадцати лет работал в Советском Союзе в качестве постоянного корреспондента газеты «Юманите», очень хорошо знает нашу страну и жизнь наших людей. Советский Союз стал для него, по его собственным словам, не только вторым домом, но и предметом постоянных исследований. «Я глубоко убежден в том,— пишет Макс Леон,— что лишь страстное, взволнованное исследование приводит к истине». Эти слова французского журналиста являются как бы вступлением ко всему сборнику. Взволнованное исследование стало методом познания советской действительности и для американского писателя и экономиста Виктора Перло, и для южноафриканского прозаика Алекса ла Гума, для писателя из ФРГ Петера Шютта и для других авторов сборника.

Блестяще доказал свою преданность избранному методу и сам Макс Леон. Об этом говорят даже маршруты его поездок по нашей стране: Дальний Восток и Средняя Азия, Сибирь, Крайний Север и район строительства Байкало-Амурской магистрали. И где бы ни побывал французский журналист, отовсюду стремится он донести до своих читателей слова правды о нашей стране. Глубоко анализируя и изучая жизнь и быт советских людей, вопросы экономики и политики, он создает объемную, полновесную картину жизни советского общества. Как тут не вспомнить звучащие поразительным контрастом слова уже упоминавшегося выше бельгийского писателя Людо ван Эка, сказанные по адресу одного из западных журналистов, который «еще не сел в самолет, вылетающий в Москву, а уже «знал», что не увидит ни одной машины, и знал, что́ именно будет писать в своей газете»!

Каждый из иностранных авторов книги «СССР: знакомый и неизведанный» посвятил эту работу-исследование своей определенной теме. Но есть общее, что сближает эти выступления: неподдельный интерес к советским людям. Иностранные авторы в своих

«Моя книга, конечно, не может изменить положения, сложившегося в мире. Но я был бы рад, если бы она смогла изменить представления того или иного читателя о том, что происходит «по ту сторону Урала», и подтолкнула бы его хоть немного к тому будущему, когда люди станут ценить то, что связывает народы друг с другом, а не то, что их разделяет».

Петер Шютт

ЗНАКОМЫЙ И НЕИЗВ

«Одно из чудес XX века — это преобразование одной шестой части земли из отсталой, управляемой царем страны с народностями на окраинах, находившимися на стадии феодального развития, в современное индустриальное государство и построение в нем развитого социалистического общества».

Виктор и Елена Перло

«Во время поездки по Советскому Союзу я не пытался познать некую таинственную «русскую душу». Я хотел увидеть социализм в действии».

Алекс ла Гума

«Для всех советских людей Сибирь стала символом нового, символом великих свершений».

Гарольд Гриффин

«Путешествуя по Советскому Союзу, не забудьте посетить памятники жертвам войны. И помните: не вынашивают планов новой войны там, где так много памятников погибшим».

Людо ван Эк

беседах с рабочими и колхозниками, представителями интеллигенции и партийными работниками старались говорить не столько о глобальных проблемах, сколько о вещах будничных, близких и понятных каждому человеку, независимо от того, в какой стране он живет. Какова зарплата, чувствуют ли люди себя свободными, могут ли открыто высказывать свое мнение — ответы именно на такие вопросы отражают чувства и мысли простого человека, именно эти ответы рассеивают пропагандистский туман и позволяют людям лучше узнать друг друга, почувствовать, что все мы — Человечество, у нас общие цели, главная из которых — мир. К этому выводу логически приходят все авторы книги.

В канун 60-летия со дня образования СССР книга была переведена на русский язык, что позволит познакомиться с ней и нашему читателю. Ибо, как сказано в предисловии к советскому изданию, посмотреть на себя со стороны по меньшей мере интересно, а иногда и просто полезно.

Эта книга — своеобразное подведение итогов развития нашего государства за 60 лет его существования. Эти итоги подводит сегодня все прогрессивное человечество, которое ясно видит, каких успехов достиг в своем развитии СССР и какие потенциальные возможности заложены в самом социалистическом строе. Один из авторов книги, Петер Шютт, так образно пишет по этому поводу: «60 лет назад в Советском Союзе начался новый день. Социалистическая эпоха человечества еще только пробуждается, и каждый знает, что утреннее солнце дает длинные тени. Но там, где есть тени, на которые как завороженные пристально смотрят наши любители темноты, там есть и свет, яркий свет».

А. СОКОЛОВ

«Русские, татары, узбеки, казахи, таджики, азербайджанцы — все граждане одной страны, нерушимо связанные друг с другом. Все они словно цветы одного сада. Их сердца бьются в одном ритме, и все они шагают в ногу к одной цели — построению мирного, процветающего общества...»

Мухаммад Назир

«Москва стала моим вторым домом. Всякий раз, возвращаясь в Париж, я был счастлив, но мне было жаль даже ненадолго оставлять Москву. Всякий раз, покидая с щемящим чувством родину, я с радостью мчался в Советский Союз. Я был одновременно парижанином и москвичом. Это большое счастье...»

Макс Леон

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮЛИУСА ФУЧИКА

РАССКАЗЫВАЕТ СВЯЗНАЯ ФУЧИКА

На пражской улочке «У горни стромку», на фасаде дома № 4 есть медная памятная доска с надписью: «Здесь в 1941—1942 годах заседал подпольный Центральный Комитет КПЧ».

Я иду в дом с мемориальной доской не за прошлым, ставшим легендой, а к живому человеку. Иду по адресу, который нам оставил Фучик в своем бессмертном «Репортаже». Есть среди его героев совсем еще юная связная Центрального Комитета Компартии Чехословакии. Фучик несколькими штрихами тепло и любовно рисует ее образ: «Маленькое создание с озорными глазами, которое называли Лидой... Выяснилось, что этой девочке скоро девятнадцать лет, фамилия ее Плаха — очень мало подходящая к ней (Плаха — по-чешски пугливая.— В. М.) — и что больше всего на свете она увлекается любительскими спектаклями».

Юной связной поручали очень трудные задания. Многое доверяли. «Она знала многое и не выдала ничего,— пишет Фучик...— Она единственная из всей нашей большой группы, у кого есть надежда дожить до дней свободы. Она молода. Если нас уже не будет в живых, постарайтесь, чтобы она не оказалась потерянной для партии. Ей нужно многому учиться. Учите ее, берегите ее от застоя. Направляйте ее. Не давайте ей зазнаваться или успокаиваться на достигнутом. Она хорошо проявила себя в самое тяжелое время. Пройдя испытания огнем, она показала, что создана из прочного металла».

Мы сидим с Лидой Плахой за столом, пьем традиционную чешскую «кавичку», нетороплива беседуем, рассматриваем фотографии. Вот сцена из спектакля по фучиковскому «Репортажу», поставленного Национальным театром в 1951 году. На фотографии коммунисты, схваченные гестаповцами, в ожидании допроса. Снимок необычен: Фучика играет актер, а в роли Лиды Плахи она сама.

— Вы знаете, когда я увидела на доске объявлений, что Лиду Плаху должна играть я, меня охватил ужас. Я побежала к директору театра, умоляла, что не могу играть эту роль, даже разревелась и хлопнула дверью...

На репетициях, — продолжает актриса,— когда мои партнеры по спектаклю находили верные, точные интонации для своих героев, мне это причиняло острую боль. Тогда все еще было так свежо в памяти!

Разговор переходит на актерскую судьбу Лиды.

— Знаете, я никогда не мечтала о ролях героинь. Нет! Я всю жизнь мечтала играть обыкновенных людей, простых женщин, деревенских мамаш, ведь я сама происхожу из деревни. Нас у мамы было четверо. И все четверо побывали в фашистской тюрьме, гитлеровских концлагерях. Но мама вела себя так мужественно, так гордо, что ее любовь помогла нам вынести все испытания.

— Вы живете в таком знаменитом доме,— говорю я.

— И в знаменитой квартире,— добавляет хозяйка.— Заседания ЦК проходили именно в этой комнате, за этим столом. Здесь зимой сорок второго года меня принимали в партию...

Лида рассказывает, как познакомилась с Фучиком. В 1936 году она приехала в Прагу к своей сводной сестре учительнице Йожке и ее мужу строителю Вашеку Баксе. Здесь ее приютили, помогли найти работу. Родственники оказались горячими поклонниками Советской страны, активистами Союза друзей СССР, запрещенного властями сразу же, как только началась фашистская оккупация. Однажды к Баксам пришел их знакомый Йозеф Высушил (он тоже герой фучиковского «Репортажа») и спросил: смогут ли они укрыть у себя человека, которого разыскивает гестапо? Баксы согласились.

— И вот сентябрьским вечером 1940 года пришел к нам Фучик. Тогда, в юности, мне казалось, что писатель — это какое-то сверхъестественное существо. И вдруг он оказался таким простым, жизнерадостным человеком, что я не

...ЕДАННЫЙ

«Перед путешествием на Сахалин друзья пугали меня страшными морозами... Я не почувствовал там особого холода, но, даже если бы и были настоящие морозы, меня всегда согревало бы дружеское отношение и гостеприимство советских людей с далекого Тихоокеанского побережья».

Борис Крумов

«История борьбы и сопротивления Ленинграда — прекрасный образец стойкости человеческого духа. Прикосновение к трагедии блокады позволяет укрепить веру в будущее человечества».

Монтсеррат Роиг

СЕРДЦЕ

Хаим БЕЙДЕР

— Что-то сердце защемило...
— Прими нитроглицерин.

(Из разговора.)

То в гневе закипит порой,
То в ком сожмется сердце
с болью:
Его то колет, как иглой,
То жжет,
Как в рану сыплют солью.
Болит... И что поделать мне?..
Когда б иной была причина,
То боли снять могли вполне
Таблетки нитроглицерина...
Но вновь знобит, бросает
в жар...
— Ну что тебе?
Всех больше надо?
Да мало ль где зажжен
пожар
И где-то плачет чье-то чадо!
Оставь все жалости
Другим!

За всех болеть —
не наболеться!..
— Нет, быть холодным
и глухим
К людской беде
Не может сердце!
Его за горы, океан
По долгу совести и чести
Зовут страдания всех стран
Делить заботы с миром
вместе.
Беда одна не ходит. С ней
Другая... Ждать ее повтора?
Стучится в сердце боль
детей
И кровь Бейрута,
Сальвадора...
И будь то близко ль,
Далеко,
Но не смирюсь с чужой
бедой я.
Пусть больно сердцу оттого
И ни минуты нет покоя.

Перевел с еврейского
Павел ПАПИРОВ.

Ю. Фучик. Снимок 1927 года.

смогла скрыть своего разочарования. Фучик по выражению моего лица понял, что произошло, и рассмеялся. С первого вечера у нас завязалась дружба. Я впервые встретила человека, который не просто любил театр, как и я, но и понимал его, знал о нем так много. А Юлиус рассказывал не только историю нашего театра, но и русского, советского... От него я узнавала многое, что раньше для меня было совершенно неведомо. Помню первые дни, месяцы пребывания у нас Юлиуса. Тогда ЦК партии обязал его уйти в глубокое подполье и не покидать конспиративную квартиру даже ночью. Поэтому у него оставалось больше времени для нас, чем потом. И главные темы наших ежевечерних бесед в течение первого полугодия сводились к рассказам Фучика о Советском Союзе, о его путешествиях по «стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем».

В квартире у Баксов Фучику отвели маленькую комнату, в которой до ареста 24 апреля 1942 года находилась подпольная редакция «Руде право». Здесь он писал. Иногда сам печатал все материалы очередного номера газеты, тщательно вычитывал каждую страницу, чтобы в подпольной типографии не теряли ни минуты...

Только когда у Фучика отросла пышная борода и усы, ему сделали фальшивый паспорт и разрешили появляться на улице.

Юная Лида Плаха сначала сопровождала Фучика на прогулки. Потом вместе шли они на первую нелегальную встречу, потом на первую явку... Шаг за шагом превращалась Лида в опытного связного. И, наконец, стала полноправным товарищем по партии. «Обещаю, что не подведу, что бы ни случилось».

Она не подвела и в застенках гестапо, и в тюрьме Панкрац, и в пересылке в Дрездене, и на суде в Берлине. И потом, после казни Фучика, когда ее бросили в концлагерь Равенсбрюк. Там она встретилась с Густой Фучиковой и первой принесла ей печальную весть о приговоре нацистского суда ее мужу. Там вместе с другими антифашистами Лида Плаха самоотверженно боролась за души людей, помогала тем, кто устал ждать, вселяла в них надежду и веру. Лида Плаха не подвела и в 1948 году во время решительного боя, который дали трудящиеся Чехословакии буржуазной реакции.

После войны она много лет была членом райкома и Пражского горкома партии. В 1968 году Лида Плаха и ее товарищи поставили спектакль о Ленине.

Минувшим летом мы встретились с ней в Москве — городе, который так любил Фучик. Она рассказала о пражских новостях, о реконструкции Национального театра. И, конечно же, мы говорили о Фучике, о том, как чтут его память у нас в стране. Побывали на улице его имени, положили цветы к памятнику...

— Я вспоминаю о Юлиусе как о самом лучшем друге. Как о старшем товарище. Никогда не было ощущения, что он поучает, хотя, конечно же, он меня учил постоянно. А как мы пели с ним! И наши песни, и советские, и те озорные, что у нас называют «вандровачками». А как читали вместе стихи... Для меня Юла — это самое светлое в жизни. И в мыслях я часто обращаюсь к нему за советом.

Валентин **МАНИОН**

беречь трудовую честь

СПРОСИ СЕБЯ СТРОГО

Жизнь не стоит на месте. То, что вчера было нормой, сегодня уже нас не удовлетворяет. «Вчерашний день»,— говорим мы. Но есть нечто такое в нашей жизни, без чего невозможно движение вперед,— дисциплина труда. От нее, от трудовой дисциплины, зависит в конечном итоге и количество выпускаемой нами продукции, и выполнение плана, и товар со Знаком качества, и повышение производительности труда, и, если вдуматься, все наше благосостояние. Разговор о дисциплине труда назрел давно, и прежде всего среди нас, рабочих. Вот почему столь широкий отклик получила встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями и все то, о чем говорилось на ней.

Теперь очень важно, как мне кажется, не свести разговор о трудовой дисциплине к какой-то кратковременной кампании, а бороться за нее планомерно, каждодневно, ежечасно, каждому из нас на своем рабочем месте. «И, конечно, все наши усилия пойдут насмарку,— говорил Ю. В. Андропов,— если развернувшаяся борьба за дисциплину скользнет по поверхности, разменяется на мелочи: кто-то опоздал на пять минут, другой зачастил на перекуры. Конечно, хвалить за это нельзя. Навести порядок повсюду, где теряются рабочие минуты, необходимо. Речь идет о серьезном отношении ко всем аспектам производственной дисциплины...» Очень верные слова. Разве не знаем мы примеров, когда человек является на работу точно в положенное время, но ничего не делает или работает спустя рукава? А мы, бывает, проходим мимо, будто нас это не касается. Не знаю, кому как, а мне бывает обидно и больно видеть «черные молнии» о прогульщиках, лодырях, любителях выпить, которые вывешиваются у проходной завода или в цехах. Мне кажется, что я, коммунист, член парткома завода, тоже в какой-то степени виновен в появлении этих тревожных листков. В глубине души я не вполне уверен, что только с их помощью можно исправить и воспитать человека. Здесь не должно быть шаблона. В каждом конкретном случае должны приниматься конкретные меры.

Я знаю в одном цехе хорошего токаря, который работает вполсилы, хотя норму выполняет и даже немного перевыполняет. Но известно, что он может работать еще лучше. «А зачем? — спрашивает он.— Если я буду давать по три нормы, то завтра придет нормировщик и срежет расценки». Когда-то и в нашем цехе рассуждали так. Каждый токарь работал индивидуально, каждый имел свои инструменты, а иной прятал их в конце смены под замок, искал «выгодные» заказы и всеми правдами и неправдами открещивался от «невыгодных», опытный рабочий неохотно делился секретами мастерства... О какой же дисциплине труда могла идти речь при таком отношении к делу! Поэтому молодежь в цехе не задерживалась, бывали и прогулы и случаи пьянства.

Все изменилось, когда токарей объединили в одну бригаду и мы стали работать на единый наряд. Конечно, не вдруг это получилось, а после долгих споров и размышлений. Бригадиром стал талантливый токарь и не менее талантливый организатор Анатолий Васильевич Осипов. Некоторые, впрочем, сомневались, не потеряют ли они в зарплате, но жизнь показала, что зарплата у нас даже выросла. Она стала распределяться по коэффициенту трудового участия, который учитывает не просто появление рабочего у станка точно к началу смены, но его действительный вклад в общее дело и, если хотите, творческое отношение к труду. Возросла дисциплина труда, и сразу повысилась производительность, возникли задушевность и теплота, о которых раньше не подозревали. Теперь невозможно представить, чтобы опытный рабочий, видя, как у кого-то не клеится дело, прошел бы мимо. Нет, теперь все заинтересованы в быстрейшем росте молодого товарища.

Спроси самого себя строго — вот наш принцип. Спроси себя, все ли сделал, чтоб отдача была наибольшей. Дисциплина труда во всех ее проявлениях — в конечном итоге мерило нашей рабочей совести.

Ануарбек **КУЖЕРБАЕВ**,
токарь завода тяжелого машиностроения

Алма-Ата.

Михаил **ВЛАДИМОВ**

ЛИПОВЫЕ ЛАВРЫ

ФЕЛЬЕТОН

На некоторых предприятиях Минтекстильпрома и Минлегпрома РСФСР имеет место факт «корректировки» планов в сторону их чрезмерного занижения. Так, промобъединению «Владхлоппром» Минтекстильпрома РСФСР план реализации продукции во втором квартале уменьшили на 26,3 миллиона рублей, и оно его перекрыло на 20,4 миллиона рублей. А Ковровская ткацкая фабрика этого же объединения перевыполнила скорректированный план более чем на одну треть.

Из газет

Никодим Никитич Нектов
Возглавляет комбинат...
— Не директор, а корректор!—
Все в округе говорят.
Триста тысяч дать изделий
План наметили вчерне.
Не сказать, чтоб он предельный,
Нет, реален план вполне.

«Просто выполнить» — не просто:
Нужен труд, разбег, расчет,
И проблем решенье острых,
И фантазии полет...

Но, пуская в ход известный
И испытанный прием,
В трест,
И в главк,
И в министерство
Едет Нектов бить челом.

Площадь, дескать, на пределе...
В росте мощности изъян...
Кадров мало...
Фонды «съели»...

Не подъемен, словом, план!
Чтоб поднять и обеспечить,
Просит «снять», «пересмотреть»...
И глядишь —
пошли навстречу
И скостили план НА ТРЕТЬ.

«Вот теперь пойдет все проще!»—
Тут директор на коне:
Есть и мощность,
Есть и площадь.
Фонды, кадры
Есть! Вполне!..
Год к концу — успех на диво!
Это ж надо так уметь:
Без натяжки,
Без надрыва
Перекрыл он план НА ТРЕТЬ!

Триста тысяч есть изделий
И на премию права!
«Целый рубль народных денег
Я сберег на каждых два!—
Нектов шумно бьет в литавры.—
Всем дал фору,
Нос утер!..»

Но из «липы» эти лавры,
Обеспечивают право
Не на честь, а на... позор!

Мои Сокольники

Фото С. ШЕРСТЕННИКОВА

В любое время года богаты и прелестны знаменитые Сокольнический и Измайловский парки.

— Да, здесь хорошо. Но парки станут еще привлекательнее,— говорят мне и советуют познакомиться с генеральным планом реконструкции «Сокольников».

Еду в Управление лесопаркового хозяйства Мосгорисполкома и узнаю, что предусматривается вывод с территории парка предприятий и учреждений. Здесь снесут старые дома и создадут новые зеленые массивы. В «Измайлове» — памятнике садово-паркового искусства — предстоит восстановить виноградный сад и лабиринт, круглый сад и пасеку.

— Много интересного и значительного в родословной «Сокольников» и «Измайлова»,— рассказывает начальник лесопаркового отдела управления Вячеслав Алексеевич Кирсанов.— Когда-то в давнюю пору они были охотничьими угодьями... Богато историческое наследие «Измайлова», и, реконструируя парк, мы не забываем о нем.

Своеобразие лесопарков — в ландшафте, в сочетании различных пород деревьев, в расположении парковых угодий. Ландшафт же не воссоздашь за год. В «Сокольниках», некогда бывших сплошь хвойными, позже появились березы, липы, кустарник. Вот и пусть будет так, как устроила природа, как задумал этот гениальный «архитектор». Сколько раз удивлялись мы вдруг взбежавшей по склону золотой рощице, заросли кустарника, живописной тропинке.

Кстати, о тропинках. По принятой международной практике на дорожно-тропиночную сеть обычно отводится двадцатая часть всей территории. Но в целях большей сохранности зеленого массива «Сокольников» этот процент увеличивается. Парадокс?

— Вовсе нет,— говорит Вячеслав Алексеевич.— Все сделано для того, чтобы у гуляющих не возникло желания идти через кустарники и молодые посадки — ведь тропинка под ногами. В «Измайлове» такие же закономерности...

...В Москве и близ столицы предполагается создать систему заповедных и национальных парков.

Птицы, белки, иная живность лесопарков пользуются тут особой заботой: их и подкармливают, есть и места покоя — такие уголки, куда человек обычно не заглядывает; на просторы «Сокольников» выпустили недавно около полусотни белок... Может быть, это одна из них так доверчиво и привычно спускается по стволу к малышу, протягивающему ей лакомство?

К. ФЕДОРОВА

05 молчит, 09 не знает

Открываю абонентную книгу столичной телефонной сети, нахожу нужное мне ведомство. Телефон указан — справочная министерства... Набираю. «Вам не надоело звонить? Этот номер телефона месяц тому передан другой организации».

— Может, вам оставили номер...— Я не успел даже договорить.

— Мне нет дела до чужого министерства. Каждый должен выполнять свою работу.

И — частые гудки.

Неприятно, но поправимо. Звоню 05. Гудок длинный и успокаивающий. Раз-два-три... На девятом гудке опускаю трубку на рычаг.

Набираю 09. Отвечают почти мгновенно. И дают... отмененный месяц назад номер телефона. Пытаюсь объяснить (хотя знаю правило: «не загружайте телефонисток вопросами»), что номер такой существует, но принадлежит отныне (уже тридцать дней!) другой организации.

— Пусть они о себе и заботятся,— отвечают мне,— каждый должен выполнять свои обязанности.

Еще раз набираю 05 — вдруг повезет? Но номер с номером, извините за примитивный каламбур, не проходит. Гудки извещают меня о том, что абонент свободен, но кто-то, как и прежде, ленится поднять трубку. Или не хочет со мной общаться? Пытаюсь дозвониться мосгорсправочному начальству. «Проводит совещание». Звоню непосредственно на телефонную службу, спрашиваю начальника отдела 05. «На совещании у руководства». Пытаюсь объяснить: так, мол, и так, не берут трубку...

— У нас техника старая. Сигнал не всегда слышен...

Поэтому я пишу эту реплику — пусть неуслышавший увидит. И прочтет.

К. БАРЫКИН.

Чистый звук

Лев Александрович Дедюхин

Рояль Петра Ильича Чайковского, что в доме-музее в Клину (Петру Ильичу в 1885 году подарил его Якоб Беккер, основатель известной фортепьянной фабрики в Петербурге), звучит дважды в году — в дни рождения и смерти композитора. И еще тогда, когда в Москве собираются участники знаменитого фортепианного конкурса. Но это вовсе не значит, что в остальное время руки не прикасаются к инструменту, который требует и внимания и заботы.

— За этим уникальным инструментом слежу с особым удовольствием и тщанием,— рассказывает настройщик роялей Л. А. Дедюхин.— Вот сейчас, например, возникла необходимость заменить в нем басовую струну. Делаю ее сам.

Карьера настройщика началась для Льва Александровича двадцать лет назад. Учитель Дедюхина, Г. К. Богино, «настройщик № 1», как его называла музыкальная Москва, привел молодого человека в концертный зал, а сам уехал.

— Сидел я в зале и думал: что будет, если инструмент испорчу?

...С той поры Л. А. Дедюхин подготовил к концертам десятки замечательных роялей. Всего же им настроено более двадцати тысяч инструментов. Встречался он с Яковом Флиером, Татьяной Николаевой, Святославом Рихтером, Любовью Тимофеевой. Особенно напряженным был конкурс П. И. Чайковского в 1970 году. Тогда рояль просто не успевал отдохнуть, «остынуть»: репетиции чуть не круглые сутки, выступления. Немало струн пришлось заменить. Вот когда пригодились скорость и умение, приобретенные за годы работы. Л. Дедюхин нередко отправлялся в гастрольные поездки с Эмилем Гилельсом.

Когда Лев Александрович открывает инструмент, для него не существует ничего, кроме рояля. Проверит верхний и нижний регистры, начнет подстройку... Тут множество тонкостей — то, что входит в понятие высокий профессионализм.

Я задаю Льву Александровичу последний вопрос:

— Сколько всего в Москве настройщиков роялей и пианино?

— Если не ошибаюсь, шесть-десят.

Н. ЯКОВЛЕВА

МОСКВА И МОСКВИЧИ

Лифты завтрашнего дня

Метро, трамваи, троллейбусы и автобусы ежедневно перевозят 15 миллионов столичных пассажиров. А московским лифтом за день пользуется 17 миллионов человек!

История создания лифта уходит в далекое прошлое. В России он появился в 1793 году в Зимнем дворце. Его автор — И. П. Кулибин. Сначала механизм, напоминающий большой домкрат, приводился в движение людьми, но затем изобретатель приспособил к нему паровую машину. В Москве первый электрический лифт был установлен в доме 17 по Рождественскому бульвару. Было это в 1901 году. Теперь здесь, конечно, современные лифты. И вообще старых в городе почти не осталось.

Правда, в здании Министерства сельского хозяйства СССР и сейчас работает один из лифтов-ветеранов. Этот многокабинный подъемник непрерывного действия идет степенно со скоростью всего четверть метра в секунду, но зато без остановок.

Десять лет назад было создано производственное объединение «Мослифт». В сферу его обслуживания попали все (за исключением лифтов Останкинской телебашни и некоторых высотных зданий) пассажирские и грузовые подъемники города, а их более 70 тысяч. Здесь совершенствуют существующие подъемники и разрабатывают новые. На Московском опытно-экспериментальном лифтостроительном заводе я видел новые лифты, сделанные в полном соответствии с самыми современными требованиями. Светлые кабины, отсутствие вибрации и шума при движении...

На заводе сконструировали лифт на вышке для прыжков в воду в спорткомплексе «Олимпийский». Для манежа в цирке на Ленинском проспекте пришлось делать лифт, и вовсе не похожий на обычные; оно и понятно: цирк есть цирк. В стадии разработки находятся гидравлические лифты. Они хороши для поднятия тяжелых и больших грузов на высоту до 20 метров.

Надежные, бесшумные, экономичные, везущие со скоростью до двух с половиной метров в секунду (чем выше дом, тем больше скорость), оснащенные кондиционерами и вентиляцией — все это лифты завтрашнего дня.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

ХРАНИТЕЛЬНИЦА МИРА И ТРУДА

П. И. БАТОВ,
дважды Герой Советского Союза,
генерал армии

У Советской Армии прекрасная биография. Она росла, мужала и крепла в огне боев, набираясь опыта и силы не по дням, а по часам. Вместе с армией росли и ее полководцы — верные сыны своего народа.

Фрунзе, Ворошилов, Буденный, Чапаев, Щорс, Котовский, Пархоменко, Лазо и многие другие военачальники победоносно водили в бой полки совсем еще молодой армии, в конечном счете наголову разбившей отборные, прекрасно обученные и оснащенные войска внутренних и внешних врагов.

Людям моего поколения хорошо памятно время, когда создавалась Красная Армия. Те годы совпали с нашей молодостью. Она была хоть и трудной, но в то же время счастливой — ведь именно на нас, совсем молодых людей, была возложена великая историческая миссия защиты завоеваний Великого Октября. Мы считали первейшим своим долгом любой ценой отстоять власть рабочих и крестьян, защитить все, что народ обрел в революционных битвах.

Я прожил большую жизнь, был участником многих исторических событий. А ведь я родился и вырос в бедной крестьянской семье. Солдатскую службу начал еще в окопах первой мировой войны. Потом добровольцем вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Сражался на Восточном фронте, на юге России, участвовал в штурме Перекопа и битве за Крым.

Довелось мне воевать и в Испании.

То были трагические, но вместе с тем прекрасные дни. Трагические потому, что много невинных жизней было загублено фашистскими палачами, горький след оставила война и на испанской земле и в сердцах людей, защищавших республику. Прекрасные потому, что борьба испанского народа и его друзей с франкистами была справедливой борьбой за свободу; потому, что в Испании с огромной силой проявилось интернациональное братство всех честных людей земли и перед всем миром была продемонстрирована его мощь, его неиссякаемые жизненные силы.

Коммунистическая партия, осуществляя неуклонный подъем экономики страны, ни на минуту не забывала о ленинском наказе всемерно укреплять армию и флот. Советский народ не жалел средств на их оснащение новейшей техникой, на подготовку военных кадров.

И вот грянула война... Враг был сильным, опытным, жестоким, коварным. Развернув около двухсот отборных дивизий, гитлеровцы внезапно напали на нашу Родину. Огни пожарищ вспыхнули по всей государственной границе от Баренцева до Черного моря. Весь мир, затаив дыхание, следил за кровавой битвой на нашей земле.

В грозный час смертельной опасности советские люди не дрогнули, не пали духом, не склонили головы перед захватчиками. В тяжелую годину мы не теряли веры в грядущую победу. Эта вера придавала нам силы в жестокой борьбе.

Наша великая Победа готовилась исподволь. Она зрела в заснеженных полях Подмосковья, в предгорьях Кавказа, на берегах Волги, в осажденном Ленинграде, в невиданной по масштабам битве на Курской дуге... Во имя ее сражались и умирали партизаны и подпольщики. Ей отдавали бессонные ночи сталевары Магнитки и машиностроители Сибири, ради нее не покладали рук хлеборобы Алтая и Средней Азии. Ее приближали воины и труженики всех национальностей и народностей, весь советский народ. Их сплотила и вела за собой Коммунистическая партия.

Советский народ знает, как отважно и искусно дрались его сыны и дочери даже тогда, когда силы противника в четыре-пять раз превышали их силы. И мы никогда этого не забудем! На алом стяге, поднятом над куполом рейхстага, была кровь пограничника Лопатина и летчика Гастелло, Александра Матросова и Зои Космодемьянской, храбрецов панфиловцев и богатырей, насмерть стоявших у волжской твердыни.

Солдатами моего поколения пережиты первая мировая, гражданская и Великая Отечественная войны. Бывали горестные, тяжелые минуты, смерть не раз заглядывала нам в глаза. Все было. Но нам знакома и радость победы — высшая из наград, которой венчаются славные воинские дела.

За годы службы мне приходилось встречать немало удивительных людей, которые являли собой пример образцового выполнения воинского долга. В 65-й армии, войсками которой я командовал, сражались замечательные бойцы и командиры. В ней выросли триста двадцать два Героя Советского Союза. Нашей армии двадцать семь раз салютовала столица нашей Родины Москва.

Помню, к нам прибыл на должность командира танкового полка майор Семен Петрович Баранов. В прошлом рабочий, он стал офицером сильной воли, крепкого характера. С удовлетворением наблюдал я за тем, как он готовил полк к боям, и нельзя было не залюбоваться, глядя на этого человека.

Во время отхода наших войск ко мне подошел один из политработников и спросил, не знаю ли я Баранова.

— Что с ним? — обеспокоенно спросил я.

Вместо ответа мне протянули изрешеченный осколками, окровавленный партийный билет. Мгновенно вспомнилось расставание. Баранов уходил на сложное задание. Мы простились. Отойдя, он обернулся и помахал рукой. В длинном кожаном пальто, в шлеме танкиста, широкоплечий, ладный — таким мне запомнился Семен Петрович.

— Пошлите этот партбилет в Центральный Комитет партии,— сказал я.— Баранов был настоящим коммунистом.

Много лет спустя в Москве, в одном из кабинетов Генерального штаба, мы встретились с Барановым. Оказывается, тогда он был тяжело ранен — получил двадцать три осколка от мин, из них двенадцать — в грудную клетку. Но офицер выжил, добился возвращения в строй, командовал самоходным артиллерийским полком. В Карпатах его вновь постигла беда — попал под сильный артиллерийский налет. Солдаты откопали его из воронки. Думали, что мертв, собрались хоронить, но когда опускали в могилу, один из бойцов вдруг крикнул: «Погодите, ребята! Командир-то как будто жив!»

Да, Семен Петрович выжил и на этот раз.

Глядя на этого человека, невольно забываешь про свои многочисленные раны. Свои беды кажутся пустяковыми по сравнению с тем, что пережил боевой товарищ.

Был в нашей саперной части взвод, которым командовал лейтенант В. В. Швец. Известно, что сапер ошибается только раз. Один раз в жизни! Подумайте, сколько пота должен пролить сапер, чтобы работать без ошибок! Одним из отделений этого взвода командовал сержант Тарасенко. Под Гомелем отделению было приказано проделать для разведчиков проход в минном поле врага. Дело обычное, и ночью саперы приступили к работе. Вдруг один из солдат говорит: «Товарищ сержант, неизвестная мина». Сержант дал команду: отделению отползти в укрытие, а сам занялся миной. Да, мина действительно новая, с совершенно незнакомым устройством.

Василий Тарасенко был готов ко всему, в том числе к встрече с самыми диковинными техническими новинками. Он, по словам солдат, был профессором по неприятельским минам.

Короче говоря, проход был сделан, и разведка прошла успешно.

Вручая сержанту Тарасенко боевую награду, я спросил:

— Что вам помогло разгадать опасный сюрприз врага?

— Пот, товарищ генерал,— ответил сержант.— Собственный пот.

Осенью 1943 года, накануне форсирования Днепра, я снова побывал у саперов. На этот раз они стояли на днепровской старице, в километре от основного русла реки. Было пять часов утра. Темно. Холодно. Людей не видно, но слышен перестук топоров. Прозвучала команда: «Раз-два! Раз-два!» Всплеснула вода.

Потом слышу:

— Разрешите раздеться, товарищ командир?

— Раздеться? Ты что, фрицев за Днепром без штанов догонять будешь? Некрасиво! Сигай в полном комплекте!

И тут лейтенант Швец увидел меня.

— Товарищ командующий, взвод отрабатывает задачи по форсированию Днепра!

— Когда ваши люди отдыхают?

— Два раза в сутки, товарищ командующий. Час ночью, час днем.

— Не мало?

— Никак нет, не мало! Больше не хотят. Мы, говорят, лучше попотеем в тылу, чтобы легче было в бою.

15 октября 1943 года началось форсирование Днепра. Взвод

СОВЕТСКИЙ ВОИН

Сегодня в гостях у «Огонька» редакция журнала «Советский воин». Материалы под рубрикой «К 65-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота» подготовлены его сотрудниками и авторами.

Боевые вертолеты ложатся на заданный курс.
*** После дальнего похода корабли вернулись на родную базу.**

Фото капитана II ранга Л. ЯКУТИНА

12

Швеца за первые два часа сумел перевезти на правый берег передовой отряд 193-й дивизии. А ведь это больше сотни вооруженных людей, пушки, минометы, боеприпасы!

Словом, на Днепре взвод совершил новый подвиг. Шестерым его воинам — Швецу, Тарасенко, Рогозину, Макарову, Власову и Кононенко — было присвоено звание Героя Советского Союза.

У воевавших часто спрашивают о самом памятном дне войны. Немало их было — суровых, тревожных, горьких и радостных, потребовавших величайшего напряжения сил и воли... Многие памятны, многие дороги. Но все же думаю, что все советские люди, каждый через свою «высоту», стремились к одному заветному дню — Дню Победы.

Сообщение о том, что фашистская Германия капитулировала, мы слушали, затаив дыхание. Сколько невообразимой радости и волнения вызвало это сообщение в наших сердцах!

Буря восторга, охватившего воинов, вылилась в стихийные салюты в честь долгожданной победы. Трассирующие снаряды и пули расцветили все небо!

В эти минуты глаза солдат блестели от застилавшей их влаги. Помнится, одному старому гвардейцу не удалось сдержать слезы, и они у него медленно скатывались по морщинистым щекам. Я сказал ему:

— Старина! Все хорошо, мы победили! Радоваться надо! А ты плачешь.

Он вздохнул и тихо ответил:

— Я радуюсь, товарищ командующий... Друзей жалко, которым не пришлось дожить до этого дня.

Таким я помню этот день, отмеченный великой радостью победы и светлой печалью о погибших героях. Мы испытывали необыкновенное счастье. То счастье было завоевано очень дорогой ценой. И об этом нельзя забывать!

Имена Матросова, Гастелло и других героев стали легендарными, прочно укоренились в народном сознании как олицетворение воинской доблести. Имена миллионов других звучат не столь громко, но это ничуть не умаляет высокий нравственный смысл их ратного подвига. Никто не забыт и ничто не забыто! Героями войны стали пехотинцы и танкисты, летчики и моряки, связисты и артиллеристы — бойцы и командиры всех родов войск. Плечом к плечу шли к победе русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины, латыши — представители всех народов Страны Советов.

Творцом нашей Победы была партия коммунистов, сражающаяся партия. Она сплотила фронт и тыл в единый военный лагерь, взяла на себя всю полноту ответственности за судьбу Родины, подчинила всю свою деятельность разгрому агрессора.

Давно замечено, что в час грозной опасности нам во сто крат дороже становится наша земля, наше великое дело созидания нового общества. Мы хорошо понимали, какое великое достояние защищаем, и потому сражались с врагом, не щадя своей крови и жизни.

Давно отшумели над нашей землей военные грозы. Советский народ своим созидательным трудом залечил раны войны. На некогда изрезанных траншеями, изрытых снарядами и бомбами полях колосятся хлеба, на пепелищах пожаров выросли новые заводы, жилые дома, школы...

И теперь мы дерзаем на земле и в космосе, прокладываем новые дороги и строим города, пускаем самые мощные в мире ГЭС. Претворяя в жизнь решения XXVI съезда КПСС, вдохновенно трудятся советские люди.

Подросло, вступило в пору зрелости послевоенное поколение. Батальонами, полками, а то и дивизиями уже командуют сыновья и внуки тех, кто насмерть стоял под Москвой и Ленинградом, громил врага у стен Сталинграда, под Курском и на Днепре, освобождал Варшаву и Прагу, брал Берлин... Небывалых высот достигла под знаменем ленинской партии наша любимая Отчизна. Ею взят исторический рубеж — построено развитое социалистическое общество. Качественно новыми стали и Советские Вооруженные Силы. К своему славному 65-летию они приходят в расцвете мощи. В руках нового поколения теперь новое оружие, и молодежь держит его крепко и надежно! А для нас, ветеранов, связавших свою жизнь с военной службой, нет большего счастья, чем то, которое мы испытываем, видя, что молодежь, вставшая в строй сегодня, является достойной наследницей героических традиций прошлого.

Я хорошо помню, что в годы первой мировой войны грамотный солдат был большой редкостью. А теперь что ни воин, то со средним или высшим образованием. Сегодняшний солдат и матрос нередко ведут со своими товарищами занятия по высшей математике, ядерной физике, астрономии. И это не вызывает удивления: таков облик современной советской молодежи.

На заре Советской власти солдаты революции держали в руках трехлинейку. Ныне наши воины стоят у ракет, у штурвалов могучих атомных лодок и сверхзвуковых самолетов. В Советской Армии сейчас сотни различных технических специальностей.

Советский народ обеспечивает свои Вооруженные Силы всем необходимым. Когда я бываю в частях, то всякий раз испытываю чувство искреннего уважения к современному молодому воину. Ведь та мощь, которой в годы войны обладал, скажем, батальон, дивизия, а то и полк, сейчас нередко в руках одного расчета, экипажа, взвода. Все правильно! Так и должно быть! Но хочу подчеркнуть, что огромная сила, которая вложена в руки одного солдата, возлагает на него огромную ответственность.

Наша армия — это большая, дружная интернациональная семья. Нередко в одном полку, на одном корабле служат представители не одного десятка наций и народностей, служат с полной отдачей, растут духовно и политически. Они готовы в любой обстановке выполнить свой воинский долг перед Родиной.

Мне запомнилось выступление

Огонь!.. Фото М. Савина. 1943 год.

ефрейтора А. Садыкова, который, на мой взгляд, очень точно выразил чувства и настроения многих тысяч солдат разных национальностей, несущих службу рядом с другими такими же парнями — представителями многих наций и народностей нашей страны. «У меня,— сказал Садыков,— сейчас два дома, две семьи. Одна — в далеком Узбекистане, в кишлаке Сайрам, где живут мои родители, братья и сестры. Другая семья — солдатская, дальневосточная. В этой семье есть киргиз и татарин, эстонец и русский, казах и туркмен. В этих семьях много общего. В обеих по-настоящему ценят верность, дружбу, любовь к Родине».

Замечательные слова! А если учесть к тому же, что ефрейтор Садыков вырос в семье Героя Советского Союза Батабая Садыкова, что он наследник ратной славы своего отца, то становится понятно, какие замечательные люди служат ныне в рядах наших Вооруженных Сил, каких замечательных сыновей посылает народ в свою армию.

Мне хочется напомнить бессмертный ленинский завет советским воинам — быть начеку, быть бдительными, постоянно помнить, что, пока существует на земле империализм, остается угроза военного нападения на нашу страну.

Помнить об этом сегодня особенно важно. Все мы свидетели того, что агрессивным силам капиталистического мира не идут впрок уроки истории. Уже после 1945 года по их вине в мире более ста раз вспыхивали войны и локальные конфликты. Разбухают военные бюджеты на Западе, все более высокие темпы набирает гонка вооружений. Накалилась международная обстановка.

Нам война не нужна, нам нужен мир для творческого, созидательного труда во имя коммунизма. Но когда советские люди говорят о мире, то пусть никто не посчитает это за проявление нашей слабости. Как выражение верности ленинским заветам звучат слова Генерального секретаря ЦК КПСС Юрия Владимировича Андропова: «Агрессивные происки империализма вынуждают нас вместе с братскими социалистическими государствами заботиться, и заботиться всерьез, о поддержании обороноспособности на должном уровне».

Боевая готовность... Сегодня эта задача нашей армии и флота возведена в ранг конституционного требования. Напряженная ратная учеба кипит в дальних и ближних воинских гарнизонах. Во льдах Арктики и в жарких барханах южных пустынь, на скалистых островах и таежных точках, в заоблачных высях и океанских глубинах — всюду воины настойчиво овладевают грозным оружием и сложной техникой. Они соревнуются под девизом: «Повышать бдительность, надежно обеспечивать безопасность Родины!» Личный состав частей и кораблей неустанно овладевает выкованной в боях наукой побеждать.

Сегодня мы не одни в боевом строю. Плечом к плечу с нами воины братских армий стран — участниц Варшавского Договора. Братья по классу, братья по оружию бдительно охраняют созидательный труд своих народов, зорко стоят на страже мира и социализма.

Весь наш народ безмерно любит свое детище—могучую Советскую Армию, хранительницу мира и труда. Он гордится вооруженными защитниками Родины, достойными воспитанниками Коммунистической партии.

Вдохновенно трудятся в эти дни советские люди. И чтобы они могли спокойно жить, плавить металл, сеять хлеб, постигать тайны науки, радоваться сиянию звезд, на своих постах бдительно и зорко стоят воины армии и флота, всегда готовые грудью стать на защиту нашей великой Родины.

◀ Ракетный залп. * На полевых занятиях мотострелки.

На вахте капитан В. Маминов и лейтенант В. Нешин. Фото Л. Якутина

БОЕВАЯ ВАХТА СТРАТЕГИЧЕСКИХ

Н. СТАСЕНКО,
полковник
Н. ЧЕВЕЛЬЧА,
полковник

Гвардии капитан Вафа Маминов едва успел сесть за пульт, как поступил сигнал: «Занять боевые посты!»

— Готовы, Владислав Андреевич? — не поворачивая головы, спросил он второго номера, лейтенанта Нешина.

— К бою готов, товарищ «Первый»! — ответил лейтенант и проворно прошелся пальцами по тумблерам и кнопкам.

Где-то за спиной могуче и грозно дышала система. По высоте и тембру этого дыхания они безошибочно судили о прекрасном «здоровье» своей подопечной. Иначе каков же смысл этого многочасового бдения, когда каждая клеточка души и тела в предельном напряжении, чутко ловит малейший посторонний звук — никакой диссонанс здесь недопустим!

За время боевых дежурств, когда номера не только ждут боевой сигнал, но и всем своим техническим мастерством и талантом обеспечивают жизнеспособность ракеты, или, как здесь принято говорить, системы, за эти напряженнейшие месяцы проверок различных узлов и агрегатов у них выработалась привычка верить, беззаветно верить в надежность системы и безошибочность собственного труда.

Глубокое знание техники и физических законов, по которым она действует, плюс навыки, доведенные до автоматизма,— это и есть та объективная необходимость, без которой нет и не может быть ракетчика. Задержки с выполнением боевого приказа не может быть ни по каким причинам! Именно в этой железной, ничем неколебимой уверенности, что в назначенный момент ракеты уйдут к цели и неотвратимо поразят ее, и есть главный фактор сдерживания агрессии.

Раздумья не отвлекали капитана от дела. Боковым зрением он заметил, что Нешин внимательно всматривается в шкалу одного из контрольных приборов. Острый глаз гвардии капитана уловил даже на расстоянии легкое подрагивание светящейся стрелки.

— «Второй», доложите, что у вас!

— Считаю, оснований для беспокойства нет. Возможно, чуть заискрились контакты. На профилактике зачистим.

Маминов — мастер военного дела, а у Нешина пока что второй класс. Однако командир ни секунды не сомневался в опыте своего инженера — совместные боевые дежурства быстро сплачивают людей.

«Это хорошо, Владик, что ты спокоен. Очень хорошо»,— подумал капитан.

И вдруг взревел сигнал предупреждения. Это был тот «нулевой момент», о котором он на занятиях не раз предупреждал лейтенанта. Мозг еще не осмыслил принятый сигнал, а руки уже сами сделали все, что нужно. Заключительную часть операции оба «номера» выполнили вместе.

В сущности, ничего особенного не произошло: поступила контрольная вводная — отслужил свой срок термоэлемент, а попросту печка для подогрева смазки. Заминка заранее предусматривалась, устранить ее — пара пустяков. Но на боевом дежурстве пустяков не бывает. Успокоившись, лейтенант Нешин улыбнулся и сказал:

— У нас даже муха пролетит — как сердце прошьет.

Маминов взглянул на часы. Сигнал получен во столько-то часов, минут и секунд. Ему показалось, что часы стоят: секундная стрелка проползла всего четверть круга. «Только-то?» — удивился капитан. С командного пункта поступил новый приказ, и расчет опять углубился в боевую работу. Отбой последовал лишь перед утром.

Капитан встал и прошелся, разминая затекшие мускулы. Раздался телефонный звонок. Веселый голос сообщил:

— Тут вам куча подарков. Забирайте!

Через некоторое время оба с аппетитом ели торт, испеченный женами Наташей и Таней, неразлучными подругами и отменными кулинарками. Вафа Мухамедович раскрыл кулечек любимых конфет, присланных четырехлетней дочуркой, и протянул соседу. Владислав Нешин, не скрывая зависти, сказал:

— Мой Андрейка тоже в следующий раз отличится. Ничего, что ему только семь месяцев. Он у меня акселерат...

Маминов обводил красным фломастером ладошку полуторагодовалого сына Алешки, нарисованную женой на обратной стороне письма...

* * *

Все уже давно привыкли к тому, что военные люди, в каких бы условиях ни находились, всегда, образно говоря, держат в одной руке винтовку, а в другой мастерок. И лишь одним им известно, как трудно бывает раздобыть дефицитные стройматериалы и выкроить из учебного плана время для строительства. Но вот что удивительно: там, где появились военные, как по мановению волшебной палочки вырастают современные городки и поселки!

Командир части, ознакомив нас с прекрасным военным городком, заметил: «А сели мы на голое место». Комментариев, как говорится, не требуется. Не будем греха таить, не сразу по достоинству оценишь всю героику и энтузиазм хозяйственников. Прекрасная учебно-материальная база с ее электронно-кибернетической начинкой, разумеется, затмевает скромные пятиэтажки, но, познакомившись с заботами жилищной комиссии, ведущей разговор уже не о том, как бы найти семье офицера или прапорщика квартиру, а как улучшить ее. посетив уютные клубы, богатые библиотеки, послушав концерты художественной самодеятельности, воочию убеждаешься в том, что ракетчики умеют не только отлично нести боевое дежурство.

Гуляя по городку, мы то и дело останавливались у красочных панно и стендов.

— Для нас, ракетчиков, эти цифры и диаграммы имеют особый смысл,— подчеркнул командир.— Перед глазами каждого воина Родина во всем величии коммунистического строительства, зримо представленное богатство, которое мы защищаем и бережем ратным трудом, все то, во имя чего мы находимся в ежесекундной боевой готовности. Вместе с тем цифры не абстрактны для нас: рядом представлена и наша собственная пятилетка. Столько-то построим жилья, школ, детских учреждений, так-то улучшим свой быт. Здесь же наши обязательства по развитию подсобного, в частности, прикухонного хозяйства. Мы уже сейчас на добрую треть сами снабжаем воинов свежим мясом, молоком, овощами. Это немалый вклад в экономику страны! Особенно если взять все наши войска. Достигнутая таким способом экономия денежных средств обращается опять же на пользу человеку. А какой мы лазарет подняли! А сколько построили для ребятишек! И вообще, дети — наша слабость. Все лучшее — им! У меня самого двое. Детские сады оборудованы по последнему слову техники, светлые, просторные, теплые. У ребятишек опытные воспитатели, рациональное питание, игрушки, книжки, музыка. И, конечно же, все, что приобщает малыша к труду.

Дружно живут и бдительно стоят на боевой вахте гвардейцы-ракетчики. Они унаследовали славу фронтовиков орденоносной части, удостоенной почетного наименования за подвиги в Великой Отечественной войне. Коллектив, в основе своей комсомольский, и сегодня в числе правофланговых Ракетных войск стратегического назначения.

СЛУЖИТЬ Я В АРМИЮ ИДУ...

Георгий ЗАЙЦЕВ,
старший лейтенант запаса

НА СБОРАХ

Гудела могучая помпа,
Рождая искусственный смерч.
В карьере строительном — бомба! —
Холодная ржавая смерть.
А небо как будто сдурело:
Дождище — косая стена.
На нас из карьера глядела
Стальными глазами война.
И вот остается комвзвода
Со смертью один на один.
Подумалось: эта работа
Откликнется блеском седин.
Он выполнил строчку приказа,
Потом, как и деды в войну,
Сказал лишь короткую фразу:
— Ребята, затяжку одну!
И мы протянули по-свойски
Коробки своих сигарет...
И вроде бы подвиг геройский
И вроде бы подвига нет:
Все буднично было, обычно —
Уже несмертельный металл
С большой новостройки столичной
Спокойно увез самосвал.
Я вышел навстречу солдату:
— Бери сигареты, дарю!
А он мне устало: — Не надо,
Спасибо, ведь я не курю!..

Борис ОРЛОВ,
капитан-лейтенант-инженер

* * *

Грома игриво чистят глотки,
На полушарии — весна.
Но в прочном корпусе подлодки
Мы как ростки внутри зерна.

Дыханье солнца помним смутно.
Над головою сталь крепка.
Но в люк однажды хлынет утро,
И мы услышим облака.

И всплытье — новое рожденье —
Волной ветров окатит нас,
Предстанет зыбкой, как виденье,
Жизнь, не вошедшая в приказ.

Алексей ЗАХАРЧЕНКО,
гвардии прапорщик

СЛУЖИТЬ Я В АРМИЮ ИДУ

Сегодня день такой погожий.
И, как жених, я на виду
У всей родни, друзей, прохожих —
Служить я в армию иду.

С душой, раскрытой нараспашку,
Шагаю улицей родной.
И лепестки с большой ромашки
Срываю с думой об одной,

О той, что ждать пообещала
И две зимы и две весны.
И дослужить мне наказала
Не ниже как до старшины.

Меня там ждут в строю ребята,
Святой исполнившие долг,
Помочь готовые, как брату,
Чтоб я в строю сменить их мог.

И сердце, как удар набата,
В такт ударяет на ходу:
Страна! Любимая! Ребята!
Клянусь, я вас не подведу!

Владимир БОТОВКИН,
майор-инженер

* * *

Следы лисы у дальнего омета.
Наверно, мышковала на заре.
Строчит сорока как из пулемета.
Безветренно сегодня на дворе.
Кругом снега.
Веселая погода.
Вдоль улицы — равнение домов.
Построились они в колонну по два
И держат небо на столбах дымов,
Высокое, родное, голубое.
Но эту тишину и красоту
Внезапная рванет команда:
— К бою!
И танки поползут на высоту.
И дым пороховой затянет сопки,
Прочертят пули разноцветье трасс.
Солдатские высоты и высотки,
Насквозь мы потом просолили вас.
Наш командир придирчиво и строго
Бой разберет
И снова бросит в бой.
Закончится учебная тревога,
И донесется хриплое:
— Отбо-о-ой!
В стальных сердцах машин умолкнут грозы.
Идем домой окраиной лесной.
Бегут навстречу стайками березы,
Как школьницы на вечер выпускной.

Александр ФИГАРЕВ,
ефрейтор запаса

ПОЖАР

Сражалась десантная рота
За лес, за траву,
За весну,
И жаркая эта работа
Похожа была
На войну.

Огню наступили
На горло.
Вздохнул он
Отчаянно, зло.
И пламя
Вдруг лапы простерло,
Упало и в землю
Ушло...

Лев КУЛИКОВ,
полковник-инженер

ГЛАСИТ ПРИКАЗ

Гласит приказ: в таежный гарнизон.
Прощаюсь
С обжитой землей —
Европой...
Сибирь!
А воздух тут какой —
Озон!
И небеса голубизны особой.
А служба, как и всюду,
Без прикрас:
Она и вдохновенна и сурова.
Так и живу.
И Родины приказ
С приказом сердца
Совпадает снова.

Юрий ПОПОВ,
капитан

* * *

Что видно часовому на посту:
Закрытый склад, высокая ограда?
Стоит один и смотрит в темноту
Своим внимательным и острым взглядом.

А может, дальний видит он покос,
Траву по пояс, всю в росе искристой,
Гребенку леса, золотистый плес
И лагерь детский с гипсовым горнистом?

Что видит он? Безлюдность, тишина,
Прожектор, ночь, настороженность вышек...

И только за спиной его страна
Во сне по-детски беззаботно дышит.

У ЗНАМЕНИ ЧАСТИ

Все меньше с нами ветеранов,
Чья юность прожита в боях.
Они, не жалуясь на раны,
Уносят грусть свою в глазах.
Собрав в комок тугие нервы —
Лишь тень скользнула по лицу,—
Они сейчас, как в сорок первом,
Целуют Знамя на плацу.

И вот ушли.
Осталось с нами
(Я головой на миг поник)
В строю навечно наше Знамя —
Последний в части фронтовик.

Виктор КУЗНЕЦОВ,
полковник

ЗАРНИЦЫ ПАМЯТИ

Тревожной памяти зарницы
Мой сон взрывают по ночам:
Все ближе вал войны клубится,
«Пантеры» яростно рычат.

И я с гранатой на замахе
Привстал под гибельным огнем...
Да, забывали мы о страхе
Перед решающим броском.

В бессмертье многие шагнули,
Над ними алая звезда...
Летят, не остывая, пули
В восьмидесятые года...

Павел АЛЕКСАНДРОВ,
мичман

ПРЕБУДЕТ ДЕНЬ

Пребудет день, в котором я живу,
высокий день страны моей великой,
разноязыкой, миллионоликой,
грядущим устремленной в синеву!
Пребудет год, в котором закрома
полны зерном, а стол уставлен хлебом,
и песня под раскинувшимся небом,
в которой удаль, молодость сама!
Пребудет век, который положил
всемирной революции начало,
в котором по-иному зазвучало
все то, чему ты праведно служил!
Пребудет счастье — думать и творить
во славу всех грядущих поколений
и о судьбе, что завещал нам Ленин,
возвышенно и страстно говорить!

Владимир ГУД,
лейтенант
медицинской службы

* * *

Волна осыпает причалы шугой.
Весь вечер тревожные метеосводки.
Динамик поет об усталой подлодке,
Которая скоро вернется домой.
Задремлет сынишка с игрушкой в руке.
И, губы девчоночьи стиснув упрямо,
Жена лейтенанта на белом листке
Напишет сегодня: «Я счастлива, мама!..»

Петр ДОЛГОЛЕНКО,
прапорщик

* * *

Спасибо вам, младший сержант Иванов!
Где носит вас нынче шоферская доля —
По шумным проспектам?
В заснеженном поле?
Наверно, меня вы забыли давно...
Но пусть стороной вас обходит беда.
«Спасибо» мое пусть хранит вас в дороге.
Из всех командиров — и добрых и строгих —
Вы — первый,
И это уже навсегда.
Спасибо за то, что навечно со мной
Разящая мудрость армейских уставов,
За то, что мне истины эти достались,
Как лучшее в жизни — нелегкой ценой.
За то, что не знаю дороги верней,
Чем та, по которой мы вместе пылили,
За хлеб,
что со мной на привале делили,
За соль
на спине гимнастерки моей.
Есть выше и званья и должности, но
Лишь вспыхнет тревожным сигналом ракета —
Вы станете рядом со мной.
И за это
Спасибо вам, младший сержант Иванов!

ЕСЛИ НАСТАНЕТ МИНУТА...

В. ШУРЫГИН,
подполковник

Из кабины самолета с высоты 1200 метров курсант Сергей Дронов умел читать землю. Темные, точно причесанные огромной гребенкой поля вспаханы под озимые. А рыжие, тоже причесанные квадраты — стерня от скошенных еще в конце лета хлебов. Пожухло-зеленые длинные полосы — картофельные участки. На них работают люди, много людей, а возле дороги — машины. Впереди по курсу — большое село...

Сергей чуть накренил машину, чтобы лучше разглядеть башенку возле длинного дома... Обычная водонапорная башня, а длинный дом — животноводческая ферма. Сергей поспешил выровнять самолет, а то, чего доброго, летящий следом и чуть выше инструктор капитан Кузнецов сделает замечание: «Не отвлекайся!» Нет, инструктор молчит. Очевидно, не заметил. Эфир по-прежнему наполнен шорохами и молодыми голосами курсантов, выполняющих полет. Они разные, эти голоса. Одни подчеркнуто спокойные, другие — торжественные и радостные. Мальчишки «пашут» небо. Впрочем, какие они мальчишки, каждому по двадцать лет! Но все равно в них еще живет мальчишество. Вот как сейчас в Дронове, когда он вывел самолет из крена и подумал, что инструктор ничего не заметил.

А инструктор заметил. Всего лишь на секунду зафиксировал про себя миг, когда «элка», ведомая курсантом Дроновым, летела под углом к горизонту. Зафиксировал ровно настолько, чтобы твердо знать: ничего особенного не произошло, все в порядке. Просто курсант решил почувствовать полет, почувствовать машину.

Капитан Кузнецов угадал: Сергей испытывал удивительные, ни с чем не сравнимые минуты полета, ради которых и пришел в Ейское высшее военное авиационное училище летчиков.

Давно и верно подмечено, что всех мальчишек, выросших в степях и лесах, тянет к морю. А для тяги к небу тоже нужен какой-то простор: большая поляна в лесу, парение птиц в ключевой чистоте утреннего неба. Или просто степь: шелест ковыля и огромное, от горизонта до горизонта, небо... Тогда, именно тогда, хочется взлететь ввысь, подняться над степью, увидеть, какая она.

Но мальчишеские мечты нередко остаются мечтами. Каждой мечте, говоря по-летному, нужна подъемная сила, а она, эта сила, чаще всего от стремления быть похожим на героя.

Сергей родился и вырос в городе Ровеньки на Ворошиловградчине, в том самом городке, близ которого были расстреляны Олег Кошевой, Любовь Шевцова и их боевые товарищи-молодогвардейцы. Они были примером для мальчишек и девчонок всей страны и тем более для своих юных земляков. Под алыми знаменами, с цветами приходили пионеры к могиле молодогвардейцев, стояли возле нее в почетном карауле.

Но самое главное: эти молчаливые, строгие минуты заставляли каждого думать: «Герои-молодогвардейцы не пожалели самого дорогого, что есть на земле,— жизни. Значит, даже жизнь не всегда самое дорогое? А что же дороже?»

Каждый искал и находил ответ. Дороже всего — Родина. Дороже всего — твоя личная комсомольская честь, то, что о тебе скажут твои товарищи, скажут тысячи незнакомых людей.

Фото И. Курашова

Дронов взглянул на приборную доску: через двадцать секунд правый поворот и возвращение на точку. Полет проходит нормально. В зоне они с инструктором выполнили все, что полагалось по плановой таблице полетов. Как это прекрасно — ощущать себя и самолет единым целым! К этому Сергей Дронов стремился с первого курса, но лишь теперь, в конце второго года обучения, пришло к нему это удивительное чувство. Еще несколько полетов на легком учебном самолете «элке», а на третьем курсе начнутся полеты на боевом реактивном истребителе. «Боевой истребитель — это мощь!» — с удовольствием подумал Дронов, и как раз в этот миг, всего лишь на долю секунды, боковым зрением заметил что-то черное, мелькнувшее впереди. И удар по самолету! Самолет тряхнуло. Двигатель смолк...

Дронов, не теряя ни секунды, попробовал запустить двигатель снова. Нажал кнопку. Еще и еще раз... Двигатель не включался. Пройдет несколько секунд, и машина начнет терять высоту. Сергей сообщил руководителю полетов:

— Я 058-й. Остановился двигатель. Предполагаю попадание птицы.

Всего лишь миг молчала земля. Всего лишь миг потребовался руководителю полетов майору Шульге, чтобы понять ситуацию, о которой доложил курсант Дронов. Шульга передал в эфир:

— Всем находящимся в воздухе работать на прием. 058-й, повторите!

Дронов повторил. Назвал свою высоту. Она была уже 1100 метров. Машина планировала и пока что чувствовала рули.

— 058-й! Делай по пунктам: включи... включи...

В аварийной ситуации, если позволяет обстановка, так положено: даже опытному, бывалому летчику могут дать «попунктный прогон» его действий. Стрессовая ситуация, волнение... Бывает, что летчик забудет включить какой-нибудь тумблер. На каждый перечисленный «пункт» спокойно и четко звучал ответ курсанта Дронова: «Есть», «Включил», «Есть»...

Трижды пытался он запустить двигатель, но каждый раз неудача.

— Двигатель не запускается!

— 058-й, ваша высота?

— Пятьсот.

— Что внизу?

— Поле. Люди. Село.

В эфире тишина. Майор Шульга принимал решение. Просто ли?.. Внизу поле, люди, село... Принимал решение и курсант Дронов. Он чувствовал — самолет планирует, и потому все внимание сосредоточил на управлении. Если последует команда катапультироваться, высоты еще хватит: парашютная система сработает, и он спасется. Но неуправляемый самолет сразу же свалится на крыло и камнем полетит вниз. Потом — удар и огромный огненный смерч! Погибнут люди, которые работают в поле и находятся в своих домах.

Сергей посмотрел вперед, он как бы провел незримую прямую от себя до предполагаемой точки соприкосновения самолета с землей... Кажется, самолет может перетянуть через село, но там, на желто-буром поле, высота станет нулевой. Там будет посадка, или... Никаких «или»!

Дронов знал, что такая посадка связана с огромным риском... Он и сам в кругу друзей не раз пел песню «Огромное небо», о летчиках, попавших примерно в такую же аварийную ситуацию.

Нет, он не думал о себе. Как те летчики из песни, он думал о людях на земле. Сергей принял решение и доложил руководителю полетов:

— Иду на посадку. Село перелечу!

Руководитель полетов почему-то не ответил. Капитан Кузнецов продублировал его доклад для майора Шульги:

— 058-й, принял решение на посадку. Село перелетит.

И уже ему, Сергею Дронову:

— 058-й! Земля вас поняла. Аккуратней, Сережа!

Сергей догадался: дальние холмы перекрыли связь, потому и не слышит его майор Шульга. Инструктор Кузнецов летел чуть выше. Он поддерживал связь между руководителем полетов и курсантом.

— Село прошел... Высота...

Кузнецов тотчас продублировал доклад Дронова. Затем его решение садиться, не выпуская шасси, на поле.

Под крылом промелькнули удивленно замершие люди... Сергей облегченно перевел дыхание, но впереди дорога, и на ней — машина-бензовоз. Этого еще не хватало! Только перетянуть через дорогу, только перетянуть... Дронов больше не выходил в эфир. Наступил решающий миг! Теперь все внимание посадке! Стремительно мчалось навстречу поле. Сергей чуть выше поднял нос самолета — впереди вырос пологий холм и надо как бы влезть на него. Влезть, а не врезаться!

Он услышал шорохи. Сначала тихие, затем усилившиеся. Секундой позже догадался: по фюзеляжу шуршит стерня. Самолет притирается к земле, мчится вперед, теряет скорость. Заметно возросла перегрузка. Выдержать! Выдержать перегрузку, не бросить ручку управления!

Скорость упала, и самолет развернуло вокруг правого крыла. Фонарь кабины уже откинут... Сергей отстегнул ремни — и за борт! Кубарем скатился на землю, осмотрелся... Все в порядке. Сам цел. Самолет тоже. Не дымит, не горит... «Надо доложить о посадке и находиться возле самолета, пока не прилетят с аэродрома». Тут же над головой раздался реактивный гул: над ним прошел его инструктор капитан Кузнецов. Он покачал крыльями, как бы говоря: «Молодец, Сережа!» И вдруг совсем рядом восхищенный голос. Дронов даже вздрогнул от неожиданности.

— Ну, летчик, ты даешь! Смотрю, жмешь без звука. Я подумал, что планер, а у тебя вроде бы как самолет.

Рядом стоял запыхавшийся от бега шофер с бензовоза.

— Почему «вроде бы как самолет»? — переспросил Дронов.— Самолет. И к тому же отличный.

Дронов был прав: через несколько дней после замены двигателя самолет, который он спас, снова поднялся в небо.

А самому Сергею, которого избрали делегатом XIX съезда ВЛКСМ, был вручен Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

**Владимир АФИНОГЕНОВ,
капитан III ранга**

РАССКАЗ

СХВАТКА

Над городом, спавшим в долине, льдистым светом разгорались звезды. Вечером, выйдя на улицу, чтобы углубить арык, Булат Самратов обратил внимание на звезды: они были тусклы, безжизненны. И вот теперь в беспредельной космической глубине оживали, лучились.

Булат встал ночью оттого, что во сне почувствовал толчок под бок, и, открыв глаза, увидел на стене спальни, слегка освещенной уличными фонарями, качающуюся тень от люстры. «Что за черт?! — подумал Самратов.— Почему она качается?.. Не переработал ли?! Вот и чудится...»

Вчера он действительно переборщил с этим арыком. Углубил не только возле своего дома, но и выше полез, почти к самым горам: копал самозабвенно, приятно было ощущать запах талой земли, и было совсем не трудно, а весело — и от этого запаха, и от теплого ветра со снежных гор, и оттого, что рядом крутился сынишка Асылхан, остроглазый и подвижный, в отцовской офицерской фуражке, и все спрашивал: «Пап, почему здесь вода чистая по арыкам течет, а у бабушки, как кирпичный чай?»

Ах ты, верблюжонок! Бабушку вспомнил, родные места своего отца вспомнил — берег Сырдарьи, небольшой степной поселок Тюра-Там.

«Надо будет вызвать сюда бабушку Асылхана или снова отвезти его в Тюра-Там,— подумал Самратов.— Мальчишке женская ласка нужна... Эх, Шолпан, Шолпан, трудно нам без тебя, трудно и одиноко»,— привычной болью сжалось сердце по недавно умершей жене.

Он еще раз взглянул на яркие звезды.

Булат лег в постель, но тут дом накренился, и кроватка сына отъехала от стены, а потом резко ударилась о нее, и он услышал жалобный стон Асылхана. «Землетрясение!» — промелькнуло в голове у Булата. Он вскочил. Толчок повторился.

Застучали в окно. Булат выглянул. На улице стоял посыльный. Капитан быстро оделся, схватил сына в охапку и столкнулся в дверях с соседкой Гульнарой.

Самратов смутился и тихо сказал:

— Гульнара Аббасовна, будьте добры...

— Да чего уж там,— вздохнула она и взяла на руки Асылхана.

— Жаксы [1] женщина! — сказал посыльный Вячеслав Большаков и хитро глянул на капитана Самратова.

Булат одернул его.

— Пошли! Некогда.

* * *

Водителя вездехода прапорщика Коломийца принимали в партию. Уже выступили два рекомендующих, уже были сказаны добрые слова в адрес Анатолия — третью рекомендацию давала комсомольская организация. И тут собрание приняло иной оборот. Дело в том, что в зале сидел с виду тихонький, маленького роста, остроносый и конопатый сержант сверхсрочной службы Веня Куркин. И он задал Коломийцу такой вопрос:

— Помнишь, что тебе на учении командир автобата сказал?

— Это когда же? — переспросил Анатолий.

Ребята оживились, некоторые засмеялись.

— Да. Вспомнил. А как же! Правильно командир автобата сказал. Очень правильно.

И Коломиец честно рассказал о том, как в учебном бою у его машины вышел из строя карданный вал. Пока возился, пока то да се... Короче говоря, подвел товарищей. И вот тогда командир сказал ему, молодому солдату, что если бы все это случилось в настоящем бою, то он, Коломиец, был бы наказан по законам военного времени. Но прошло время, и солдат Коломиец стал опытным водителем вездехода, прапорщиком, отличником боевой и политической подготовки, и это ему, Анатолию Коломийцу, когда они убирали в Белоруссии хлеб, было поручено вывезти извлеченные из земли Булатом Самратовым оставшиеся с войны, проржавевшие фашистские бомбы...

Самратова тогда наградили орденом, а Коломиец получил десять суток отпуска.

— Ну Куркин! — сказал кто-то и как бы подвел итог возникшему недоразумению.

— Кто за то, чтобы комсомольца Анатолия Николаевича Коломийца принять кандидатом в члены партии, прошу поднять руки.

Руки подняли все. И Веня Куркин тоже.

Это было вечером. А ночью их подняли по сигналу сбора.

Прослужив почти два года в городе, который находится в сейсмической зоне, капитан Булат Самратов еще не предполагал, какие беды может обрушить на него стихия.

Правда, он слышал рассказы о них от отца Гульнары, начальника снеголавинной станции. Это был худощавый мужчина с загорелым лицом. Аббас-ага не часто спускался с гор, но когда выпадал такой момент, радовались все: его прихода ждали, особенно маленькая внучка Айгуль, дочь Гульнары, да и Асылхан не меньше был рад Аббас-аге.

Дед сажал на колени детей, говорил дочери, чтобы она приготовила крепкий чай и сходила за Булатом. Щеки Гульнары тогда вспыхивали, но она, стараясь не показывать своего смущения, опускала голову и тут же бежала к двери. Аббас-ага улыбался и крепко прижимал к себе детей. Им было приятно и щекотно, и они громко смеялись.

И вот неделю назад Аббас-ага снова спустился с гор. Он сказал, что долго задерживаться не может, но все-таки они успели поговорить за пиалой чая. И теперь, следуя вместе с посыльным в часть, Самратов вспомнил этот разговор.

Аббас-ага говорил:

— Нашим людям, живущим в долине, издавна угрожали три беды: сель, землетрясение и «белая смерть». Что такое сель, ты уже знаешь.— Аббас-ага показал за окно. Там еще с прошлого года огромным скопищем лежали валуны, каждый размером с автобус.— Но ты еще не видел даже малого снежного обвала. Это и есть «белая смерть». От «белой смерти» гибнут целые поселки. Сила удара снежного обвала достигает ста тридцати тонн на один квадратный метр. Лавина развивает скорость до трехсот километров в час, подбрасывая по пути многотонные валуны, словно шарики пинг-понга.

Конечно, мы знаем наперед, когда могут случаться обвалы: лавинная служба работает круглосуточно. Но беда, если в марте — апреле, когда резко наступает оттепель, а за ней сильные снегопады, даже слабенькое землетрясение! Тогда нам, лавинщикам, не обойтись без вашей помощи.

«Значит, произошло то, чего так опасался Аббас-ага»,— подумал Самратов.

Гульнара взяла свою дочь из кроватки, по-

[1] «Жаксы» — хорошая, хороший.

ложила в нее Асылхана, а сама с Айгуль устроилась на тахте. Она взглянула в окно и тоже заметила, что звезды в эту ночь какие-то необыкновенно яркие, с прямыми длинными лучами.

И хотя луна не светила, даже отсюда, из пригородного микрорайона, отчетливо видны снежные вершины гор. Она вспомнила разговор своего отца с Булатом Самратовым о снежных обвалах и поежилась от мысли, что ее отец сейчас в горах и скоро там, наверное, будет и Булат.

Ей нравился этот немногословный, но чуткий душой капитан. Эту чуткость она замечала и в отношении к сыну и к ее маленькой Айгуль. Он был предупредителен и к ней.

И еще нравилась Гульнаре в Самратове его стойкость. Это их роднило: Гульнара рано осталась без матери, да и с мужем ей не повезло... Развелась и осталась с отцом и дочкой.

Как-то она сказала о Булате отцу. И Аббас-ага ответил дочери с улыбкой:

— Моя карлыгаш[1], раньше с такими людьми ходили на снежных барсов. Теперь мы будем укрощать лавины!

Гульнара встала. И тут почувствовала, как из-под ног ушел пол. Она вскрикнула, бросилась к кроватке, где спал Асылхан, взяла его на руки. «Опять начинается!» — со страхом подумала Гульнара. Но толчки больше не повторялись. Она перенесла Асылхана на тахту, погладила спящую Айгуль и села у изголовья. Сидела тихо, не шевелясь.

Сколько прошло времени, она не знала. Когда снова взглянула в окно, то увидела над горами синюю полосу. Значит, скоро рассвет.

* * *

Рассвет их застал в урочище Барса-Кельмес. Аббас-ага объяснил Самратову, Большакову и Коломийцу, что означает это название: Барса-Кельмес — пойдешь — не вернешься. Это урочище так прозвали пастухи и балкары, живущие у подножия гор.

В Аральском море есть и остров с таким вот чу́дным названием...

— Ничего себе чу́дным!..— усмехнулся Вячеслав Большаков, широкоплечий, крепкий солдат.

Коломиец на это ничего не ответил, лишь сузились его карие глаза, внимательно ощупывая дорогу. Да ему и некогда было что-либо отвечать: он управлял вездеходом. Лишь Булат Самратов укоризненно посмотрел на лавинщика: может быть, не стоило говорить об этом?

...На КПП Самратову передали, что его ждет командир части, в которой он служил. В кабинете у полковника он увидел Аббас-агу, но не удивился. Аббас-ага сразу обратился к командиру и капитану Самратову:

— Ну, сынки, выручайте... Нужен знающий дело взрывник и вездеход. Надо во что бы то ни стало пробиться к лавине, которая вот-вот может пойти на расположенное внизу балкарское селение. Мы сами попытались взрывами разбить лавину, но вот тут,— Аббас-ага ткнул пальцем в карту,— засыпало нашу машину. Водителя и взрывника откопали. Они уже в больнице. Но машина осталась. Надо спешить! Еще один толчок — и лавина скатится. А в долине почти две тысячи жителей. Правда, мы уже отдали распоряжение об эвакуации, но успеют ли люди уйти в безопасное место? Беда может случиться в любой момент.

— Товарищ полковник, разрешите мне самому поехать с Аббас-агой?

— Знакомы? — с улыбкой спросил полковник.

— Соседи,— ответил за Самратова Аббас-ага.

— Тогда не теряйте времени,— сказал командир.— Снаряжайтесь, берите вездеход — и в путь. Желаю удачи.

Рассвет в горах наступает неожиданно, сразу. Еще несколько минут назад фары вездехода высвечивали неровности дороги, ведущей на перевал, еще кругом обступала чернильная темень, как вдруг границы дороги резко обозначились, синяя полоса над горами покраснела, показался краешек солнца, и лучи ринулись по склонам, высвечивая камни и снег в ущельях и на перевалах.

Они подъехали к мосту через горную речку, вернее, к тому месту, где был мост. Сейчас из берегов торчали лишь рваные бетонные осколки с закрученной железной арматурой.

— Переправимся выше,— сказал Аббас-ага.— Там берега отлогие.

Вездеход резко развернулся и, ломая прибрежные кусты, ринулся вдоль речки к подножию гор. Когда переправились на другой берег, Аббас-ага приказал остановиться. Самратов, Большаков и Коломиец удивленно переглянулись: времени в обрез, в горах каждую минуту может произойти обвал... Но лавинщик спокойно достал из-за пазухи карту и сказал:

— Вот здесь стоит заваленная снегом машина. Объехать ее невозможно, а в обход далеко.

— А чего гадать! — вмешался Коломиец.— У меня есть надежные тросы. Отодвинем вашу машину — и вперед!

— Отодвинуть-то отодвинем, но как сами через снеговую гору проедем? — засомневался Аббас-ага.— Там ведь действительно гора насыпана. Можно и в пропасть свалиться.

Самратов взглянул на Коломийца, встретил спокойный и уверенный взгляд прапорщика, вспомнил, как возил Анатолий в Белоруссии на своем грузовике проржавевшие, готовые от слабого толчка взорваться бомбы, и коротко бросил:

— Поехали, где короче.

— Правильно,— сказал Коломиец.

На перевале они вытащили из-под снежного завала машину, поставили ее в сторону. Дорога вплотную подходила к отвесной стене гранитной скалы, а сбоку темнела глубокая пропасть. Сейчас снег сровнял эту стену и край дороги над пропастью. Как проехать? Пока было ясно одно: из-за большой высоты снежного завала дорогу придется пробивать вслепую, на ощупь, а из-за узости в этом месте, чтобы не натолкнуться на гранитную скалу, вездеход придется вести по краю пропасти.

Аббас-ага сказал, что дорога тут ограждена невысокой бетонной стеной, но сейчас ее, конечно, не увидишь.

— Так говорите, что сбоку дороги стенка есть? — переспросил Коломиец.— Это хорошо. Теперь я проеду наверняка,— и прыгнул в кабину вездехода.

Машина взревела, протаранив завал, вошла в него, как нож в масло, и скрылась. Невидимая, она барахталась в снегу, как жук, попавший в густую траву. Но так казалось только тем, кто наблюдал это со стороны. Машина шла уверенно. Коломиец старался нащупать гусеницами основание бетонной стенки. В кромешной тьме он потихоньку сдавал вправо, ближе к пропасти, сантиметр за сантиметром, и вот металл скрежетнул о бетон.

Машина на миг остановилась и двинулась дальше. Теперь бетонная стена служила верным ориентиром, и водитель это хорошо чувствовал.

Через несколько секунд вездеход вырвался на ровную дорогу, сбросил с себя снежную шапку и остановился. Из кабины появился улыбающийся Анатолий.

— Это же высший класс! — бросился к нему Большаков.— Молодец! Ты только посмотри, что тебя ожидало...

На самом дне пропасти клочьями висел неподвижно-грязный туман, лучи солнца не доставали туда: в его разрывах пиками торчали верхушки тянь-шаньских елей, и между ними извивалась горная река, которую они прошли вброд с полчаса назад.

— Трогаем,— сказал Аббас-ага.

Еще полчаса езды — и они на склоне горы, у подножия которой расположилось селение. Будто и не подозревая о беде, оно сверкало на солнце разноцветными черепицами крыш с телевизионными антеннами.

— Ишь как сияет! — улыбнулся Коломиец.— А на такой высоте и никаких антенн не надо... Правильно я говорю?..

Ему никто не ответил.

Все смотрели на огромную снежную глыбу, нависшую над селением. Потом снова перевели взгляды в долину. По дороге шли грузовики, груженные доверху домашним скарбом, над которым торжественно кивали зелеными листьями комнатные пальмы, так любимые балкарами... За грузовиками тянулись толпы людей: матери несли на руках малышей, дети постарше цеплялись руками за их широкие цветастые юбки, мужчины гнали коров и овец.

Самратов поднес к глазам бинокль и обратил внимание на девочку, которая несла в одной руке кастрюлю, в другой — куклу. Кастрюля явно мешала ей, в конце концов она выронила куклу в грязь... Один старик в черной высокой папахе нес на плечах детскую ванну. Он остановился, чтобы поправить ее, и взглянул наверх. «Знает ли он, что мы уже здесь, у самой лавины?» — подумал Самратов.

А Аббас-аге эта картина напомнила начало войны, когда он, боец-доброволец, видел на раскисших от грязи осенних дорогах такие же толпы беженцев. Они тоже с тревогой и ужасом поглядывали вверх — не покажется ли в небе фашистский самолет.

— Выгружаться! — приказал Самратов.

Ребята взвалили ящики со взрывчаткой на плечи и двинулись к лавине.

За россыпью камней начался снег, который сверкал так ярко, что пришлось надеть темные очки. До лавины оставались метры, но тут покачнулась земля.

— Бегом! — закричал Аббас-ага. Самратов видел, как перекосилось лицо старого лавинщика, и скомандовал, махнув свободной рукой:

— Вперед! За мной! Не отставать! Если сейчас произойдет толчок посильнее, лавина сдвинется с места!

Самратов понял, на что решился Аббас-ага. Поняли это и прапорщик Коломиец и рядовой Большаков: уж коли они не успели достичь середины снежной лавины, теперь оставалось одно — заложить взрывчатку у ее основания. Когда при сильном толчке верхняя, более мощная часть сдвинется, помчится и накроет ящики с толом, тогда и рвануть!

Аббас-ага сразу решился на это, потому что знал — рядом специалист высокого класса, офицер Булат Самратов. Ведь для того, чтобы взорвать лавину, уже движущуюся с большой скоростью, нужно иметь мгновенную реакцию и снайперский глаз.

С вершины полетели камни и снежные комья. Булат бежал к основанию лавины под градом этих камней. «Успеем ли?» — думал он. Теперь все они рисковали жизнью. Не успеют — и «белая смерть» накроет их.

Большаков и Коломиец, находившиеся ближе к вездеходу, уже управились со своим делом и бежали в укрытие.

«Успели... Молодцы! Теперь, если что, накроет только меня и Аббас-агу».

Но тут Самратов поскользнулся на камнях. Его подхватил Аббас-ага.

— Клади взрывчатку! И назад!

Когда бежали обратно, Самратов мельком взглянул наверх и увидел гибкое тело снежного барса. Почуяв смертельную опасность, зверь прыгнул на острый гребень скалы, ухватился за него когтями, повис над снежной лавиной. Рыча и раздирая в кровь лапы, барс силился удержаться на нем.

И вот он — толчок! Казалось, пошла в сторону вершина горы. Барс с диким ревом сорвался со скалы...

Загремели многопудовые камни — лавина стронулась!

Капитан Самратов замер. Только не прозевать момент!

Когда лавина поравнялась с ним, он крутанул ручку «адской машины». Взрыв потряс горы. Снег встал на дыбы!

— Ай да джигит! — закричал Аббас-ага и обнял Самратова.

Возле вездехода они развели костер и вскипятили чай. Аббас-ага заварил его сам.

Он показал рукой на селение и сказал:

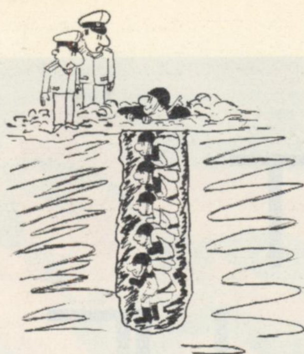
— Смотрите, вот оно, стоит — сверкает крышами на солнце... У балкар есть хороший обычай. Если видят, что у парня с девушкой настоящая любовь, всем селением собираются и строят им дом. И свадьбу играют. Вот какие дома стоят в этом селении!

— Верно. Хорошие дома,— задумчиво произнес Самратов.

Аббас-ага подбросил в огонь сухих веток, взглянул на капитана и сказал:

— Сегодня я тоже в город спущусь. Там уже заждались нас. Верно я говорю, Булат?..

[1] Карлыгаш — ласточка.

— Как вы и приказали, мы вырыли окоп на отделение.
Рис. Ю. КУМЫКОВА

— «Волга»! Я — «Дон»! Работать не могу: «противник» применил помехи...
Рис. Б. МИРОНЕНКО

Зашился

И. СОЙКИН,
капитан
медицинской службы

ЮМОРЕСКА

Когда матрос Илья Форсилин выпустил из распухших пальцев иголку и блаженно откинулся на спинку стула, молодой месяц уже заглядывал в окно бытовки. Завтра предстоял ответственный день. Именно завтра, в день своего рождения, Илья решил сказать Леночке о своих чувствах.

Форсилин извлек из-за пожарного щита два фанерных клина, именуемых «торпедами», и приступил к операции «Клеш». Тщательно вымочив в теплой мыльной воде обе штанины форменных брюк, Форсилин натянул их на «торпеды» и расправил складки. Получилось неплохо. Довольный работой, Илья уложил форму на шкаф, замаскировал газетами и с легким сердцем отправился спать.

На следующий день, промаявшись кое-как до обеда, Форсилин получил наконец долгожданную увольнительную.

Первые трудности возникли в момент переодевания: элегантные брюки никак не хотели налезать.

— Ничего, сейчас мыльце принесу! — засуетился Василий Шитиков, главный модельер экипажа.

И действительно, мыло помогло. С форменной рубахой пришлось повозиться дольше.

— Легче в пожарный рукав залезть! — возмущался Форсилин.

— Спокойно! — скомандовал Василий. — Слушай меня внимательно: руки вверх! Теперь глубокий выдох. Еще, еще!

Шитиков придирчиво осмотрел синеющего от удушья клиента и коротко бросил: «Фирма!» Заметив, однако, что Форсилин судорожно хватает ртом воздух, он невозмутимо добавил:

— Потерпи, сейчас полегчает.

— А снимать как? — прохрипел Илья.

— Снимать? — переспросил Шитиков. — Вот придешь вечером, тогда и решим. И вообще, не о том тебе сейчас думать надо. Его, можно сказать, невеста ждет, а он — как снимать!

К месту свидания Форсилин добрался в полном сознании. Действительно, форма растянулась и позволяла не только дышать, но и вполне сносно передвигаться, правда, пока еще мелким шагом. Минут через десять появилась Лена. Голубые глаза ее сияли, и вся она была такая воздушная и солнечная, что Илья расплылся в улыбке.

— Куда мы сегодня, мой капитан? — весело спросила Лена и, не дожидаясь ответа, предложила: — Пойдем в кино?

Илья не возражал.

У кинотеатра в цветочном киоске продавались тюльпаны. Лена вежливо отвернулась, но Илья попросил ее подождать и довольно шустро засеменил к благоухающему прилавку. Выбрав самый красивый букет, он сунул руку в карман, чтобы расплатиться. Не тут-то было! Сукно, как барабанная кожа, мертвой хваткой стиснуло его пальцы. Форсилин оторопело захлопал глазами. «Вот так история!» Илья грустно положил букет на место.

— Ты знаешь, тюльпаны какие-то вялые, — мучительно краснея, сказал он, вернувшись к Лене. — Пойдем поищем, может, что лучше попадется.

У самого кинотеатра Форсилин остановился и принялся внимательно изучать афишу.

— Знаешь, Леночка, я уже три раза этот фильм видел, — наконец произнес он, ковыряя ботинком землю.

— Три раза?! — удивилась Лена. — А здесь написано, что фильм новый!

— Да? Наверно, ошиблись. Давай лучше в парк сходим?

— Ну что же, можно и в парк, — согласилась Лена и впервые пристально посмотрела на Илью.

В парке Лена неожиданно исчезла, но через несколько минут вернулась с двумя билетами в руках.

— Вот, — сказала она, — билеты на качели. Ты любишь качели, Илюша?

«Качели — это ничего, — размышлял Илья. — Главное, садиться не надо».

А через пять минут земля и небо уже перепутались в его разгоряченном сознании и превратились в одну пеструю, непонятную и очень веселую картину. От высоты и скорости замирало сердце. Лена звонко смеялась, ее золотистые волосы сияли в лучах заходящего солнца...

«Вот сейчас, — думал он, — сейчас я скажу ей: Леночка, я люблю тебя!» Качели взмыли еще выше, и в этот миг резкий звук, похожий на треск рвущейся парусины, перекрыл свист ветра. Лена слабо вскрикнула, но Илья уже ничего не замечал. Удивительная легкость наполнила все его тело! Ощущение скованности и неловкости пропало. Ему хотелось петь и смеяться. «Да здравствует любовь!» — чуть было не закричал он, но, перехватив изумленный Леночкин взгляд, опустил голову и увидел, что штанины его замечательных брюк полощутся по ветру, как ленточки бескозырки...

Признание не состоялось.

ВСЕГДА В СТРОЮ

Ю. ВИНОГРАДОВ,
полковник, главный редактор журнала «Советский воин», лауреат премии имени А. Фадеева

«Советский воин» — один из старейших общественно-политических и литературно-художественных журналов нашей страны. Ранее он назывался «Красноармеец». Журнал всего на год моложе наших славных Вооруженных Сил. Первый его номер вышел 15 апреля 1919 года.

Мы очень гордимся тем, что на его страницах осенью 1919 года было опубликовано обращение Владимира Ильича Ленина «К товарищам красноармейцам». Адресованное человеку с ружьем, рабочим и крестьянам, одетым в солдатские шинели, оно прозвучало набатным призывом к борьбе за Республику Советов, призывом, не жалея крови и жизни, сражаться «за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов».

Возвращаясь более чем на полстолетие назад, хочу привести одно высказывание Михаила Васильевича Фрунзе: «Журнал «Красноармеец» по долгу своей революционной службы занимает очень важное место. Он — единственный в Красной Армии массовый красноармейский журнал... учит... на примерах прошлого, воспитывает на фактах настоящего». Я привел слова М. В. Фрунзе, чтобы подчеркнуть, что и сегодня наш журнал учит своих читателей, прежде всего молодых, «на примерах прошлого, воспитывает на фактах настоящего». Ибо тема боевого прошлого нашей армии и тема армии современной — два магистральных героико-патриотических направления «Советского воина».

У журнала «Советский воин» немало добрых традиций. И одна из таких традиций заключается в том, что со дня рождения журнала на его страницах выступали видные партийные, государственные и военные деятели, а также известные писатели.

Не ошибусь, если скажу, что художественное слово почти всех наших известных писателей и поэтов, начиная с Горького, страстно звучало со страниц «Советского воина» («Красноармейца»).

Во время Великой Отечественной войны журнал объединил вокруг себя более 250 писателей, поэтов, публицистов, художников, композиторов, которые оружием глубокого художественного воздействия помогали партии и народу громить фашистских оккупантов. В те трудные военные годы постоянными авторами «Красноармейца» были Алексей Толстой, Демьян Бедный, Александр Фадеев, Константин Симонов, Всеволод Вишневский, Борис Лавренев, Леонид Соболев, Николай Тихонов, Вячеслав Шишков, Илья Эренбург, Константин Тренев, Петр Павленко, Анна Караваева, Вера Инбер, Мариэтта Шагинян, Самуил Маршак, Сергей Михалков, Вадим Кожевников и многие, многие другие.

Свою главную книгу написал по заданию редакции Александр Твардовский, и со страниц журнала уверенно зашагал к победе легендарный солдат Василий Теркин.

Свято сохраняя и помня факты фронтовой биографии нашего журнала, мы с удовлетворением и гордостью вспоминаем о значении меткого разящего слова на войне, о значении яркого героического образа, который вел бойцов и командиров на подвиги, вел к победе. Печатное слово приравнивалось к штыку, а на связках газет и журналов, шедших на передовую, писалось: «Доставлять наравне с боеприпасами!»

Не случайно Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в годы войны писал: «Журнал «Красноармеец» стал самым любимым и популярным журналом на фронте, стал подлинным другом солдатской души».

За успешную работу по военному, политическому и культурному воспитанию личного состава Красной Армии журнал «Красноармеец» в 1944 году был награжден боевым орденом Красной Звезды.

После Великой Отечественной войны журнал «Советский воин» жил и живет интересами Вооруженных Сил. Показывая качественно новый уровень нашей армии и флота, их боевую оснащенность, соответствующую требованиям времени, журнал постоянно держит в центре своего внимания многогранный и яркий образ современного воина — патриота, интернационалиста, наследника героических боевых традиций дедов и отцов.

Наряду с новым, сегодняшним, наряду с показом научно-технической революции в армии и на флоте мы по-прежнему уделяем неослабное внимание пропаганде революционных, боевых и трудовых традиций советского народа.

Но журнал «Советский воин» не был бы таким, какой он есть, если бы наряду с выступлениями людей известных, мастеров слова он не публиковал из номера в номер корреспонденции, репортажи, очерки, стихи, рассказы, рисунки и фотографии солдат, матросов, офицеров, воинов запаса, будущих воинов. Забота о литературной смене — одна из наших главных забот. Привлечение на страницы журнала новых авторов, пропаганда лучших произведений участников творческих семинаров, организуемых Союзом писателей РСФСР и Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота, — все это тот живительный родник, который пополняет страницы новыми интересными произведениями и именами.

И еще мне хотелось сказать о тех, кто сегодня трудится в редакции журнала, кто выпускает его. Это талантливые люди, горячо любящие свое дело. Публицисты и литераторы, фотокорреспонденты и художники, технические редакторы и работники секретариата. Словом, небольшой, но дружный и слаженный коллектив. Девиз нашего коллектива: всегда держать руку на пульсе ратной жизни, всегда быть в боевой готовности.

СОВЕТСКИЙ ВОИН

БЕЛЫЙ СВЕТ КОНЧАЕТСЯ НЕ НАМИ

В советской литературе первых послевоенных лет широкий общественный резонанс вызвал роман писателя Семена Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» (1947). Роман неоднократно переиздавался, был переведен на двадцать девять языков, экранизирован, инсценирован...

Три десятилетия, минувшие с момента появления этого романа и его продолжения — «Свет над землей» (1949), сгладили кипевшую некогда вокруг них полемику и отчетливо выявили причину широкого интереса дилогии С. Бабаевского. Задумав свою главную книгу в декабре 44-го, военным корреспондентом, писатель чувствовал, что рождается она из неистребимой силы и веры народной, из бабьих слез, надежд и ожиданий, из тоски изранeнных крестьян-фронтовиков по земле, по мирному созидательному труду. Вот почему так необходим был читателю нелегкой послевоенной поры бывший механик-водитель грозной «тридцатьчетверки» Сергей Тутаринов, на полной скорости влючившийся в горячие будни родной станицы.

Удостоенная Государственных премий, дилогия С. Бабаевского открывает недавно выпущенное издательством «Художественная литература» пятитомное собрание сочинений одного из старейших наших прозаиков.

Для каждого писателя собрание сочинений не только свидетельство высокого признания его заслуг в литературе, но и решающий отчет перед многомиллионной читательской аудиторией, на суд которой он выносит весь свой творческий путь. Немало из написанного С. Бабаевским осталось за пределами пятитомника. Однако дорогую ему раннюю повесть «Сестры» писатель включил в первый том, органично состыковав ее с «Кавалером Золотой Звезды».

Повесть переносит нас в одну из кубанских станиц, только что освобожденную от фашистских оккупантов. Неимоверная тяжесть деревенской страды, что легла на плечи полуголодных женщин и подростков, как бы предвосхищает трудовые свершения Сергея Тутаринова и его земляков, проясняет истоки их стойкости, энтузиазма.

Герои Бабаевского всегда на стремнине; они не спускают тем, кто, подобно фронтовому другу Тутаринова, Семену Гончаренко, надумал отсидеться в «житейском окопчике». Сражение за восстановление мирной жизни эти неуемные люди выигрывают потому, что неотделимы от своих земляков и смело опираются на инициативу масс. Так, выдвигая и приобщая к колхозному руководству Никиту Мальцева, Глашу Несмашную или Татьяну Нецветову, Сергей Тутаринов обретает помощников и единомышленников не в кабинетной тиши, а в стремительном водовороте событий.

Уже на материале первых двух романов С. Бабаевский поставил исключительно важные проблемы советского и партийного строительства, немыслимого без поиска «хороших работников», компетентных людей, на отсутствие которых сетует в первой части дилогии секретарь обкома Кондратьев. Эти проблемы разрабатываются писателем и в последующих произведениях, включенных в собрание сочинений.

Драматическая коллизия романа «Родимый край», написанного о прошлом Кубани, охватывает и ее настоящее и позволяет заглянуть в будущее этой щедрой, привольной земли. Роман о трудной женской доле, о судьбе простых крестьянок, но автор и здесь ищет активных героев и героинь.

Всякого повидала на своем бабьем веку старая колхозница Евдокия Ильинична — и хорошего и плохого. Жила, как про таких говорят в народе, не чужими подсказками, а собственным умом. И трудно объяснить ей молодому заезжему художнику, почему она, дочь богатого казака, участника кулацкого восстания, стала знатной дояркой, героиней труда.

Многие черты характера роднят Евдокию Ильиничну с председателем станичного Совета Прасковьей Крошечкиной в ранней повести С. Бабаевского «Сестры», столь же чуждой сытому довольству и успокоенности. Тут вновь сказывается приверженность писателя к злободневным проблемам колхозной действительности, стремление исследовать «диалектику души» человека обостренных общественного долга и совести. Нравственный конфликт подобных людей с окружающими, порой с самыми близкими, всегда поучителен, и автор охотно берет его на вооружение.

С. Бабаевский по-прежнему ведет нас степными трактами, над которыми стрекот кузнечиков и хрустальные трели жаворонков сливаются с не умолкающим и в ночи могучим пением тракторов, ведет под высоким, безоблачным небом через ущелья, станицы и хутора, лесопитомники и горные пастбища, мимо широко разливающейся Кубани — полноправной героини всех произведений писателя.

Вот в сопровождении старого кавалерийского коня по кличке Кузьма Крючков шагают по землям Прикубанья немолодые братья Холмовы из романа «Белый свет» (1969). Идут, чтобы спасти от ножа мясника старика конягу, защитить справедливость, а приходят к большим и малым открытиям, в мир реальных и неотложных дел, «навстречу ушедшим дням». Так условное заострение сюжета в духе народной притчи позволяет писателю реализовать свой весьма актуальный замысел. Путь Алексея Холмова от станицы к станице, от проблемы к проблеме, каждая из которых выявляет толковых, инициативных людей,— это и путь к своим истокам, к самому себе.

«Трудная, Алеша, должность — стоять над людьми»,— говорит герою романа ветеран партии Спиридон Ермаков, сорок лет назад поручившийся за него при вступлении в партию. Проблема ответственности руководителя всегда волновала С. Бабаевского и всякий раз по-новому получала отражение в его книгах. Присутствует она и на страницах последнего из вошедших в собрание сочинений романа «Станица» (1976), где современный колхозный мир предстает как бы в разрезе. Внимательно прослеживает писатель судьбы коренных жителей станицы. Одни оседают на родной земле — агрономом, механизатором, руководителем колхоза. Другие уезжают в город и выбирают стезю архитектора, музыканта, журналиста. Многим этот выбор дается нелегко. Разворачивая перед читателем панораму сегодняшней жизни большого кубанского села, рисуя происходящие там процессы и перемены, автор вместе с героями ищет ответы на вопросы, какой быть станице завтра, как привить деревенской молодежи любовь и преданность крестьянскому труду, завещанному им дедами и прадедами, как лучше удовлетворять растущие духовные потребности станичников...

Народ — вот то главное, что интересует и заботит С. Бабаевского во всех его произведениях. Причем не народ «вообще», а конкретные люди с их насущными нуждами и чаяниями. Сам плоть от плоти народа, постоянно осознавая себя его частицей, писатель из книги в книгу страстно повторяет вслед за Некрасовым: «белый свет кончается не нами», он велик и прекрасен, а человек значим прежде всего своей причастностью к делам и тревогам Времени, готовностью бороться за торжество светлых идеалов, верностью революционному долгу.

Герои С. Бабаевского, подобно ему самому, принадлежат к поколению, рожденному Октябрем. Плечом к плечу строили они новую жизнь, воевали. И если в ранних произведениях еще сказывается романтическая юношеская влюбленность писателя в новизну революционных перемен, а в дилогии о Кавалере Золотой Звезды и его односельчанах — гордость и торжество Победы, упоение радостью мирного труда, то в книгах поздней поры мы встречаемся с художником строгим и зрелым, вдумчиво вникающим в прозу жизни, объективно анализирующим ее и все более тяготеющим к историзму.

Это приводит С. Бабаевского к стилистическому самоограничению и скупости изобразительных средств в романе «Современники», что обусловлено новыми задачами повествования о трудящихся массах и их руководителях, хотя автор сохраняет здесь верность своим творческим принципам.

Герой романа Антон Щедров стремится не к должности, а к тому, чтобы приносить пользу людям, заниматься живым делом. Поэтому он возвращается в родную станицу. Перипетии мужественной борьбы Щедрова за чистоту ленинских идей определяют динамику повествования, в котором автор отказывается от свойственного ему прежде красочного воспроизведения быта, лирических отступлений, сосредоточивая внимание на столкновении Щедрова с Роговым и другими рвачами и приспособленцами.

С. Бабаевский удачно вкрапливает в текст характерные, запоминающиеся черты внешнего облика своих отрицательных персонажей, окружает их экспрессивными многозначительными подробностями, помогающими читателю уяснить внутреннюю суть и душевное состояние этих хамелеонов.

Нам запоминаются «улыбающееся спокойствие» изворотливого демагога Крахмалева, «не машина, а походная квартира» тихого бюрократа Калашника, которого мягко покачивающиеся рессоры «Чайки» клонят в сон даже при рассказе об избиении активиста. Мы дополнинно ощущаем неприкаянность Евгения Рогова в кузове мчащегося сквозь дождь грузовика, где «от одного борта к другому каталась, громыхая, пустая железная бочка», а Рогов «поплотнее прижимался к кабине, боялся, как бы бочка не придавила ему ноги»...

Вместе с тем точная психологическая деталь, вырастающая порой до значения метафоры, снимает с главных действующих лиц романа — партийных и советских работников — налет декларатизма, наделяет их образы, подобно образу Сергея Тутаринова, привлекательностью реального жизненного примера.

Собирательный образ — будь то отрицательный или положительный — занимает ключевое место в населенной множеством примечательных народных типов и характеров прозе Семена Бабаевского. С равным интересом вглядывается он в их черты, указывая на меру ответственности каждого перед лицом жизни.

О. ЮРЬЕВ

Семен Бабаевский. Собрание сочинений в пяти томах. М., «Художественная литература», 1981.

В. Кожух. Род. 1953. ИЮНЬ 1941 ГОДА. 1981.

А. Лысенко. Род. 1916. МОСКВУ ОТСТОЯЛИ. 1965.

Б. Неменский. Род. 1922. МАТЬ. 1945.

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Чужое оружие

— Странно ведет себя Степанида,— заметил Коваль, когда вышли из хаты.

— Хитрит,— произнес Литвин.

— Она случайно не сектантка? Все как-то у нее изувечено.

— Такой заразы у нас в районе до сих пор не водилось,— поспешил заверить майор.

— Итак,— подытожил Коваль,— что дала нам беседа?

— В общем, ничего нового,— вынужден был признать Литвин.— Все это и без нее известно.

— Она ничего не хочет говорить.

— Кто ей поверит!— возмутился капитан Бреус.— Жила в одной хате с Чепиковым и не видела пистолета? Чужие люди видели, а она нет. Есть сведения, что в последнее время он не расставался с «парабеллумом», носил его в кармане или за поясом.

— А мне,— сказал подполковник,— важно не что, а как она говорила о Лагуте. Надо, Юрий Иванович, глубже изучать все, что связано с погибшим, его взаимоотношения с семьей Чепиковых, другие возможные связи. А со Степанидой Клименко еще не один раз придется побеседовать.

— Дмитрий Иванович,— разрешил себе не согласиться с Ковалем майор Литвин,— Лагута — другое дело. Наконец, он жертва. А нас сейчас больше всего интересует преступник. Его мы, я думаю, нашли. И именно на него надо нажимать, чтоб поставить точку над «і».

— Если бы были уверены, что нашли, товарищ майор,—заметил Коваль,— то только бы и оставалось, что передать его дело в прокуратуру. Однако же мы продолжаем свои поиски. И не только прямых доказательств в отношении Чепикова...

Дмитрию Ивановичу показалось, что и сам майор в глубине души не уверен в своей правоте, а только стремится как можно поскорее покончить с этим делом, которое так нежданно свалилось на его голову.

Прошли двор Лагуты и направились к лесной дороге, где их ждал «газик».

Капитан махнул рукой водителю.

— Лагута — жертва!— говорил тем временем подполковник.— Но без достаточных доказательства убийства мы, Сидор Тихонович, никогда не выйдем на преступника... Вы, конечно, знаете термин «виктимность», то есть способность жертвы провоцировать преступление. Между преступником и его жертвой всегда существует какая-то взаимосвязь.

Мысли Коваля о «виктимности», о способности отдельных людей своим неправильным поведением создавать обстановку, благоприятную для преступления, были достаточно известны в кругу оперативных работников и киевских следователей. Находились люди, которые считали такие рассуждения излишними в оперативном розыске. Но с тех пор, как эта идея серьезно завладела юристами, уже никто не подшучивал над подполковником.

— Теперь большое значение придают профилактике преступления,— говорил Дмитрий Иванович.— Но под этим мы часто подразумеваем воспитание именно тех людей, которые способны совершать преступление. И тут не мешает подумать и о тех, которым свойственно как бы накликать на себя беду. Два участника события: один — жертва, другой — преступник. Мы до сих пор обращали внимание только на то, что они находятся на разных полюсах событий. А настало время подумать, каким образом один из них своим поведением невольно усугубил эту трагедию.

— Какая уж тут профилактика, когда убил?— не вытерпел Литвин.— Сроки нас поджимают.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6, 7.

Коваль понимал, что с майора спрашивает не только непосредственное начальство, но и местные власти и вся общественность. Закон обязывает уложиться в назначенный срок. Но еще большего требует закон — установить истину!

— Я тоже за сроки отвечаю, дорогой Сидор Тихонович,— решительно произнес подполковник.— Так вот, Мария Чепикова... Кто она? Какую жизнь вела, ее интересы, радости и беды? Кто были ее друзья? Ее последние минуты... А плотник Лагута? Надо с него начинать. Мертвые умеют молчать. Необходимо все сделать так, чтоб за них говорили живые. И не только люди, а все вокруг, даже чтоб эти камни заговорили...— Коваль показал рукой на огромные серые глыбы.

IV

...Давно собирался Чепиков завести с тещей разговор об усадьбе, да вот не решался. Впервые он об этом сказал, когда задумал построить свою хату. Ему хотелось ее пристроить к старой тещиной пятистенке, чтоб поменьше земли пропало. Шесть соток огорода, которыми располагала доярка на участке, свободном от гранитных валунов, она давно отдала соседу: хозяйничать больше негде. А какая в селе жизнь без земли! Правда, часть урожая Лагута отдавал Степаниде, за что та ему была благодарна, потому как она целые дни пропадала на ферме и заниматься огородом времени не оставалось. А Марийка росла болезненной, к труду крестьянскому не приученной.

Со временем, когда Мария подросла, они свыклись с тем, что участок, примыкающий к подворью Лагуты, уже не принадлежит им. Ни Степаниде, ни Марии и в голову не приходило поправить положение. Тем более что прибыль от огорода, как считала хозяйка, идет на благотворительные дела. С годами, когда на ферме стало легче работать, Степанида и Мария охотно стали помогать соседу управляться с огородом.

Все это крайне удивляло и вместе с тем раздражало Чепикова. И однажды он, набравшись смелости, спросил Степаниду, почему Лагута хозяйничает на чужой земле. Она ничего не ответила, и он больше никогда не заводил разговора о Лагуте. В конце концов какое ему, квартиранту, до этого дело? Он прожил год с Марией в комнатке, отведенной для молодых. Но когда Чепиков собрался пристроить еще полхаты, он прямо заявил Климчихе:

— Лучше ставить к стене, окнами в огород.

На что теща отрубила, словно обухом ударила по голове:

— Держись ближе к речке, на свою сторону не пущу.

Так и пришлось Чепикову пристраиваться на склоне, сдвинув свою хату едва ли не вплотную к низенькому заборчику, которым он уже отгородил их участок от соседа.

Каждую весну, когда теплая, влажная земля снова оживала, у Чепикова, работавшего в овощеводческой бригаде, так и чесались руки взять лопату и вскопать потерянные сотки, но всякий раз теща одергивала его:

— Тебе мало земли в колхозе?

Мария не шла против воли матери. Она не поддержала мужа и тогда, когда Лагута перестал снабжать их овощами,— дескать, Мария замужем за овощеводом, у него их и так навалом...

Был теплый апрельский вечер, когда Чепиков решил сам отобрать у соседа землю. Иван Трофимович сидел на своем крыльце и пристально следил, как Лагута ходит по огороду, сгребая прошлогоднюю траву и листья.

Хотел его позвать: дескать, Петро, иди сюда! — но передумал. Встал, перемахнул низенький заборчик и быстро подошел к нему.

— Доброго здоровья, сосед!

Нехотя Лагута ответил кивком на приветствие, наклонив лысую голову, желтую, как дыня, и стал исподлобья внимательно разглядывать непрошеного гостя. Потом равнодушным жестом указал на скамейку возле хаты. Они сели, подставляя лицо теплому, слепяще-красному солнцу, катившемуся к горизонту.

Разговор Чепиков завел как бы издалека. Сначала о погоде, о том, как в этом году снега напоили землю и весна обещает хороший урожай.

Лагута не подозревал, зачем вдруг его посетил такой редкий гость, но сразу понял: не для разговоров о погоде. Поэтому молчал, ожидая, что скажет сосед.

— Петр Петрович! — наконец приступил к делу Чепиков, когда уже тема о погоде и урожае была исчерпана.— А может, время пришло вернуть участок?

Лагута нахмурился. Он знал, что муж Марии его недолюбливает, избегает, а потому давно ждал от него любых неприятностей. Но вот так, чтобы в открытую потребовать землю?! И теперь растерянно пытался найти ответ, стараясь понять, пришел Чепиков по своей воле или не обошлось тут без Степаниды. Чем больше он раздумывал, тем сильнее убеждался, что у старой доярки рука не подымется на него, поэтому разом оживился и с неопределенностью сказал:

— Кому понадобился участок этот? Кто собирается хозяйничать здесь? Разве тебе, Иван, заботы эти в бригаде не надоели? Поди, теще твоей на ферме вздохнуть некогда. Ну, а Мария?.. Нет, не понимаю я вас...

— И понимать тут нечего! — сдерживая гнев, спокойно отрезал Чепиков.

— Она и мне бы ни к чему. И своей хватает. Но земля эта богу принадлежит. Что соберу, то и раздам... И вдовам и сиротам помогаю. А тебе, Иван, не о клочке земли заботиться, а о душе своей радеть не помешало бы. Новое рождение у господа просить, дабы вечную жизнь заслужить.

— Тогда вот что,— не обращая внимания на слова Лагуты, с раздражением произнес Чепиков,— в этом году землю займу я.

— А что твоя теща, Степанида Яковлевна, сама постыдилась сказать, тебя прислала? Участок ее, а не твой! И я, кстати, в эту землю много положил. И труда и денег. Каждый камушек своими руками выбирал, горсть за горстью землю просеивал. Вот и навоз завез осенью...

— Разговор этот пустой,— твердо заявил Чепиков, поднимаясь со скамейки.— Я тебя, сосед, предупредил. Учти. Займешь огород — пеняй на себя,— уже угрожающе закончил он и быстро пошел домой.

Чепиков не знал, когда именно передал Лагута этот разговор Марии и теще. Но когда на другой день Иван Тимофеевич, уставший, грязный, приехал из бригады — готовили весеннюю землю к посеву,— Мария с укорами набросилась на мужа. Чепиков не успел еще помыться, поесть, растерянно посмотрел на жену и словно не узнал ее. Всегда мягкая, кроткая и такая обходительная, боялась неосторожным словом обидеть. Сейчас, казалось, ее подменили.

— Как ты смел разговаривать так с Петром Петровичем? — возмущенно спрашивала Мария. — Зачем обидел человека?

— Но, Маруся,— защищался Чепиков.— Где же справедливость? Это он вас с матерью обидел, прибрал к рукам чужую землю.

— Не нужен нам огород. А сосед людям помогает, ради всего святого старается!

— Не смеши, Маруся,— продолжал оправдываться Чепиков.— Печется о людях? Какого он бога чтит? Себе карман набивает. И вам задурил голову, а вы и рады стараться.

— Было время, он и нас спасал. Свое отдавал,— не отступала жена.— И ты не должен вмешиваться. В конце концов не твоя земля, а матери!

Чепиков никогда раньше не видел Марию такой разгневанной. И хотя она на него не кричала, говорила, как всегда, тихо, он растерялся.

— Мария, Марусенька,— старался успокоить, приласкать жену, но она оттолкнула его.

— Если хочешь слышать правду,— рассердившись, признался Чепиков,— так эта земля и не твоей матери, и не твоя. Государственная она, и ни у кого нет такого права, чтобы дарить или продавать. Сколько кому на душу положено, столько и отрезали... А что касается меня, то я, между прочим, эту землю и кровью собственной полил... Не то что твой Лагута. Подожди, я еще разузнаю, что он здесь при немцах делал, как с ними ладил.

Мария не знала, что ему ответить, быстро повернулась и вышла из комнаты...

Чепиков умылся, переоделся и поспешил на тещину половину.

Степанида Яковлевна возилась у печи. По комнате разносился запах жареной картошки и мяса, и он вдруг почувствовал, что сильно проголодался.

Марии здесь не было. Теща едва заметным кивком головы поздоровалась и не предложила ему стул. Но Иван Тимофеевич решил не отступать.

— Степанида Яковлевна,— начал он.— Я опять про огород. Пускай Петро отдаст наш участок. Теперь у нас семья большая, самим земли не хватает.

Степанида Яковлевна, маленькая, худенькая женщина, вытирая руки о фартук, устало присела на краешек скамейки.

— Что тебе дался этот огород?

— Вы уже давно рассчитались за все, как говорится, сполна.

— С соседом, может, и рассчитались, а перед богом всегда в долгу.

— Да при чем тут бог? — рассердился Чепиков.— Обманывает он вас, Степанида Яковлевна, этот Лагута со своим богом. Не заберете — сам заберу. Пойду в сельсовет...

Степанида Яковлевна вспыхнула. Вскочила, как ужаленная, со скамейки, гневно блеснула глазами и угрожающе выставила вперед свое небольшое округлое личико, похожее на желтую падалицу.

— В сельсовет, говоришь? Откуда ты такой грамотный взялся? — подбоченившись, подступила она к зятю. — Иди в сельсовет и проси, чтоб тебе участок выделили вместе с огородом. Ставь там хату и командуй. А здесь я хозяйка. Взяла тебя в примаки — так благодари бога, а не хозяйничай! Забыл, каким пришел к нам?! — И она отвернулась к печи, не желая с ним разговаривать.

У Чепикова не было даже сил сразу уйти. Немного погодя он выскочил во двор.

Через несколько дней Лагута с помощью Степаниды Яковлевны и Марии вскопал и засеял участок. Чепиков туда, за хату, больше и не заглядывал.

Это была первая ссора Марии с мужем. Вскоре о ней забыли, и жизнь как будто вошла в свое привычное русло. И все же размолвка оставила незаметную, казалось бы, трещинку во всех их взаимоотношениях. Эта трещинка, как запущенная ранка, время от времени давала знать о себе. Они, словно взглянув друг на друга со стороны, вдруг увидели себя совсем в ином свете, и не способны были уже воспринимать все вокруг так, как раньше, до ссоры...

V

Ганну Кульбачку не пришлось приглашать в райотдел. Она сама туда позвонила и попросила свидания с Ковалем.

Ему отвели комнату на втором этаже рядом с кабинетом майора Литвина. Сейчас Коваль сидел в кресле и, не перебивая, внимательно слушал Кульбачку. Голос ее так журчал, словно поблизости бежал ручеек. Тихий, баюкающий голос Кульбачки, казалось, усыплял Коваля. И сама она — небольшая, с милым, немного усталым лицом, с мягкими, ласковыми руками — сейчас будто вся светилась.

Коваль подумал, что именно такими предстают в рассказах фантастов-путешественников сказочные мифические сирены.

— Ваша правда,— тем временем умиротворенно заметила Ганна.— Верно говорите, товарищ начальник, и я так же думаю. Не люди для нас, а мы для людей. Вот скоро уже двадцать лет работаю, ночей недосыпаю, с петухами встаю. Только чтобы человеку дать все, что ему необходимо. На селе, кроме меня, спичек ни у кого не купишь и хлеба не достанешь... Горло на складе рву, чтобы товар для своих покупателей выдрать... Нет денег, а я помогу. На селе каждый человек для меня не случайный покупатель, он мне сосед, а сосед должен выручать соседа — так от дедов и прадедов пошло, на том и свет божий стоит!..— Ганна тяжело вздохнула и еще более жалостливо добавила: — От этого у меня одни неприятности. Боком все выходит. Разве так можно, чтоб за добро тебя наказывали? — Она снова умолкла, собираясь с мыслями, чтобы все же сказать о главном.— Может, кому-то и не угодила. Жалобы пишут. Делать им нечего или зависть берет... Особенно одна есть здесь такая... Отсюда и все беды. Жалуются, дескать, спаиваю людей, даю в долг... А как не выручить, если у человека денег при себе нет? А душа у него горит. Водку и вино даю. Я не только вино, и папиросы в долг давала, и мыло, и сахар. На душу грех брала, свои вкладывала, чтоб недостачи не было. И план выполняла. Грамот вон сколько! И от райпотребсоюза и из области — хоть стены ими оклеивай.

Оклеветали меня завистники, приехали из вашей милиции, спрашивают, почему даешь в долг водку, людей спаиваешь? Где тетрадь долговая? Я им и отвечаю: на себя беду брала. Если холодильники, телевизоры в кредит дают, почему же водку нельзя? Не дай я ему вина, разве он угомонится? Я этих пьянчуг знаю. Будет шататься по всему селу, пока не отыщет самогон и глотку свою не зальет. Тогда уж лучше пускай вина выпьет и идет себе домой спать.

Сказали мне: «Пиши объяснение». Дескать, виновата, нарушила правила торговли. Протокол составили. Думала, напишу объяснение, на этом все и закончится. А они тетрадь забрали и еще пригрозили, что ларек опечатают.

Опечатать легко. А про людей забыли? Кто за куском мыла и коробком спичек двадцать километров до района пойдет? Не скоро откроют новый магазин. Да и вообще Вербивку нашу будут выселять на Журавли...

Я для общего дела свою усадьбу не пожалела, забор попортила, специально дырку для прилавка вырезала. Со двора будку пристроила, и все на свои кровные. Райсоюз копейки дает за аренду. Теперь вам жалуются на меня бабы, а потом и вовсе на селе ничего не купят.

Все это Ганна высказала на одном дыхании.

Только сейчас заметил Коваль, как слегка поблекли ее светлые глаза.

— Я прошу вас вернуть мне тетрадь, товарищ начальник. Как я без нее соберу теперь долги? Хотела ехать в Черкассы или в Киев с жалобой, да хорошо вы приехали,— с уважением оглядела она погоны Коваля.— Два раза приходила к вашему Литвину, а он и разговаривать не стал...

Слушая продавщицу, Коваль думал: «Зачем она ко мне пришла с этой жалобой? Ведь они составили протокол о нарушении правил торговли, долговая тетрадь стала вещественным доказательством, и никто не может ее забрать. Неужели такая разбитная баба это не понимает? А зачем запугивает, что людям хлеб негде будет купить? Ведь ларек еще никто не закрывает».

Зачем же пришла к нему? Только ли за тетрадью? Чего она еще боится? Может, того, чтоб милиция не добивалась снятия ее с работы?

Коваль догадывался, что тут какая-то хитрая уловка, но какая — пока еще не мог взять в толк. И от одного этого сознания ему становилось не по себе, словно он, старый волк, уже настолько потерял нюх, что какая-то лисичка собирается перехитрить его.

К тому же подполковник пытался до конца представить себе эту, казалось бы, на первый взгляд бесцветную женщину, совсем в других жизненных ситуациях — в радости, в гневе, в печали — и сразу понял, что голос ее может быть не таким ласковым и грустным.

И все же почему она поторопилась к нему?

— Ладно! — произнес Коваль.— Что касается вашей тетради и вашей торговли — разберемся. А сейчас попрошу, расскажите о ваших односельчанах, что вы знаете про Лагуту, Марию и Ивана Чепиковых.

У Ганны слегка дрогнули веки.

— Что вас интересует? Сразу вот так трудно...

— Меня интересует Чепиков.

— Не знаю, что о нем и сказать,— осторожно начала Ганна, не понимая, что же все-таки хочет услышать от нее подполковник.

— Заходил он в ваш ларек?

— Как и все.

— И как вел себя?

— Обыкновенно. Я ведь к своим клиентам не особенно присматриваюсь да прислушиваюсь. Иногда как выстроятся перед окошком, нет времени на себя взглянуть.

— Ничего странного не замечали?

— Да как вам сказать, товарищ начальник...— И, словно что-то припоминая, Ганна устремила глаза в распахнутое окно, дышавшее свежестью и теплотой.

— Какой я вам начальник,— поправил продавщицу Коваль. Откуда у нее это «начальник»? Смотри, еще и «гражданином начальником» начнет называть, ведь ни в колонии, ни под судом не была.— Моя фамилия Коваль.

— Ну да, конечно, товарищ Коваль,— как можно теплее произнесла Ганна.— В последнее время какой-то он странный был. Придет, сядет на бревна и молчит. Часами мог так сидеть. Как только его из бригады не выгнали!.. А вообще работал, говорят, не за страх, а за совесть...

— Пока не запил? — спросил Коваль.

— Эге, запил, родненький, запил. Но другие выпьют и кто во что горазд: кто песни поет, кто лясы точит...

— А кто в драку лезет...— как бы в унисон Ганне добавил Коваль.

— Было, было,— быстро согласилась продавщица.— Люди, конечно, разные приходили.

— А Чепиков?

— Чепиков? Нет, он не шумел и песен не пел, один только раз, помню, когда Николай — наш шофер — сказал чепуху о Марии, так он бутылкой на него замахнулся и пару ласковых сказал.

— А что именно сказал? — поинтересовался Коваль.

— Да вот никак не припомню,— призналась Ганна.— Случилось это, когда он первый раз к ларьку пришел. В аккурат в начале лета, перед косовицей... Пришел, значит, и уселся

на дубках. А тут Николай с дружком на мотоцикле приехали, стали гулять. Чепиков долго сидел молча, потом вдруг вскочил и ко мне: «Налей, Ганка!» Одним махом опрокинул стакан и говорит: «Налей еще!» «Хватит, ты непьющий, жара, глянь, какая, разом опьянеешь, а там и до греха недолго»,— говорю ему, а он свое заладил: «Налей, я тебе деньги плачу». «Разве дело в деньгах, родимый?» — говорю. — Я и без твоей трешки план выполняю». А он прицепился как репей. Взяла грех на душу. Налила. Прошел час, не больше, слышу — крик и шум. Посмотрела: Николай с Чепиковым сцепились, словно петухи.

— Как его фамилия? Николая.

— Гоглюватый, шофер наш, из потребсоюза. Неподалеку от меня живет.

— А дружок его?

— Андрей. Карасик по фамилии. Так себе человек: ни богу свечка, ни черту кочерга.

— Ну, дальше.

Ганна на какое-то мгновение задумалась, стараясь воскресить прерванные воспоминания.

— «Не бреши,— кричит, значит, Чепиков шоферу.— А то хана тебе будет!» А Николай ему: «Дурак ты старый, сам не видел, врать не буду, а слухи такие есть. Да какое мне в конце концов дело? Плевать я на твою Маруську хотел, и на Лагуту, и на тебя тоже». «Ну что вы не поделили? — вмешался Карасик.— Вранье все. Лагута тоже старый, лысый, зачем он ей!» «А может, она подержанных уважает?!» — засмеялся Николай.— Вот Чепиков тоже сильно молью побитый. А замуж за него пошла». После этого с трудом Карасик их растащил. С того дня и повадился Чепиков на мои дубки и все ругал Лагуту.

— И угрожал? — спросил Коваль.

— И такое было. Любил он Марию и не скрывал. Хотя и калека, а все-таки на двадцать лет моложе. И лицом — хоть с него воду пей, да и сама — тихая, кроткая, ничего не скажешь.

— Ну, а Лагута что ж? Как реагировал на это?

— Лагута — божий человек. Я тоже в муки Христа верю, но не так, как он. Мирских дел не чуждаюсь. Живу, работаю, как все люди. И грешна я,— тяжело вздохнула Ганна.— Прости мою душу грешную! А брат Петро один такой был на всю Вербивку. Да что там наше село! Не знаю даже, где еще есть такой праведный человек. Послушаешь его и диву даешься: вера у него такая, словно не он по земле ходит, а над землей сам возвышается. Поэтому и Христово ученье избрал своей жизнью, негреховное ремесло, коли плотником стал.

— И значит, никаких грехов за ним не водилось?

Ганна только руками развела.

— А вы грешница? — глядя прямо в лицо Ганне, улыбнулся Коваль.

В глазах женщины застыло удивление: неужто подполковник заигрывает с ней? Потом опустила глаза, но Коваль мог даже поклясться, что в последнее мгновение в них мелькнуло обыкновенное кокетство.

— А за что, вы думаете, убили Петра Лагуту?

— Известно за что. Из-за ревности сатанинской.

— Как же можно ревновать такого, как вы говорите, святого человека? Да и в самом деле немолодой он был.

— Не знаю,— замялась Ганна.— Спьяну, наверное, или какая блажь нашла на него, он ведь, этот Чепиков, контуженный с войны! Кто знает, что ему в голову взбрело. Ну, пошли пересуды, но мало ли что люди набрешут! Вот и обо мне всякое говорят, жалобы пишут.

— Хорошо,— перебил ее Коваль,— теперь такой вопрос: вы рассказали участковому, что видели, как Чепиков в нетрезвом состоянии уронил возле дубков пистолет. Потом поднял и снова спрятал его.

Ганна молча кивнула головой.

— Не показалось ли вам? Может, он не пистолет уронил, а какую-нибудь другую вещь, кошелек, например?

— Откуда у него кошелек? Для денег у мужиков карманы есть,— посмотрела свысока продавщица на Коваля, как бы говоря: не знаешь ты, добрый человек, наших сельских привычек.— Револьвер, говорю, потерял. Парабеллум.

— Вы знаете системы оружия?

— Парабеллумов тут немцы словно мусору набросали.

— У вас хорошее зрение?

— Нитку в иголку вдеваю.

— Где вы стояли, когда Чепиков уронил пистолет?

— За прилавком.

— А какое расстояние до дубков?

— Можно сказать, рядом. Через дорогу.

Коваль подумал, что надо поручить Бреусу произвести эксперимент. Ганна его больше не интересовала.

Достал пачку «Беломора», закурил и, несколько раз затянувшись, сказал:

— Ну, хватит. Можете идти. Потребуетесь — вызовем.

Потом встал из-за стола, подошел к распахнутому настежь окну, выпуская облачка дыма. Высокий ростом, он едва не доставал головой потолок.

Через некоторое время обернулся и увидел, что женщина стоит посреди комнаты.

— Вы меня поняли? Вы свободны.

— А как же с тетрадью, товарищ подполковник? — напомнила жалобно продавщица.— Как я без нее долги соберу?.. И к тому же это не мои деньги, а государственные. Люди потребсоюзу задолжали,— пустила она в ход последний козырь.

— Вот как,— едва сдержался, чтоб не улыбнуться, Коваль.— Вы, гражданка, задолжали, больше никто. Еще это вам объяснять? — Не дожидаясь ответа, добавил: — Я уже сказал, разберемся.

Коваль снова затянулся дымом и отвернулся, выпуская его в окно. Услышал шорох за спиной, тихие шаги, потом легкий скрип двери. Когда Кульбачка ушла, Коваль вернулся к столу и, откинувшись на спинку стула, долго сидел, задумавшись...

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

ВТОРОЙ ДОМ

Этот торт повар заводской столовой Татьяна Павловна Черная приготовила для новоселов.

С. КАЛИНИЧЕВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Производственное объединение «Терминал» — одно из многих промышленных предприятий Винницы. Оно построено более десяти лет назад и выпускает современную продукцию. Это приборы, что позволяют человеку общаться с ЭВМ. Их называют дисплеями. Вспомните Центр управления космическими полетами, каким его показывают по телевидению — перед каждым из операторов прибор со светящимся экраном и клавиатурой. Это и есть дисплей.

Цех регулировки дисплейных модулей — один из основных. Большой зал с колоннами, мягкий свет, цветы. Люди в белых халатах — их немного, они рассредоточены по цеху, молча склонились над приборами. Раньше здесь на рабочих местах трудились инженеры. Но после того, как они же вместе с конструкторами создали ряд электронных устройств, отпала необходимость держать инженеров на рабочих местах. Их заменили в основном выпускники техникума.

И все же регулирование и настройка сложнейшей электронной аппаратуры требуют, кроме знаний, большой сосредоточенности, интуиции и, если хотите, вдохновения. Не случайно поэтому в ряду дверей, что ведут из цеха в кладовки, бытовки, кабинеты, оказалась одна с непонятной табличкой «Кабинет «ПР». Нам предложили зайти.

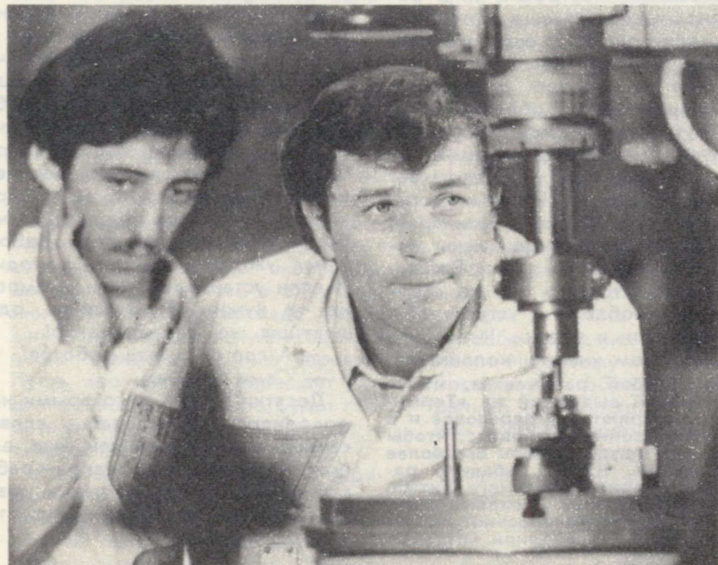
Через небольшой коридорчик попадаешь в царство тишины и покоя. Прохладный воздух пахнет лесом и речкой. Проходишь по ковру и опускаешься в кресло. Пушистым клетчатым пледом уютно укутываешь ноги и оказываешься как бы совсем в ином мире. В предрассветной мгле неуверенно щебечут птицы, далекая мягкая музыка только угадывается. Негромкий голос, который звучит «ниоткуда», просит тебя расслабиться, прислушаться к своим ощущениям. Прямо перед глазами, за полупрозрачной кисеей занавеси, вырисовываются луг, берег реки, манящая опушка леса...

Через 10—12 минут сеанс окончен, и ты чувствуешь себя бодрым, как после хорошей прогулки.

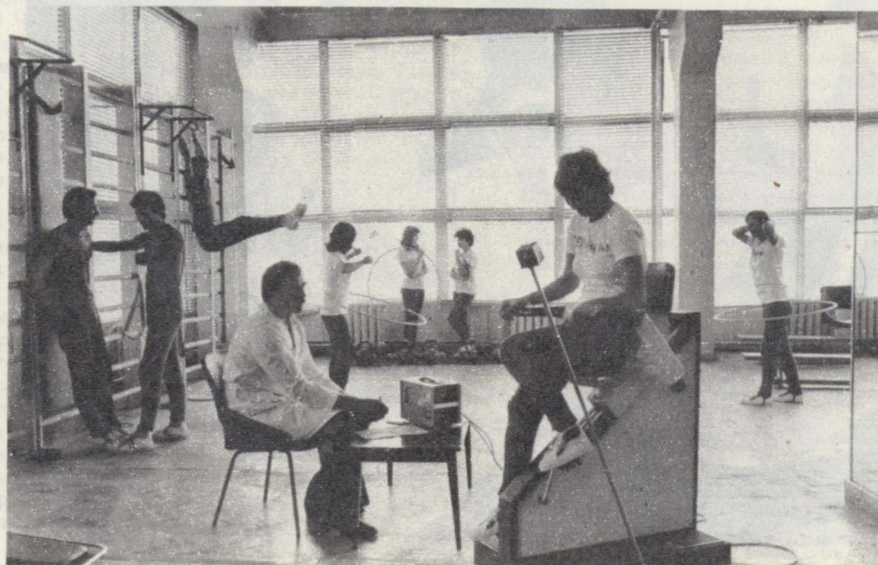
Это кабинет «ПР» — психологической регуляции. Создали его сами рабочие цеха. Вначале появилось нечто вроде комнаты отдыха, потом стереофонические устройства, световые эффекты, мягкая обивка, панорама тихого уголка природы. Все обустройство вплоть до изготовления удобных кресел велось на общественных началах тут же, на заводе. Это по-

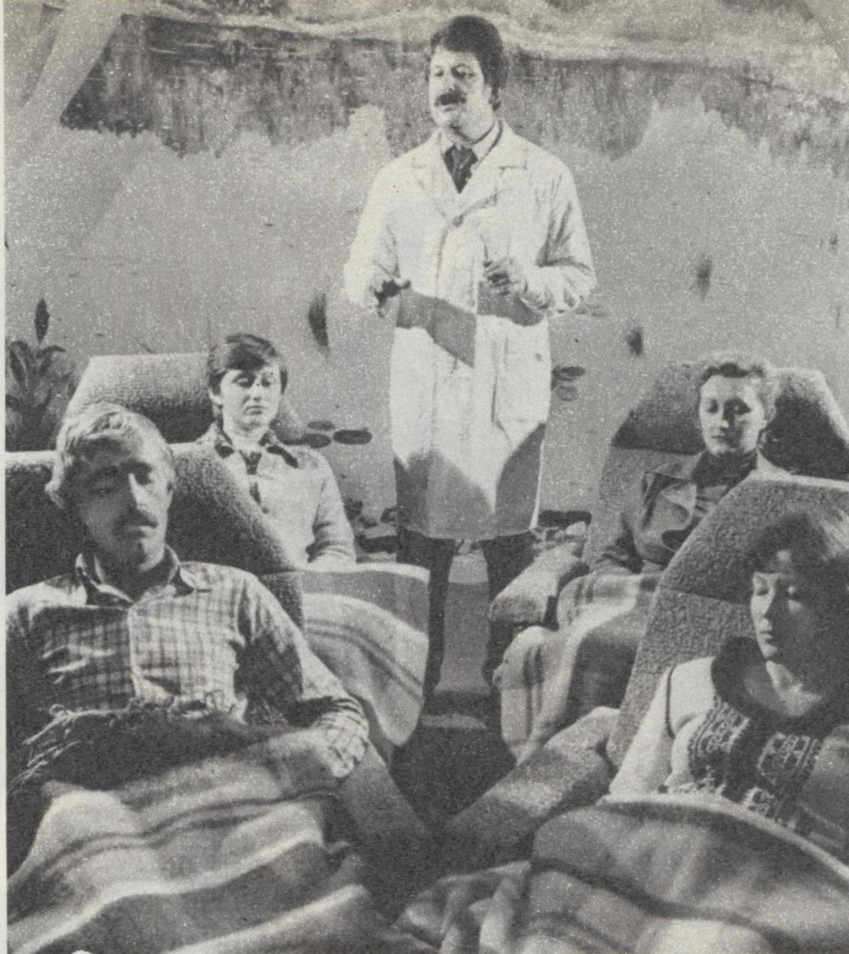
Новоселье в семье слесаря Петра Васильевича Овчара.

Лучший бригадир комплексной бригады инструментальщиков Виктор Андронович Дуля и его ученик Владимир Очеретный.

В заводском спортзале.

Кабинет психологической регуляции.
Сауна.

том уже пришел и врач-психиатр, приглашенный для консультаций. Заводские руководители заключили договор с Винницким мединститутом, чтобы в течение года каждый работающий на «Терминале» проходил глубокое медицинское обследование. Вот тогда и вспомнили о кабинете «ПР». Тех, кто жалуется на бессонницу, головные боли, спазмы в области сердца, у кого обозначились признаки ишемической болезни, формируют в группы, и дважды в неделю здесь с ними проводятся сеансы психотерапии под наблюдением профессора-кардиолога.

В обеденный перерыв меня привели в просторный зал. Вдали тянулись ряды кресел — сотни три, перед ними — сцена с зачехленными инструментами, акустическим оборудованием. Это, как объяснили мне, цеховой красный уголок. Он занимает меньшую часть зала, а остальную — зимний сад с вечнозелеными растениями, фонтаном, аквариумом, большими клетками для птиц.

— Откуда все это?

— Зимний сад? — переспросил мой спутник, бригадир инструментальщиков Виктор Андронович Дуля.— Это мы все сами... Сначала он был небольшой, в границах корпуса. А в прошлом году решили достроить. Вынесли стенку — насколько территория за цехом позволяла, поставили опорные колонны...

— Кто именно «решил», «вынес», «поставил»?

— Мы. Всем цехом. У нас больше тридцати цехов. И в каждом сами рабочие, мастера, инженеры что-то строят, украшают, придумывают удобства, чтобы на работу было приятно приходить. Это как в своем доме — там полочку надо прибить, там веранду доделать... Если у кого-то появляется хорошая мысль, если ее поддерживают другие — на собрании или так, в разговорах,— подключается профсоюзная группа, комсомол... Да что объяснять? Пойдемте.— И мы вошли в образцовую сауну с бассейном, раздевалкой, душевыми.

— Тоже сами делали,— продолжал мой спутник.— У нас, скажем, не все заядлые парильщики. Но почему не поддержать товарищей? Оставались на час-другой после работы. А на втором этаже — кабинет лечебной физкультуры, на третьем — жемчужные и прочие ванны. Зимний сад, возможно, тоже не каждому нужен, но строили его всем коллективом. Да если бы высокое начальство брало на себя все то, что у нас в каждом цехе придумано и организовано, у него никаких сил не хватило бы. Возьмите наши общежития. Их два, и две дискотеки. В каждой — бар, стереофоническая аппаратура, цветомузыка. Ну кто все это может сделать лучше нас самих?

Позже я узнал, что свою сауну с бассейном построили и в ремонтном цехе, что еще одну строят в электроцехе. И еще мне рассказали про то, как хорошо поставлена на заводе медслужба. Все отпускники тут обеспечиваются путевками — свой спальный корпус в Немировском доме отдыха, а для тех, кто отдыхает семьей,— база на Черном море. Открыт здесь магазин кулинарии, где работница в конце смены может получить свой заказ. Рассказали и про то, что нет на «Терминале» проблем с устройством детей в ясли и садики. И все это при активном участии коллектива.

Само собой разумеется, что с не меньшей выдумкой на «Терминале» внедряют все передовое и в производственный процесс, чтобы облегчить труд, сделать его более интересным. Чтобы избавить рабочего от принудительного ритма, помочь ему лучше раскрыть свои творческие возможности, пошли на отказ от конвейерной системы. Но это особая тема. Скажем только, что на заводе и в конструкторском бюро работает тридцать ЭВМ. Внедрено больше десятка автоматизированных систем управления технологическими процессами, почти столько же систем автоматизированного проектирования. На «Терминале» считают, что конструктор у чертежной доски — анахронизм. Внедрение АРМ (автоматизированное рабочее место) позволило в десять раз повысить производительность труда конструктора.

Усилия коллектива дали возможность значительно увеличить проектную мощность первой очереди завода. Нам было интересно слушать рассказ слесаря механо-штамповочного цеха Павла Моисеевича Сологуба о том, как этот творческий запал воплощается в дела.

— Критиковать легко, а мы друг от друга требуем: прежде всего подумай, а нельзя ли самому исправить недостаток. Если же что-то по силам бригаде, то незачем выносить на цеховое собрание...

Побыв несколько дней на «Терминале», мы не могли не обратить внимания на удивительно дружеский тон общения людей в цехах и служебных кабинетах. Он идет от тех времен, когда завод еще только строился, а стройка была объявлена комсомольской. Опытный инженер и молодой специалист, вчерашний десятиклассник и приехавшая из села девчонка, все на равных месили грязь на строительных площадках, возводили корпуса и устанавливали оборудование. А потом один стал начальником цеха, другой — конструктором, третий — монтажником или слесарем. Но дух комсомольского братства остался. Его воспринимали новые люди, приходившие на производство. И что важно — инициатива здесь всегда пользуется дружеской поддержкой сверху.

В этом нас еще раз убедил разговор с генеральным директором Юрием Федоровичем Пановым. Он подтянут, энергичен и довольно молод для генерального, хотя уже десять лет возглавляет коллектив «Терминала». И главному инженеру Валерию Павловичу Подкопаеву нет сорока, а многим начальникам цехов — и тридцати лет. Юрий Федорович начал разговор с того, что «Терминал» переживает самые напряженные дни за все время своего существования. В нынешней пятилетке на тех же площадях и теми же, по сути, руками надо увеличить выпуск продукции, значительно снизив ее энерго- и материалоемкость. И так получилось, что именно сейчас, в течение квартала, надо запустить в производство больше половины новых моделей.

Юрий Федорович с жаром рассказывал, на какой оперативный простор выходит коллектив, освоив уже сегодня выпуск ультрасовременной техники, нацеленной в день завтрашний.

— А каковы основные трудности вашего роста? — спросил я.

— Преодоление психологических барьеров. Недавно пришел начальник цеха с просьбой добавить по штату пять штамповщиц. А я ему отвечаю: «Бери пять роботов». Он мнется. Взять девочек-штамповщиц — это, знаете, привычно, а потому и кажется, что более надежно. Но ведь роботы у нас уже действуют, и не один. И если установить их на штамповке, то нужна будет лишь одна девушка, но уже оператор!

— А где возьмете роботов?

— Сами сделаем.

Десятки людей, с которыми нам доводилось беседовать, словно сговорившись, заявляли, что ему (или ей) просто повезло — работать в таком цехе, на таком заводе, который для всех них стал вторым домом.

Стихи замечательного русского советского поэта Александра Андреевича Прокофьева вошли в сокровищницу отечественной поэзии. Свой талант Прокофьев отдал Родине и сказал о ней слова искренние, сердечные:

Мне о России надо говорить,
Да так, чтоб вслух стихи произносили,
Да так, чтоб захотелось повторить,
Сильнее всех имен сказать: Россия!

Мы публикуем воспоминания А. М. Нестерова, долгие годы общавшегося с поэтом.

МНЕ О РОССИИ НАДО ГОВОРИТЬ

ИЗ БЕСЕД С АЛЕКСАНДРОМ ПРОКОФЬЕВЫМ

А. НЕСТЕРОВ

Двадцать пять лет прожил Александр Прокофьев в маленьком приветливом доме в Комарове. Этот трехкомнатный домик, с почти не закрывающимися дверьми, он любил. Здесь ему легко и плодоносно работалось. Здесь, отложив перо, он брался за лопату — в основном, чтобы посадить еще одно дерево. Здесь почти все было сделано его руками или с его участием: колодец, которым он очень гордился, считая, что в нем самая вкусная вода; столик под тополем, где его посещали самые заветные слова; самодельная банька с распахнутой дверью и выбеленным от воды полом; небольшая скамейка, как завалинка под окном,— это самое солнечное место. А за банькой калитка и сказочная дорожка в лес, которую он обожал несказанно и часто останавливался на ней зачарованно. И вот здесь как-то однажды я, прочитавший книгу сонетов Петрарки, спросил его: «А что такое «венок сонетов»?» Прокофьев прошел несколько шагов по тропинке и вместо того, чтобы ответить на вопрос, заговорил о том, что давно собирается написать венок сонетов. «Тема есть,— продолжал он,— очень своеобразная тема. Она и человеческая и литературная. Я многим обязан людям, среди которых жил, особенно людям литературы, создателям русской классики и тем, кто работает сейчас. Очень бы мне хотелось объединить в такой поэтической форме, как «венок», стихи о людях, поразивших меня своими поэтическими молниями. Вот бы соединить это в одну песню. Вот только время надо, время мне надо. А еще хочу посадить в честь каждого из них деревцо. Пусть оно растет и украшает людям жизнь, а мне любо будет глядеть на него, как оно крепнет и тянется к солнцу».

Я вспомнил этот случай, и передо мной возникли неторопливые беседы Александра Андреевича и образы тех, с кем я сам встречался у него в небольшом домике в Комарове.

* * *

Мы возвращались в Комарово после работы на электричке. Объявили: следующая станция — Озерки. Я сказал, что всякий раз, когда слышу это название, вспоминаю Александра Блока. Александр Андреевич грустно посмотрел на меня и неожиданно стал читать А. Блока. Сначала «Под насыпью во рву некошеном», потом «По вечерам над ресторанами». Затем признался, что Озерки у него тоже ассоциируются с Блоком.

— Моя бы воля,— сказал он,— восстановил бы здесь, в Озерках, все так, как было при нем. И этот его знаменитый ресторан и место, где он любил сидеть, обозначил бы: «Здесь сидел Блок». Восстановил бы фонари, какие были при нем, нашел бы дорожки, по которым поэт любил гулять, а на них расставил бы скамейки того времени. Чтоб человек присел, вспомнил Блока и погрустил.

Думается мне,— продолжал задумчиво Александр Андреевич,— что у русских больших поэтов есть что-то роковое, исповедальное. Они в состоянии многое предсказать и свою судьбу тоже. Вот вспомни: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Маяковский, Есенин. Но Блок в этом отношении еще более фатален, или магичен, что ли! Читая его стихи, иногда думаешь, что он знал точно время своей смерти.

Блок был взыскателен и строг к молодым поэтам. Русские поэты, заметь, безудержно не восторгаются друг другом, но в главном стоят друг за друга до конца. Несомненно также и то, что все они искренни, революционны, откликаются на все новое, на все то, что народно, демократично.

Таков Блок. Но он был крайне своеобразен даже в своей народности. И поэтому многие за сложностью его образов, некоторой ранней мистичностью, таинственной музыкальностью стиха не сумели понять его до конца. Не замечали, что он всегда открывал что-то новое, был удивительно искренен, даже наивен в своем волшебном мастерстве.

Александр Андреевич заговорил о прекрасной душе поэта, который за все платил своим собственным здоровьем, нервами, житейски был совершенно беззащитен. Он присягнул искусству и, пока у него хватило сил, служил ему.

Мы вышли из вагона на дощатую платформу и, спустившись по истертым деревянным ступеням на тихую песчаную, обсаженную с обеих сторон высокими деревьями 2-ю Дачную улицу, пошли к небольшому весело выглядывающему из венка деревьев домику.

Прошло несколько дней, и на этой же улице Александр Андреевич встречал приехавших из Москвы в гости к Прокофьеву и увидеть белые ночи Михаила Васильевича и Антонину Ивановну Исаковских.

...Через два дня Исаковские уехали. Александр Андреевич ходил рассеянный и грустный.

— Удивительно светлый человек,— говорил он о Михаиле Васильевиче,— все в нем пронизано каким-то нежным первозданным отблеском совестливости и сердечности. Он с каждым разговаривает так, будто в руках птенца держит, боится нечаянно стиснуть пальцы. И песни его тоже несут этот отблеск. Поэтому они так легко ложатся на сердце, находят такой отклик у каждого, так располагают к откровенности. Посмотри на человека, когда он поет, когда он весь отдается песне, ее настроению,— он так открыт, так искренен, будто находится наедине с природой, наедине с самим собой. Он как бы говорит о самом сокровенном. Вот это-то и заметил Исаковский.

Иногда поворот мыслей Александра Андреевича был неожиданным. Например, он любил песню «Летят перелетные птицы». Но однажды вечером, посмотрев телепередачу, посвященную Патрису Лумумбе, заметил: «Одну неточность, как мне кажется, Михаил Васильевич здесь допустил, сказав «Африка мне не нужна». Хотя, конечно, с точки зрения нераздельности судьбы человека и страны своей он прав. Мы не захватчики, но и не безразличные люди. Они ведь за свободу свою борются, и мы им там очень нужны: наш опыт, наши мысли. Вот Борис Корнилов в «Моей Африке» здорово это понимал. Помнишь смерть негра — красного командира? «Как умер он в бою за сумрачную, за свою Россию, так я умру за Африку мою».

Что-то в Комарове Прокофьеву постоянно напоминало о Сергее Есенине. Может быть, березы, которые росли у самого крыльца, а может быть, тропинка, уходящая прямо от калитки в лес,— нежная, манящая в глубь зелени и птичьего щебетания.

А мне не раз казалось, что при возникновении разговора о Сергее Есенине в доме сразу менялась атмосфера: комната будто наполнялась чистейшим озоном, как после грозы летом. Есенин был не только любим, он был родным человеком. Им гордились, как в большой семье гордятся старшим сыном... О Есенине нельзя было говорить поверхностно, тем более ошибочно.

— Как можно,— говорил Прокофьев,— быть таким легковерным. Если поверить: что-де пил, гулял, ничего не делал, а только в кабаках дни проводил, то когда же он все это написал? Когда написал четыре (тома стихов, поэмы, рассказы, повести, сценарии, статьи? Или, может, это так просто? Сел, задумался, и через час готово? Нет! Кто пробовал писать, тот знает, как мучаешься ночи напролет над одним стихотворением и даже строчкой. Сидишь часами, чаю не вспомнишь выпить, а не то что водки. А ведь он и прожил-то как поэт всего около десяти лет! Ведь в тридцать его уже не стало. В наше время отдельные оболтусы в эти годы в детях числятся. Нет, это труд неимоверный — писать так, как писал Есенин. Забывают, что говорил Маяковский: «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Так вот, если прикинуть хотя бы по количеству все то, что он написал, то надо десятки лет, не поднимаясь, строчить каждый день.

Для нас, людей старшего поколения, захвативших старую жизнь, все, что есть у Есенина, и ново и так понятно одновременно. Порой от бессилия плачешь, а солнышко вышло — и запоешь...

Я уезжал из дома в учительскую семинарию в пятнадцать лет,— продолжал Прокофьев, — думал, все-таки мамке легче будет, одним ртом меньше — в доме ни хлеба, ни картошки. Батька-то на войне, а нас у мамы семеро. А помощь-то у кого просить, у попа, что ли? Помню, как прочитал впервые, аж душу сжало, будто сам об этом думал, будто сам написал:

Никнут шелковые травы,
Пахнут смолистой сосной.
Ой вы, луга и дубравы,
Я одурманен весной.

Это же такая правда, такая нежность!

Есенин неповторим, как русская природа, русская архитектура, русская речь. Если бы он еще хоть десяток лет прожил, он бы создал такое, что называли бы восьмым чудом света. И все это

для той земли, о которой он так удивительно сказал: «Шестая часть земли с названьем кратким Русь».

Здесь, в Комарове, сажал Прокофьев на своем участке молодые деревья (в основном дубки и клены) в честь друзей-поэтов, наиболее близких его душе. Вот почему участок, где раньше росло лишь несколько берез, сосен и тополей, превратился со временем в густо засаженный заповедник, где дерево берегли пуще, чем имущество. Вот почему и маленький домик, утонувший в зелени, невозможно назвать дачей. Это было жилище крепко привязанного к природе человека. И вот почему без Комарова Прокофьев уже не мог представить себе своего существования, своей родины, своего северного края. Он и воспевал его и черпал в нем силы и вдохновение для величания России. Именно здесь родились лучшие стихи Прокофьева о природе России, о русском человеке, сопричастном судьбе его великой Родины.

Здесь созданы все его книги начиная с 1946 года. Здесь начата и завершена книга «Приглашение к путешествию», за которую ему присуждена была Ленинская премия. В этом доме побывали не только крупнейшие наши поэты — Анна Ахматова, Николай Тихонов, Виссарион Саянов, Михаил Исаковский, Петрусь Бровка, Александр Твардовский, Якуб Колас, Максим Рыльский, Расул Гамзатов, но и писатели других стран мира. А сколько деятелей культуры и искусства, художников, режиссеров, актеров, композиторов и людей других профессий — перечислить невозможно. Ведь не было дня, чтобы кто-то не зашел к нему или кого-то он сам не позвал к себе — и так все 25 лет жизни, пока он находился в Комарове. Отсюда увезли его в последний раз в больницу...

В Комарове в это время почти постоянно жила Анна Андреевна Ахматова. Питая глубокое уважение к ее стихам и прозе, Прокофьев очень высоко ценил ее военные стихи и стихи о блокаде.

Мы знаем, что ныне лежит
на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил
на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Очень любил «Клятву», «Щели в саду вырыты», «На Смоленском кладбище». И особенно «А вы, мои друзья последнего призыва» и часто повторял ее:

А вы, мои друзья
последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь
сохранена,
Над вашей памятью не стыть
плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир
все ваши имена!

Полностью разделяя мысли Анны Ахматовой о подвиге ленинградцев и оплакивая их вместе с нею, Прокофьев часто возвращался к мысли о значении этого подвига, к его содержанию, к его сути, считая его высочайшим проявлением духа и воли.

— И Анна Ахматова, и Ольга Берггольц, и Николай Тихонов,— говорил он,— и другие писатели и поэты, соприкоснувшиеся с блокадниками, почувствовали, поняли и отразили это в своих произведениях. Но суть их деятельности,— утверждал Прокофьев,— идет дальше. Все они, и я их в этом кровно поддерживаю, заклинают нас не только не забыть этого подвига, но и поддержать его святой огонь. А это должно проявиться и в заботе о тех, кто остался жив после блокады. Конечно же, это люди больные и изможденные — следы блокады не только в голоде и холоде, а в истощении, в изматывании всего организма. И вот что мы сделали и сделаем, чтобы поддержать жизнь этих людей, как мы организуем и наладим это дело каждодневно — это и будет не только нашей памятью, но и нашим достоинством. Это наш долг святой и правый, иначе ленинградцем называться нельзя,— постоянно говорил Александр Андреевич. Восхищался ее высокой гражданственностью, приводя в пример известные строки: «Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам...» Ничего никогда не пропускал он из прозы Ахматовой, и, когда читал, было заметно: меняется его расположение духа. То восхищенно хмыкая, то поджимая нижнюю губу, что-то сердито «бубнил», то, хмуро отдуваясь, начинал «выпускать пар», как он выражался. «Ну, знаете, ну, знаете,— повторял он, отодвигая книгу и расхаживая от стола к окну и обратно.— Это никому не позволительно». Я взглянул на книгу — это были записки Ахматовой о Пушкине. А он продолжал: «Ведь вот Ахматова знает, любит, понимает Пушкина. Но зачем трогать Наталью Николаевну, публично осуждать ее. А?» «Но ведь это ее право,— говорю я,— она пришла к такому выводу». «Нет, ты это брось!— вздернул голову Александр Андреевич.— Не смей поддерживать такую мысль. Ты пойми — это Пушкин! Гордость России! Ее слава! Тут совсем другие критерии. Ты вспомни, как Пушкин относился к жене, почитай его письма. Он ей верил, он ее безгранично уважал». «И все-таки, Александр Андреевич,— настаивал я,— в таких личных делах он мог и ошибаться, и тогда Ахматова права». «Нет и нет! — взметнулся он.— Пушкин — гений, он все понимал, все видел, все точно оценивал. И вообще осуждать ее или не осуждать ее — это только одного его право. Натали была его жена, его вдохновительница, его свет, его боль, его безмерное счастье. И мы должны быть благодарны ей за это».

Александр Андреевич увлекается разговором и тут же вспоминает, что он не раз с пристрастием расспрашивал Ахматову о Владимире Маяковском. Особенно о раннем периоде. Любил ее резковатые и справедливые суждения о Маяковском:

Как в стихах твоих крепчали
звуки,
Новые роились голоса...
Не ленились молодые руки,
Грозные ты возводил леса.

— Что касается меня,— продолжал Александр Андреевич,— то это, наверное, неправдоподобно звучит, но я никогда не знал возраста Маяковского. Он мне казался настолько значительным и авторитетным, что я принимал его как патриарха, как старейшину, как поэта партии, который имел право сказать так:

Явившись
в ЦЕ КА КА
идущих
светлых лет,
над бандой
поэтических
рвачей и выжиг
я подыму,
как большевистский партбилет,
все сто томов
моих
партийных книжек.

Меня,— продолжал Прокофьев,— да, я думаю, и многих остальных наших поэтов он научил писать о главном в нашей жизни. О революции, о стране, о тех, кто «вышел строить и месть». Быть понятным народу и в то же время вести и звать вперед. И все мы — советские поэты эту азбуку учили по Маяковскому. Может, кто-то другой и откажется от этого, но я так понимал все с самого начала, так понимаю и сейчас. И я счастлив, что усвоил эту поэтическую политграмоту Маяковского. Он, конечно, был и удивительный человек и неимоверной силы поэтический лидер.

Мы идем!
Штурмуем двери рая.
Мы идем.
Пробили дверь другим.
Выше наше знамя.
Серп,
Огнем играя,
Обнимайся с молотом
радугой дуги.

Мы ведь все: и Тихонов, и Асеев, и Светлов, и Жаров, и я, да и многие другие писатели тех лет,— люди не робкого десятка, видели и голод и войну, но перед Маяковским робели в смысле его какой-то гигантской, поэтически несокрушимой мысли. Его наступательность, актуальность, бескомпромиссность и партийность захватывали, заражали, увлекали и несказанно мобилизовали.

Все, что ни делал Маяковский,— не раз говорил Александр Андреевич,— все было связано с гигантским трудом, с неустанным поиском. Это и новая форма стиха, и новое содержание, требующее точного и сжатого языка, это и постоянное обращение к фольклору.

Я как могу,— задумчиво говорил Александр Андреевич,— пытаюсь передать и то, что сам знаю, и то, чему научили меня другие, и в первую голову Маяковский, тем, кто идет после нас, молодым писателям Ленинграда, особенно поэтам. Насколько это получается, мне трудно судить, но считаю эту работу и своим поэтическим и своим партийным долгом!

ЮРИЙ ГРИБОВ

КОНТЕЕВСКИЕ ВЕЧЕРА

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Писателя Юрия Грибова представлять не надо. Его произведения, пронизанные светлой любовью к родному российскому Нечерноземью и его труженикам, близки и понятны читателям городским и сельским.

Новая книга Ю. Грибова «Контеевские вечера» продолжает заинтересованный разговор о сегодняшних проблемах русской деревни, ее радостях и заботах. Книга, в которую входят очерки, рассказы и повесть с одноименным названием, собиралась долго. Множество дорог исколесил писатель, объездил и обошел десятки деревень и поселков, которых и на карте-то не сыщешь, побывал со своим блокнотом у пастухов и доярок, механизаторов и партийных работников, овощеводов и рыбаков. «...Где бы ни остановился, с кем бы ни встретился, беседует всегда дотошно и въедливо, стараясь, как клёст еловое семечко, вышелушить каждую жизненную деталь, каждый факт, понять и запомнить человека. Видя его неподдельную заинтересованность, люди отвечают ему душевностью и расположением, контакт завязывается с первой же минуты». Эти слова, сказанные автором об одном из героев очерка, с полным правом можно отнести к самому писателю. Он создает яркую галерею образов сельских тружеников. Писатель смог глубоко проникнуть в их внутренний мир, понять их проблемы, показать, что всех их объединяет любовь к отчему краю, желание сделать его еще благодатнее и краше.

Судьба героев книги неразрывно связана с судьбой родной земли. В этом воочию убеждаешься, читая, например, очерки из цикла «Фронтовики», где повествуется о нелегкой и прекрасной судьбе бывших воинов Дмитрия Максимовича Дедкова, Ивана Захаровича Дудина, Виктора Сергеевича Волкова и Максима Самсоновича Богданова, которые в годы войны защищали беззаветно Отчизну, а после победы вернулись на родные пепелища израненные, но трудятся по сей день, выбирая дела, что потруднее, где нужна их сноровка. опыт, горячее сердце.

Писатель-коммунист Ю. Грибов правдив и искренен с читателем. Именно поэтому вошли в сборник рассказы «Шесть капель валерьянки», «Жалко Ваську», «Земля в обиде», «Овес на поминки». Да, большинство сельских тружеников достойны глубокого уважения, но есть еще среди деревенских жителей корыстолюбцы и рвачи, тугодумы и бесхозяйственники, люди с глухим сердцем. Но таких мало, и веришь — со временем не будет вовсе. И не случайно заканчивается сборник лирической, светлой повестью «Контеевские вечера», в центре которой — образ молоденькой выпускницы Костромского культурно-просветительного училища Гали Бурыгиной, которая едет по комсомольской путевке в дальний глухой район. Добрая, отзывчивая, щедрая душой, она быстро находит свое место в кипучей, насыщенной жизни, которая ключом бьет в этом затерянном в лесах и болотах крае.

...Истинным гимном земле звучат слова Юрия Грибова, ярко выражающие его гражданскую позицию: «Всегда хороша она, земля родная. Она ведь не только плодородная нива, поля и сады. Она — Родина наша, Отчизна. На ней наш дом, могилы отцов и прадедов. Беречь ее надо, лелеять. И любить, как мать».

А. ГЛАДКИХ

Ю. Грибов. Контеевские вечера. М., «Советская Россия». 1982.

Броня крепка... Фото М. Климентьева ▶

«...НИСКОЛЕЧКО ФАЛЬШИ»

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА: в августе 1982 года «Огонек» (№ 35) уже знакомил читателей с письмами Эрнеста Хемингуэя, которые относились к последним годам жизни писателя. Предлагаемая читателям подборка охватывает период с 1937 по 1944 год — два наиболее интересных этапа в жизни Хемингуэя — участие Хемингуэя-журналиста и бойца в национально-революционной войне в Испании и второй мировой войне. В этих письмах писатель недвусмысленно высказывает свое политическое кредо, клеймит варварство франкистов и предательство изменивших прогрессивным идеалам друзей, делится первыми яркими и точными впечатлениями о второй мировой войне. Написанные живо, в присущей Хемингуэю публицистической манере письма эти помогают нам глубже осмыслить творчество одного из лучших зарубежных писателей нашего столетия.

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

(НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА)

5 февраля 1937 года
Гарри Силвестеру [1]
Ки-Уэст

Дорогой Гарри,
война в Испании — скверная война... Меня больше всего заботит судьба простых людей и, стремясь облегчить их страдания, я собираю средства на покупку санитарных машин и строительство госпиталей. У мятежников (франкистов.— **В. П.**) много хороших итальянских санитарных машин. Но убивать раненых в госпитале в Толедо с помощью ручных гранат или бомбить рабочие кварталы Мадрида без какой-либо военной необходимости, с единственной целью убивать простых людей — это не по-католически и не по-христиански... Я знаю, они (республиканцы.— **В. П.**) расстреливали попов и епископов, но почему же церковь вмешивается в политику на стороне угнетателей, вместо того, чтобы защищать простых людей или оставаться вне политики? Это не мое дело... но симпатии мои всегда на стороне эксплуатируемых рабочих, и я против лендлордов, даже если мне случается выпивать с ними и стрелять по летающим глиняным мишеням. Я бы с радостью перестрелял их самих...

С приветом,
Эрнест

26 марта 1938 года.
Джону Дос Пассосу
Париж

Дорогой Дос,
...Я хочу поговорить с тобой о том, что мне кажется серьезным. В Испании по-прежнему идет война между народом, на стороне которого некогда был и ты, и фашистами. Если ты так невзлюбил коммунистов, что считаешь возможным денег ради нападать на народ, который до сих пор сражается, то, по-моему, ты должен по крайней мере не искажать факты [2]. В статье, только что прочитанной мной в «Ред бук», ты не упоминаешь имени Густаво Дурана [3], хотя сделать это было бы правильно и справедливо. Но ты чувствуешь себя обязанным упомянуть Вальтера и называешь его русским генералом. Ты создаешь впечатление, что эта война ведется коммунистами, и называешь русского генерала, которого ты встретил.

Дело только в том, Дос, что Вальтер — поляк. Так же как Лукач — венгр, Петров — болгарин, Ганс — немец, Копик — югослав и т. д. Прости меня, Дос, но ты никогда не встречал ни одного русского генерала. Как я понимаю, единственная причина, по которой ты денег ради нападаешь на тех, на чьей стороне некогда был сам,— это нестерпимо жгучее желание рассказать правду. Тогда почему же ты этого не делаешь? Конечно же, за десять дней или даже за три недели узнать правду невозможно... Когда люди читают серию твоих статей, публикуемых в течение полугода или более, они даже не представляют себе, как мало времени ты провел в Испании и как мало ты там увидел... Какого же черта? В Испании были хорошие русские, но ты их не знал, да сейчас их там и нет. Когда мы с Гербертом Мэттьюсом на пятый день штурма вошли в Теруэль вслед за тремя ротами пехоты и ротой саперов, жители города приняли нас за русских. Я мог бы рассказать тебе немало забавных историй по этому поводу. Но за время всего штурма я видел только одного русского танкиста и одного болгарина-офицера — инструктора 43-й бригады. Мы атаковали силами карабинеров — это великолепные боевые части, и их политические убеждения не левее убеждений сенатора Картера Гласса [1]. Да будет тебе известно, что не все люди трусы, большинство будет драться и, не задумываясь, умрет за спасение своей страны от захватчиков, ... а с твоей стороны, пытаться доказывать, что война, ведущаяся правительством против фашистского итальяно-немецко-марокканского вторжения, навязана народу коммунистами против его воли, в высшей степени нечистоплотно. Кто дрался во время нашей гражданской войны? А ведь у нас не было даже никаких захватчиков. Послушай, ведь на меня очень легко нападать, и если у тебя чешутся руки на Испанию, набрасывайся лучше на меня. Правда, на том пути, что ты выбрал, тебе это вряд ли поможет...

Итак, я заканчиваю письмо. Если ты когда-нибудь заработаешь деньги и захочешь отдать мне долг (не те деньги, что дал дядя Гас Пфейфер, когда ты болел, а те небольшие суммы, что ты брал потом), то почему бы тебе не вернуть мне тридцать долларов, коль скоро ты получишь триста или черт его знает сколько еще? А может быть, мне не отправлять письмо? Потому что мы старые друзья? Ох уж эти старые добрые друзья. Готовые всадить тебе нож в спину за четверть доллара. Все прочие берут за это пятьдесят центов.

До свидания, Дос. Надеюсь, ты будешь счастлив. Думаю, ты-то будешь. Должно быть, у тебя первоклассная жизнь. Когда-то и я был счастлив. И буду снова. Добрые старые друзья. Всегда был счастлив со старыми добрыми друзьями. Прирежут за десятицентовик... Достопочтенный Джон Пассос трижды всадит тебе нож в спину за пятнадцать центов, а «Джованецца» (гимн итальянских фашистов.— **В. П.**) споет бесплатно. Спасибо, друг. Вот так так! Ощущение хоть куда. Есть еще старые друзья? Уберите его, док, он весь изрезан. Скажите в редакции, чтобы мистеру Пассосу выписали чек на 250 долларов. Спасибо, мистер Пассос, чистая была работа. Заходите в любое время. Для тех, кто думает так, как вы, всегда найдется работенка.

Остаюсь твой,
Эрнест

6 августа 1944 г.
Мэри Уэлш [1]

Малыш,
мне нравится писать тебе. Только что кто-то поехал в штаб армии, и я отправил письмо... а поужинав, решил, пока светло, написать еще одно. Ветрено, а день был ясный, хороший. Лето, но не жарко, и завтра предстоит славный бой... Я уйду утром с первыми наступающими частями и, должно быть, буду с ними весь день, особенно если удастся найти ту часть, с которой наступал вчера,— лучше всего учиться с теми, кого уже хорошо знаешь... Мы живем здесь радостной, пьянящей жизнью, полной убитых немцев, награбленного ими добра, стрельбы, боев, трудностей, небольших холмов, пыльных дорог, шоссе, пшеничных полей, убитых коров, лошадей, и снова холмов, убитых лошадей, танков, 88-миллиметровок, погибших американских солдат; порой ничего не ешь, спишь под дождем на земле, в амбарах, на телегах, походных койках, сидя и все время вперед, вперед...

Несколько дней затишья, так что четыре или пять дней буду писать. Напишу четыре рассказа о пехотной дивизии и отправлю их в «Кольерс». Пусть печатают, когда хотят. За последние двенадцать дней одиннадцать раз ходил в атаку — знаю дивизионных, полковых, батальонных, многих ротных и взводных командиров. Скоро узнаю их еще лучше. Но сейчас надо писать.

Получилось удачно — старый, говорящий по-французски солдат может быть полезен, и мы с генералом добрые друзья, и в конце дня, когда он весь в пыли и невозможно, смертельно устал, мы лежим на одном одеяле, и я докладываю ему, как обстоят дела на тех участках, где я побывал на своем мотоцикле...

Вчера все наши радужные планы на будущее висели на волоске — я очутился впереди нашей пехоты и меня швырнуло на землю взрывом танкового снаряда, потом из танка по мне выпустили пулеметную очередь, и еще стреляли из автоматических пистолетов двое солдат, засевших по обеим сторонам дороги. Пришлось притвориться убитым и пролежать так довольно долго, и я слышал, как немцы, стоявшие от меня примерно в двезти футах за придорожным кустарником, чрезвычайно неуважительно отзывались о твоем старшем друге, коего почитали мертвым...

Пиши мне, малыш... А теперь до свидания и прими поцелуй...

Старший друг

8—11 сентября 1944 года
Мэри Уэлш
Бельгия

Дорогой малыш,
мы остановились в чудесном лесу... и я впервые отдыхаю. Прошлой ночью спал на устланном сосновыми иголками лесном полу. Дождя не было, и крепкий ветер раскачивал верхушки сосен, совсем как в середине сентября в Мичигане, когда я был мальчишкой. Так что нет ощущения, что пропустил осеннюю пору, как это бывает, когда живешь в городе или в чужих краях с другим климатом... Последние два дня стоит хорошая, ясная, лазурная осенняя погода — два чудных, счастливых, не прошедших даром дня бабьего лета... Малыш, это был самый счастливый месяц в моей жизни... Знаешь, за что, где и почему сражаешься и с какой целью. Не одинок. Не разочарован. Не обманут. Нисколечко фальши. Никаких проповедей. Цель ясна, и делаешь все, чтобы ее приблизить. Потом пишешь как можно лучше и даже лучше этого, и нет больше одиночества...

Из очерков, написанных для «Кольерс»

---

[1] Силвестер, Гарри — американский писатель, ярый приверженец католицизма.

[2] В конце 30-х годов Дос Пассос отошел от левых убеждений и стал выступать с выпадами против коммунистов.

[3] Дуран, Густаво — француз, подполковник республиканской армии. До гражданской войны в Испании был композитором.

[1] Гласс, Картер (1858—1946), американский политический деятель.

[1] Уэлш, Мэри — американская журналистка, с которой Хемингуэй познакомился в Лондоне в апреле 1944 года. В 1946 году она стала его женой.

Наследники прославленных «катюш».

(если вставить вычеркнутые цензурой части), можно составить целую книгу... Но если не проституировать и не идти на компромиссы, то и тогда нам хватит денег, чтобы прожить, пока я напишу новый роман, а я каждый день тренируюсь, сплю, живу в суровых условиях на открытом воздухе, много не пью, стараюсь все понять и прочувствовать, потому что только так я смогу написать его. Часть времени уйдет на то, чтобы поостыть. Но у нас прекрасное будущее, малыш. Лучшее, чем когда бы то ни было...

Твой старший друг
Э. Хемингуэй

15 сентября 1944 года
Патрику Хемингуэю
(второй сын.— **В. П.**)
Германия

Любимый мышонок,

вот уже два месяца, как Папá вернулся во Францию после дня «Д» (6 июня 1944 года, день высадки союзных войск.— **В. П.**). Должно быть, ты читал об этом в «Колльерс». Позже я летал с английскими летчиками, а потом был постоянно прикомандирован к пехотной дивизии, если не считать того периода, когда мне пришлось (временно оставив корреспондентскую работу) командовать отрядом маки́ — лучшее время за все эти месяцы, но писать об этом нельзя, расскажу при встрече. Находимся, как и Бамби (старший сын Джон Хемингуэй.— **В. П.**) в подчинении Управления стратегических служб. Любопытнейшая история, и когда-нибудь длинными скучными зимними вечерами я еще надоем вам рассказами о ней. Последнее письмо от Марты[1] было в июне. В Париже видел всех ее друзей, а ведь она тоже могла бы быть там, если бы не была такой примадонной и подождала меня всего одну неделю... Я по горло сыт ее «примадонством». В Лондоне, когда я лежал с разбитой головой и страдал ужасными головными болями (25 мая 1944 года в Лондоне Хемингуэй попал в автомобильную катастрофу.— **В. П.**), она не пожелала сделать для меня и того, что мы бы сделали даже для собаки. Я здорово ошибся в ней, или она очень изменилась — возможно и то и другое,— но главным образом первое. Жалко терять друга, которого мы научили так хорошо стрелять и писать...

Мышонок, я очень соскучился по тебе, Старичку (Грегори, младший сын Хемингуэя.— **В. П.**) и Бамби и часто думаю о том времени, когда мы будем вместе... Вчера и сегодня шли тяжелые бои,.. и сейчас пишу под грохот контратаки... Я сохраню все карты, и мы повесим их в комнате для трофеев. Думаю, я должен был написать тебе о Марте, чтобы ты знал что к чему. Ее отношение ко мне на Кубе и в Лондоне было отвратительным. После Лондона я получил от нее всего одно письмо с рассказом о прелестях сада Джока Уитни и о том, как приятно бродить по такому красивому, спокойному, не тронутому войной городу, как Рим...

В Париже у меня было всего два относительно свободных дня, но я все же навестил старых друзей Сильвию Бич[2] и Пикассо...

В Лондоне, пока я лежал в ужасном состоянии — приходилось спать на спине с консервными банками по обе стороны подушки, потому что, стоило уронить голову набок, как меня рвало —... за мной ухаживала чудная девочка по имени Мэри Уэлш. Потом мы с ней встретились в Париже... Тебе она должна понравиться. Я прозвал ее «карманный Рубенс» Папá. Если похудеет, произведу ее в «карманного Тинторетто». Чтобы понять, что это значит, тебе придется сходить в Метрополитен-музей.

Мышонок, мальчик мой, если в ближайшие недели с нами ничего не случится, то впереди нас ждет только хорошее...

С любовью, Папá

Публикация, перевод с английского и комментарии Виктора ПОГОСТИНА

[1] Геллхорн, Марта — американская журналистка, с которой Хемингуэй познакомился во время гражданской войны в Испании, с 1940 по 1945 год — третья жена Хемингуэя.

[2] В 20-е годы в Париже книжная лавка Сильвии Бич была своеобразным писательским клубом.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЗАПАДНЯ НА ПОТО

Правы, видимо, те американские публицисты, которые, как мы помним, выдвигали гипотезу, что уотергейтский налет по задуманному с самого начала плану предназначался для разоблачения и, таким образом, превращался в мину замедленного действия, взорвать которую можно было бы и позднее. Когда бывших сотрудников Белого дома стали вызывать в федеральное Большое жюри и в окружной суд Вашингтона, взрывы от включения детонаторов переходили в глухую канонаду. Слышались призывы к президенту тоже подать в отставку. Но президент твердо повторял, что он намерен дослужить отведенный ему избирателями срок.

И тут некто, а именно полковник ВВС США, заместитель помощника президента Александр Баттерфилд, получивший разрешение Белого дома дать показания в специальной комиссии сената во главе с сенатором Эрвином, сделал признание, повода для которого не давал ни один из заданных ему вопросов. Он сообщил сенаторам, что в Белом доме существует потайная система магнитофонной записи, служащая президенту[1]. Никсон узнал о показаниях Баттерфилда в больнице, где он находился с воспалением легких.

В дальнейшем взрывы мин происходили от легких дуновений, когда со всех сторон раздавались требования представить пленки с записями, сделанными на системе. Процесс выдачи пленок был затяжной, они предварительно прослушивались, стенографировались, опечатывались, распечатывались, исчезали, отыскивались, обрастали пробелами... Ключевыми считались в Белом доме те, где обсуждался вопрос о том, как и в каком объеме выполнить требования Говарда Ханта о деньгах и притормозить расследование.

Сознательно или бессознательно Хант выполнил роковую роль. Вырванные им деньги стали вещественной уликой того, что президентский аппарат, покупая чье-то молчание, пошел на уголовно наказуемые деяния, предприняв шаги, чтобы замять преступные акции уотергейтцев, скрыть их от суда. Но до того, как проговорился Баттерфилд, никто без магнитофонной пленки не мог доказать, что какие-то вещественные меры по сокрытию от суда преступных деяний были реализованы. И тут мы возвращаемся к Баттерфилду, помогшему своим сенсационным признанием придать следствию такой характер, который сделал неизбежной отставку Никсона.

[1] Генри Киссинджер сообщает, что такие же системы записи использовались предшественниками Никсона — Кеннеди и Джонсоном.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—7.

Через полгода после того, как Никсон удалился из Белого дома в Калифорнию, с еще большей силой вспыхнул скандал в связи с разоблачением преступных акций ЦРУ за границей и внутри страны.

В сенатской комиссии Черча в один из дней выступил отставной полковник ВВС Флетчер Праути. Помимо прочего, он рассказал сенаторам, что Баттерфилд исполнял в Белом доме негласные функции «офицера контакта ЦРУ». Корреспондент Си-би-эс Дэниэл Шорр попросил Праути повторить его заявление по телевидению, что тот и сделал 11 июля 1975 года. Вот запись из выступления:

«Шорр. Могу я спросить вас о ком-либо непосредственно в Белом доме, чья связь с ЦРУ была в общем неизвестна?

Праути. Я думаю, что эта обрисовка подходит к Александру Баттерфилду, полковнику Баттерфилду, как я знал его в ВВС.

Шорр. В чем было назначение его связи с ЦРУ?

Праути. Он был прикомандирован к управлению (ЦРУ.— Прим. авт.) как офицер контакта; идея назначения офицера контакта от конкретного ведомства — как я действовал в ЦРУ от министерства обороны — состоит в том, чтобы открывать двери для операций ЦРУ. И он был офицером контакта в Белом доме».

По словам Праути, еще в 1971 году Хант сказал ему, что истинные хозяева Баттерфилда — в ЦРУ. Такая же «догадка» была тогда и у Колсона.

Комиссия Черча бесстрастно отнеслась к показаниям Праути, не пожелав касаться взаимоотношений ЦРУ и Белого дома. Тем более что Никсону это уже не могло помочь. Он потерпел поражение, и если даже к этому приложило свою вездесущую руку ЦРУ, то были также другие причины — объективные и субъективные,— вынудившие Никсона покинуть Белый дом. В задачу авторов не входит анализ этих причин, поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями. Видимо, правы те американские историки, которые проводят разграничение между конструктивными аспектами внешней политики Никсона и признанным им самим «цинизмом» в межпартийной борьбе, который привел к самому крупному за всю историю США внутриполитическому кризису. И то и другое увеличило лагерь противников Никсона.

В борьбе против демократической партии Никсон не мешал своим приближенным действовать по принципу «цель оправдывает средства». Республиканская партия, несмотря на завоевание Белого дома, оставалась партией меньшинства, что особенно остро ощущалось ею в конгрессе. Отсюда и возникали те небывалые даже для американской политической практики методы дискредитации демократов, которые, когда они вскрылись, ополчили против Никсона всю верхушку демократической партии, контролируемый ею конгресс, а также стан либералов, относившийся враждебно к нему с 40-х годов. Такое положение Никсона ухудшило его личные финансовые дела, которые велись с определенными нарушениями закона и этики.

Внешнеполитический курс администрации

Никсона, прежде всего предпринятые ею с учетом реального соотношения сил шаги по улучшению отношений с Советским Союзом, наталкивался на возрастающее сопротивление противников разрядки международной напряженности, включавших в себя самых закоренелых антикоммунистов, наиболее авантюристически настроенных представителей военно-промышленного комплекса, ультраконсервативную прослойку большого бизнеса, правое крыло «либеральной» профсоюзной верхушки.

Возникла своеобразная расстановка сил в правящих эшелонах власти: «умеренный консерватизм» Никсона, как характеризует его Киссинджер, оказался в меньшинстве. Представляет интерес оценка бывшим государственным секретарем сложившейся ситуации. Во втором томе своих мемуаров, увидевших свет в 1982 году — «Годы потрясений»,— Киссинджер в порядке оправдания перед американской ультрареакцией подчеркивает, что, проводя политику мирного сосуществования, администрация Никсона в то же время делала упор на стратегию «сдерживания», то есть наращивания военного потенциала, направленного своим острием против социалистических стран. «Я полагаю,— пишет Киссинджер,— что при нормальных условиях президент Никсон сумел бы достичь симметрии между двумя столпами своей внешней политики — сдерживанием и сосуществованием. Но климат внутри страны не благоприятствовал этому. Консерваторы, кото-

Сергей ЛОСЕВ,
Виталий ПЕТРУСЕНКО

МАКЕ

рые ненавидели коммунистов, и либералы, которые ненавидели Никсона, сошлись вместе в одной точке, что было, подобно солнечному затмению, редким явлением. Консерваторов напугали международные соглашения, подписанные с противником. Подход либералов был более сложным. Администрация проводила политику ограничения вооружений, развивала торговлю между Востоком и Западом и вела другие переговоры, которых либералы добивались десятилетиями. Но распря между ними и Никсоном зашла слишком далеко. И поэтому, если Никсон был за разрядку, либералы подсознательно настраивались на идею, что, возможно, «холодная война» была не так уж плоха».

Киссинджер добавляет, что определенная прослойка политиков («либералы — поборники человеческих прав») требовали от Никсона использовать разрядку в качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Советского Союза и других социалистических стран. Отказ президента идти у них на поводу привел их в ряды «новой либерально-консервативной коалиции», которая разными средствами добивалась отставки Никсона. В шумном хоре «поборников прав человека» тон задавали американские сионисты, подозревавшие к тому же Никсона, как пишет Киссинджер, в антисемитизме. Широко известно, что сионистские круги добились огромного влияния в монополизированных средствах массовой информации Соединенных Штатов, одними из них завладев полностью, а в других насадив свою агентуру. Не здесь ли надо искать одну из главных причин той беспрецедентной кампании поношения президента, которую развернули в те годы многие органы печати, смаковавшие на все лады уотергейтское дело и под эту сурдинку старавшиеся саботировать позитивные аспекты его внешней политики?

«ГЛУБОКОЕ ГОРЛО»

Пальма первенства в откапывании информации, которая наиболее болезненно жалила Белый дом, принадлежала газете «Вашингтон пост». Ее репортеры, уже упоминавшиеся нами Бернстайн и Вудворд, на протяжении почти двух лет, пока тянулась уотергейтская история, были недосягаемы для других вашингтонских журналистов по части «скупов» — доставания раньше всех самых сенсационных данных. Именно эта пара своими хлесткими статьями привлекла в конце 1972 года внимание к уотергейтскому делу, когда на гребне победы Никсона о проникновении в «Уотергейт» практически все другие газеты забыли и перестали писать. Кульминацией усилий Бернстайна и Вудворда явилась публикация двух их книг — «Вся президентская рать» и «Последние дни». Они стали бестселлерами, по одной из них был снят художественный кинофильм, что принесло авторам славу и миллионы долларов.

Когда читаешь эти своеобразные политические детективы, все время ловишь себя на мысли, что их создатели чего-то не договаривают. Ну, начать хотя бы с главного. Бернстайн и Вудворд отказываются назвать фамилию, должность, приметы своего «источника познания», работавшего якобы в 1972—1973 годах в Белом доме, с которым, если верить их книгам, Вудворд встречался ночами в тихих аллеях Вашингтона, на парковках столичных пригородов, в закоулках гаражей. В своих книгах они именуют его «глубоким горлом» —кличкой, почерпнутой из самого порнографического американского фильма тех лет. Пока американцы не узнают, кто был «глубоким горлом», они не узнают истинных целей уотергейтского скандала. Но знали ли, кем он был, Бернстайн и Вудворд?

Еще с конца прошлого и начала нынешнего веков в Соединенных Штатах возникло так называемое макрекерское течение в журналистике и литературе. Когда великий американский публицист Линкольн Стеффенс[1] порвал с президентом Теодором Рузвельтом и начал бескомпромиссно разоблачать политическую и экономическую коррупцию в различных городах Америки, то хозяин Белого дома назвал его макрекером-разгребателем грязи (от английского слова — muckraker). Этот термин «макрекер» стал и презрительной кличкой и почетным титулом — в зависимости от того, какие цели преследуются разгребанием грязи. Одни из них копаются в грязном белье цинично, выставляют на всеобщее обозрение интимные стороны жизни знаменитостей. (Чего стоят в этом плане Бернстайн и Вудворд, заглядывающие, разумеется, с помощью «глубокого горла» через замочную скважину в спальню Никсонов?) Другие иногда поднимаются на ступень социальной ответственности, разоблачая такие стороны политики, которые, с их точки зрения, причиняют вред общественным интересам.

Деятельность макрекера зависит в первую очередь от двух факторов: от отношения к добытому им материалу со стороны владельцев газеты или журнала и от умения макрекера найти информатора или «уислблоуэра» («свистуна», «подающего сигнал») — лица, остающегося, как правило, в тени анонимности и готового по тем или иным причинам разгласить конфиденциальную информацию, вплоть до государственных секретов.

Одни из них пускают в ход разоблачение в постоянной межведомственной бюрократической борьбе, которая изо дня в день и из года в год идет на берегах Потомака. Воюют между собой Пентагон и государственный департамент, ЦРУ и ФБР, Белый дом и конгресс и т. п. Другие решают свести личные счеты с каким-то деятелем, смешать его с грязью с помощью макрекера. Наконец, третьи действуют из объективных честных побуждений, полагая, что они выполняют гражданский долг разоблачением казнокрадов, плутократов, ура-патриотов, милитаристов. Игра в разоблачения — сложная игра, иные «информаторы» получают доступ к секретам, не подозревая того, что их подпускают к ним в своих корыстных целях те же плутократы. И уже подавно этого не знают сами макрекеры или же знают, но не подают виду, гонясь за славой, престижем и долларами.

Взять хотя бы историю с Дэниэлом Эллсбергом — объектом «изысканий» Говарда Ханта и Гордона Лидди. Они организовали проникновение в кабинет психиатра, который давал Эллсбергу сеансы психоанализа, в поисках якобы порочащей его информации, а именно его психической неуравновешенности. Каков генезис этой операции?

Весной 1971 года Эллсберг сделал несколько неудачных попыток заинтересовать документами Пентагона — секретным архивом вьетнамской политики — нескольких сенаторов, противников войны во Вьетнаме, в том числе председателя сенатской комиссии по иностранным делам Уильяма Фулбрайта. Эллсберг работал в Пентагоне, участвовал в реализации кровавой политики «умиротворения» в Южном Вьетнаме под непосредственным руководством генерала Эдвина Лэнсдейла — одного из главных стратегов «грязных трюков» ЦРУ, любимца Аллена Даллеса, а также под руководством будущего директора ЦРУ Уильяма Колби, командовавшего в Южном Вьетнаме ударной частью кампании «умиротворения» — контрразведывательной программой «Феникс», приведшей к уничтожению около 50 тысяч кадровых работников Фронта национального освобождения Южного Вьетнама. Постепенно, по словам Эллсберга, у него возникло отвращение к «империалистической политике» США во Вьетнаме. Он вернулся домой и стал работать в корпорации «РЭНД» — частном научно-исследовательском центре, выполняющем, как широко известно, заказы ЦРУ и Пентагона. «РЭНД» получил задание собрать, отобрать и привести в систему правительственные документы, связанные с политикой США во Вьетнаме, начиная с первых лет после окончания второй мировой войны. Вот эти-то документы — множество томов — Эллсберг размножил и стал предлагать вначале сенаторам, а затем газетам. Фулбрайт и другие сенаторы отказались обнародовать их. Документы увидели свет на страницах «Нью-Йорк таймс» и других газет.

Безусловно, опубликование тайного архива имело большое значение. Антивоенное движение, набиравшее в 1971 году силу, использовало документы в качестве подтверждения своего тезиса о том, что политика агрессии и эскалации войны вырабатывалась за спиной американского народа, что чуждые народу цели привели к гибели десятков тысяч американских солдат во имя интересов военно-промышленного комплекса и сохранения у власти в Сайгоне продажной марионеточной клики.

Одним из тех, кто высоко оценил факт появления документов Пентагона, был калифорнийский профессор Питер Дейл Скотт. Он стал даже редактором четырехтомного издания их, вышедшего под эгидой одного из сенаторов. Но, читая и перечитывая документы, профессор Скотт пришел к выводам, которые он излагает в написанной им книге «Военный заговор. Тайный путь ко второй индокитайской войне».

«Несомненно,— пишет он,— в документах Пентагона много правды. Тем не менее если бы не драма их обнародования, то их редактура представляла собой еще одно манипулирование «разведывательными данными» с целью повлиять на государственную политику. В частности, кого-то тщательно замаскировали и укрыли путем цензурной обработки Меморандума № 273 Совета национальной безопасности[1]. С помощью такого ухищрения была скрыта правда о том, что убийство президента Кеннеди было использовано для эскалации войны в Индокитае. Можно почти с полной уверенностью сказать, что Маккоун (директор ЦРУ в момент убийства Кеннеди.— Прим. авт.), ведущий ястреб в окружении Кеннеди, сыграл свою роль в этом секретном изменении политики, последовавшем после убийства президента».

Повсюду в варианте документов Пентагона, опубликованном «Нью-Йорк таймс», продолжает Скотт, видишь разведывательное сообщество, и особенно ЦРУ, изображенным как группа одиноких людей, которые бросали вызов бюрократическим убеждениям своего времени, но чьим прозорливым предупреждениям не внимали. Создаваемое впечатление совершенно обманчиво, ибо в течение всего периода Маккоун (как и его предшественник Аллен Даллес.— Дополнение авторов), используя полномочия и авторитет директора ЦРУ, рекомендовал резкую эскалацию войны.

Скотт подробно показывает, что именно разведка, давая заведомо ложную информацию, инспирируя провокации типа Тонкинских инцидентов[2], проводя тайные подрывные и полувоенные операции, втянула Соединенные Штаты во «вторую индокитайскую войну» (первой индокитайской войной, по терминологии американских историков, была война французских колонизаторов, закончившаяся разгромом их войск под Дьенбьенфу).

Не у одного Скотта были сомнения, что все обстоит «гладко» с разоблачениями прошлой вьетнамской политики Вашингтона. За фасадом обличительных деклараций в адрес Эллсберга и газет, напечатавших отрывки из документов Пентагона, предъявленных им судебных исков в разглашении государственных секретов, в Белом доме, судя по всему, роились подозрения, что во всей этой акции было какое-то двойное дно. Выяснение источников этого и других случаев «утечки» информации и послужило толчком для возникновения в Белом доме группы, получившей название «ремонтников».

Весной 1971 года Никсон поручил Эрлихману создать подразделение специальных расследований (ПСР) с целью, как указал президент, «остановить утечки информации и расследовать другие вопросы, относящиеся к безопасности чувствительного характера».

---

[1] См. Линкольн Стеффенс. Разгребатель грязи. М., «Иностранная литература». 1949.

[1] Данный меморандум был принят сразу после убийства Кеннеди. Он отменял приказ Кеннеди о немедленном выводе из Южного Вьетнама 1000 американских военных советников и давал «зеленый свет» Пентагону и ЦРУ для активизации военных действий в Южном Вьетнаме, эскалации войны в Лаосе.

[2] В августе 1964 года в Тонкинском заливе Пентагон и разведка инсценировали нападение якобы северовьетнамских торпедных катеров на два американских эсминца с целью получения предлога для первых бомбардировок Демократической Республики Вьетнам. Принятая вслед за этим сенатом США «Тонкинская резолюция» была использована для эскалации войны во Вьетнаме. В начале 70-х годов сенат отменил резолюцию, убедившись, что «нападение» было делом рук Пентагона и разведки.

Эрлихман поставил во главе ПСР своего помощника Эджила Крога, которому был придан сотрудник Киссинджера из Совета национальной безопасности Дэвид Янг. Вскоре в печати появились сообщения, что Крог и Янг «заделывают места утечки в Белом доме». Бабушка Янга написала своей дочери — матери Дэвида, что та может гордиться сыном, ведь он работает в Белом доме слесарем-ремонтником (надо сказать, что в Америке эта профессия в большом почете). Та передала слова бабушки внуку, и вот Янг прибивает к двери своего кабинета табличку со словом — plumber — «ремонтник», откуда и пошло знаменитое теперь выражение.

Помимо опубликования документов Пентагона, другой «утечкой» информации, вызвавшей переполох в Белом доме, было появление статьи в «Нью-Йорк таймс» с изложением позиции правительства на советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений (ОСВ). У делегаций обеих стран была договоренность не сообщать в печать о конфиденциальной стороне переговоров. Точный источник информации для статьи установить не удалось. Но, как писал Энтони Лукас в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин», в Белом доме ее появление было расценено недвусмысленно, статья предназначалась для создания трудностей правительству внутри страны. Шесть сотрудников Пентагона были смещены со своих постов в подозрении, что они дали утечку информации. «Некоторые полагали,— отметил Лукас,— что статья была инспирирована официальными лицами Пентагона, которые стремились саботировать переговоры по ОСВ, так как они выступали против какой-либо разрядки в отношениях с Советским Союзом».

«Ремонтники» не участвовали в расследовании данного инцидента, им было поручено «дело Эллсберга». В ЦРУ Хант получил фотоаппарат марки «Тессина», фальшивые документы и маскировочные средства для Лидди и майамцев. Они прилетели в Лос-Анджелес и отправились в Беверли-хиллс, где проживают голливудские «звезды» и где находился кабинет Льюиса Филдинга, психиатра, у которого брал сеансы психоанализа Эллсберг. Хант сфотографировал «на память» Лидди на фоне трехэтажного здания, в котором размещался кабинет психиатра. «Обследовали» они и жилой дом Филдинга, расположенный в другом месте Беверли-хиллс.

...Ночью Хант с миниатюрной рацией сторожит дом Филдинга, Лидди курсирует на машине по Беверли-хиллс, а Баркер, Мартинес и де Диего (в уотергейтском набеге он не участвовал) проникают в кабинет врача. Согласно Баркеру, они не нашли ничего, кроме фамилии Эллсберга в адресной книжке Филдинга. Согласно де Диего, они обнаружили медицинскую карту Эллсберга и пересняли «Тессиной» все ее содержание. Материала для инсинуаций против Эллсберга не оказалось, и вскоре Хант попросил ЦРУ подготовить «психологический портрет» Эллсберга. Врачи ЦРУ Дж. Тиджен и Б. Мэллоу поначалу отказались выполнить такой заказ, но директор ЦРУ Хелмс и его заместитель генерал Кашмэн поддержали Ханта, и «портрет» был сделан. Со своей стороны, Хант написал 24-страничную биографию Эллсберга. Оба «документа» были уничтожены исполняющим обязанности директора ФБР Греем.

Спустя более чем полтора года, когда развязался язык сидевшего в тюрьме Ханта, Никсон впервые узнал из печати о проникновении «ремонтников» в кабинет психиатра. Он дал волю своим чувствам. Да, повторил президент, он отдавал приказ расследовать, явилось ли появление документов Пентагона «актом, совершенным индивидуумом, или актом, совершенным небольшой группой, или результатом более широкого заговора». Но ему в голову не приходило, что местом поиска станет врачебный кабинет.

Акцию против Эллсберга и Филдинга можно списать на «глупость», как охарактеризовал Никсон проникновение в «Уотергейт». Выглядит она одиозно, но она была ценна именно своей одиозностью и следами, ведущими к Белому дому — к Крогу и Эрлихману. Заветная копилка ЦРУ против Белого дома пополнялась. Притом одним выстрелом убивали сразу двух зайцев. Ибо, видимо, не так уж далек от истины в своих предположениях профессор Скотт, что к акции с опубликованием документов Пентагона приложило руку ЦРУ. И тогда обретает логику поиск разоблачительных пружин данной акции не в корпорации «РЭНД» и родственных ей организациях, а в «психиатрическом профиле» пацифиста Эллсберга.

Американские исследователи разведки указывают, что Говард Хант и начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон обладали «двумя чернейшими умами» в Лэнгли. Что имеется в виду? ЦРУ — единственное вашингтонское учреждение, которому Совет национальной безопасности разрешил вести так называемую черную пропаганду. Поначалу данное ремесло состояло из приготовления смеси лжи и полуправд, приписываемых ничего не подозревающим людям, партиям, организациям, правительствам. Тут ценится комбинационность, изощренность и беспардонность. Но от фальсификации информации «черные пропагандисты» перешли к конструированию действий, событий, предназначенных для разоблачений и компрометации неугодных лиц. Здесь «чернейший ум», принадлежавший автору 44 детективных романов, мог проявить себя, что говорится, на славу.

На старте их рывка к славе и миллионам долларов имена Бернстайна и Вудворда мало кому что говорили. Они писали, как выражаются газетчики, фитюльки о мелких событиях в жизни примыкающих к Вашингтону штатов Мэриленд и Вирджиния. До конца 1972 года уотергейтское дело считалось третьестепенной темой в «Вашингтон пост», на которую не выделялись лучшие кадры. И вот тут кто-то их приметил, когда они поочередно наведывались в вашингтонский суд, чтобы дать несколько строк о следствии, которое не двигалось с места из-за упорного молчания всех «ремонтников». Им стали подбрасывать информацию из-за кулис, якобы из Белого дома, где работало «глубокое горло». Из трех столичных газет «Вашингтон пост» была самой массовой и влиятельной, ее хозяева традиционно поддерживали демократическую партию, в особенности клан Кеннеди, с Белым домом Никсона у них была непримиримая вражда с осени 1969 года, когда вице-президент С. Агню развязал мощнейшую кампанию по «выкорчевыванию либерализма» из американских средств массовой информации. Поэтому владелица газеты Кэтрин Грэхэм и ее главный редактор Бенджамин Брэдли усмотрели в раскопках двух своих репортеров хороший шанс пощипать Белый дом, совершенно не подозревая, что санкционируемая ими малая месть приведет к раздуванию крупнейшего скандала. И выбор двух репортеров и выбор газеты представляются поэтому не случайными. И он окупился и для репортеров и для их хозяев. На гребне скандала и возросшего тиража «Вашингтон пост» задушила своих конкуренток и является ныне единственной ежедневной газетой в американской столице.

Вашингтонские макрекеры, проанализировав ретроспективно все два года работы тандема Бернстайна и Вудворда, склоняются к мнению, что за кличкой «глубокое горло» скрывается «комбайн» — несколько человек. Хотя разгребатели грязи хранят обычно в секрете имена своих информаторов, на этот раз даже они требовали вывести «призрака» или «призраков» на свет божий, ибо дело касалось судьбы президента, избранного подавляющим большинством голосовавших американцев. Однако Бернстайн и Вудворд держали и держат в тайне своего «фантомаса». Спустя два года после отставки Никсона под давлением общественного мнения Вудворд дал единственное интервью журналу «Тайм». Оно представляет собой историческую ценность, и мы думаем поэтому, что не утомим читателя, воспроизведя его почти целиком.

«Тайм». Учитывая все, что случилось, не чувствуете ли вы себя обязанным представить американскому народу какое-либо свидетельство вашей правдивости в том, что касается идентичности «глубокого горла»?

Вудворд. Нет. И я не думаю, что попытки журналистов идентифицировать источники информации других журналистов — это наиблагороднейший вид журналистики.

«Тайм». Не является ли «глубокое горло» больше чем обычным «источником»? Как мы можем знать, что он существует?

Вудворд. Мои редакторы в «Вашингтон пост» знают, что он существует, хотя они не знают, кто он. С самого начала я составлял подробные меморандумы моих интервью с ним.

«Тайм». Карл Бернстайн знает, кто он?

Вудворд. Карл знает [1].

«Тайм». Является ли «глубокое горло» «комбайном»?

Вудворд. Существует единственный «глубокое горло». Это он, а не «комбайн».

«Тайм». Почему он не откроется?

Вудворд. У него карьера в правительстве. Он думает, что если для одних он может быть героем, то для других — крысой и доносчиком.

«Тайм». Предстанет ли он когда-нибудь перед публикой?

Вудворд. Когда-нибудь он выйдет из-за кулис. Если он умрет, я буду считать своим долгом объявить его имя. В один прекрасный день он напишет по-настоящему захватывающую книгу. Я с Карлом хотел бы работать над ней вместе с ним.

«Тайм». Почему «глубокое горло» помогал вам?

Вудворд. Это было проявлением сознательности, результатом его собственного разочарования.

Кого же подозревают в качестве пособника или пособников Вудворда? Бывший помощник Никсона Леонард Гармент указывает пальцем на другого бывшего президентского помощника, друга Ханта — Чарльза Колсона. Его даже окрестили «злым гением Никсона». Некоторые авторы высказывают предположение, что, как и Баттерфилд, Колсон служил ЦРУ. Именно для того, чтобы отвести от него подозрение, люди ЦРУ обвиняли вслух Колсона в том, что он якобы распускал слухи о причастности ЦРУ к уотергейтскому делу.

В том же номере журнала «Тайм», где появилось интервью Вудворда, были напечатаны портреты шести кандидатов на роль «глубокого горла» и первым был поставлен генерал Александр Хейг. Колсон стоял пятым. После отставки Холдемана Хейг возглавил аппарат сотрудников Белого дома, его называли «действующим президентом»: такую власть он обрел в правительстве. Нужно сказать, что когда мы читали и перечитывали обе книги Бернстайна и Вудворда, то у нас также невольно закрадывалась мысль, что сей «добрый гений Никсона» сознательно или бессознательно делал неотвратимым уход президента в отставку и всячески ускорял его [2]. И опять «совпадение»: если проникновение в «Уотергейт» случилось вскоре после первой московской советско-американской встречи на высшем уровне, то выталкивание Никсона из Белого дома летом 1974 года произошло вскоре после второй такой же встречи в Москве.

Бернстайн и Вудворд очень прозрачно намекают, что Хейг и его единомышленники были недовольны процессом разрядки международной напряженности, получившим новые импульсы в результате советско-американских переговоров. Читатель, конечно, знает, сколько усилий приложил Хейг, чтобы сорвать разрядку, когда он в 1981—1982 годах занимал пост государственного секретаря в администрации президента Р. Рейгана, а еще ранее — будучи главнокомандующим вооруженными силами НАТО.

Роль «призрака» мог взять на себя, указывает американская печать, и начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон — один из «двух чернейших умов» Лэнгли. О нем пишут весьма своеобразно: даже никто в ЦРУ не знал, какие операции он задумывал и осуществлял. Подозрение, падающее на Энглтона, вовсе не означает, что он лично встречался с Вудвордом. У «большой рыбы», как его величали в ЦРУ за страсть к рыбной ловле, был достаточный и хорошо вышколенный аппарат. И частичкой его «комбайна» считают Ханта.

Обращают на себя внимание две детали из последующей журналистской карьеры Берн-

[1] В обеих книгах тандема говорилось, что Бернстайн не знал, кто был «глубоким горлом».

[2] В июле 1982 года в связи с уходом Хейга в отставку с поста государственного секретаря американская газета «Крисчен сайенс монитор» следующим образом намекала на то, что Хейг своей ролью в уотергейтском деле наживал себе определенный политический капитал: «Хейг мечтал о посте президента и мечтает об этом до сих пор. Отчасти это вызвано тем, что ему пришлось быть президентом де-факто в последние дни Уотергейта, когда он очень ловко и с глубокой политической проницательностью (?!) организовал уход Ричарда Никсона. Так Хейг вкусил сладость власти. Ему это понравилось. Ему хотелось бы снова держать в своей руке этот рычаг».

стайна и Вудворда. Весной 1977 года Вудворд поразил всех новым «скупом». Он опубликовал в «Вашингтон пост» имена ряда западных государственных и политических лидеров, которые давали информацию ЦРУ. Он указал даже «точные» цифры гонораров некоторых из них. Такую информацию он мог получить только из самых засекреченных источников ЦРУ. Бернстайн, взяв творческий отпуск в газете, собрал материал о связях американских и иностранных журналистов с ЦРУ. Ничего особенно нового он не открыл: к осени 1977 года, когда его материал появился на страницах журнала «Роллинг стоунз», макрекеры уже в течение четырех лет разрабатывали эту тему. Но приведенные Бернстайном некоторые пикантные подробности могли свидетельствовать опять же об одном — ему помогали в сборе материалов люди из ЦРУ. И цель публикации была довольно определенная. Во-первых, он хотел напомнить своим коллегам, что не только они с Вудвордом могут подозреваться в связях с Лэнгли. И, во-вторых, ЦРУ посылало сигнал, что оно может всегда раскрыть имена своих пособников, если те вздумают роптать или в крайнем случае сфабриковать версию о связях с разведкой того или иного из ничего не подозревающих журналистов и пригвоздить его к столбу позора, каковым даже среди не самых щепетильных вашингтонских журналистов считается творческое общение с «чернейшими умами».

Даже если вопреки утверждениям Хант и Баттерфилд не сыграли «роковой роли» в уотергейтском скандале, то они и другие лица своими действиями дали пищу для теории о том, что Никсон стал жертвой ловушек, расставленных ему ЦРУ. Эта идея широко дебатировалась в США. Сам Никсон вскользь касается ее в своих мемуарах, указав лишь, что она вызывает «множество будоражащих вопросов». Но поскольку экс-президенту явно не хотелось вступать в конфликт с мстительным ЦРУ, он оставляет поле для разъяснений двум своим бывшим ближайшим помощникам. В целом они не очень милосердны к своему бывшему патрону, но в том, что касается ЦРУ, они не проявили колебаний. Джон Эрлихман, отмечалось выше, написал детективный роман «Компания», в герое которого нетрудно узнать Ричарда Никсона, теряющего власть в результате интриг ЦРУ. Роберт Холдеман выпустил мемуары «Концы власти». В них он пишет, что, узнав заранее о планах проникновения в уотергейтскую штаб-квартиру демократов, ЦРУ саботировало их и превратило в публичный скандал. По словам Холдемана, ЦРУ боялось, что Белый дом проведет реорганизацию разведки, уменьшит прерогативы ЦРУ и поставит его под политический контроль правительства.

Задолго до появления этих книг Эндрю Ст. Джордж развивал сходную мысль. В ноябрьском номере журнала «Харперс» за 1973 год он анализировал причины трений между аппаратом Белого дома и ЦРУ: «В 1968 году Никсон и его люди обнаружили, что разведывательное сословие обзавелось колоссальной техникой и превратило себя в институт без пользы для кого-либо, кроме самого этого сословия. Но суть любой техники — это контроль, а с точки зрения новой администрации разведывательная машина перестала быть управляемой, стала почти анархической. Мегамашина шпионажа должна была быть перемонтирована и подключена к правильным электророзеткам, к единственному пульту управления, который допускала новая администрация,— Белому дому».

После перечисления других причин трений и взаимного недоверия Эндрю Ст. Джордж возвращается к уотергейтскому делу и резюмирует: «Конечно же, аппарат Никсона недооценил озлобленность и хитроумие иерархов ЦРУ, и, вполне допустимо, что ЦРУ подстроило ему ловушку в Уотергейте». «ЦРУ,— вздыхает теперь Никсон, который не брезговал использовать Лэнгли для «грязных трюков» против других стран,— отгородилось даже от президентов... ЦРУ было непроницаемо как сейф, и мы не могли найти никого, кто дал бы нам необходимый шифр к его замку...»

А как обстояло дело у других президентов?

Продолжение следует.

ДОРОГА ВРАТАРЯ

Ежегодно «Огонек» называет лучшего вратаря футбольного сезона. По итогам 1982 года вторично обладателем приза журнала стал Ринат Дасаев. После этого референдум спортивных журналистов, по традиции проведенный еженедельником «Футбол — хоккей», признал Дасаева и лучшим футболистом страны. По просьбе читателей публикуем очерк о нашем лауреате.

Валерий ВИНОКУРОВ

Рассказывал кто-то из нашей журналистской братии, что юношей Ринат Дасаев, увидев на экране кассилевского «Вратаря», стал подражать вратарю республики Антону Кандидову и тренироваться перекидыванием арбузов, благо родная его Астрахань — арбузный край.

— Выдумки все это,— спокойно отрезал Ринат,— ничего такого не было.

Одной фразой развеял легенду, и, поверите ли, автор расстался с ней с облегчением: нужна разве в рассказе о простом, хорошем, талантливом парне этакая красивость с привкусом литературщины?

Штрихи биографии «благополучного молодого человека», ставшего известным спортсменом, оказались прямыми и четкими, хотя, понятно, «благополучие» пробивало себе дорогу сквозь физические и нервные рифы, не одна футболка изнашивалась, становясь соленой от пота.

Отец, рабочий рыбокомбината, спортом никогда не занимался, как и мать, диспетчер астраханского порта. Старший брат Рафик (он на шесть лет старше Рината), по своей конституции такой же тонкий и стройный, отдавая юношескую дань физкультуре, о большом спорте никогда не задумывался. Да и восьмилетний Ринат, записавшись в секцию плавания, не то чтобы тренировался — скорее купался для удовольствия. Но с детства приученный все делать серьезно, после трех лет занятий вряд ли бы бросил плавание, когда бы не беда. Повредил в мальчишеских забавах руку, сделалось заражение, понадобилась операция. Прошла она удачно, но плавание пришлось оставить. Скучал однажды дома, когда пришел отец и отвел в футбольную секцию. Не подсознательной ли логикой: в футбол, мол, ногами играют, рука побережется? Мог ли он знать тогда, что рука станет для вратаря сборной главным «инструментом»? В секцию пришли, год на словах добавили — и без того был ростом маловат, узнали бы, что на год остальных ребят моложе, не взяли бы. Стал в поле играть, получалось неплохо — легкий, быстрый, верткий. Но месяц всего прошел, вратаря не было, предложили попробовать. Думаю, что как самого маленького в ворота отрядили: в поле, мол, покрепче ребята нужны. Но с первого взгляда, с первой тренировки тренер Герольд Иванович Бледных понял, что не ошибся, что нашел парнишку с вратарскими данными, хоть и не вышел парнишка тот ростом. Герольда Ивановича и должен благодарить наш футбол за то, что есть у нас теперь вратарь международного класса. А еще, вероятно, природу: когда ему было пятнадцать, вырос Ринат за год сразу на двенадцать сантиметров.

И дальше все катилось-бежало внешне по прямой. Изнашивались пропотевшие футболки и свитеры, летели месяцы, годы, и не знал никто, что растет в Астрахани вратарь сборной страны. Но сам Ринат знал, что без физкультуры, без спорта теперь ему не жить. После восьмого класса пошел в педагогический техникум на физкультурное отделение. В 1975 году техникум окончил, и как раз тогда его, 18-летнего, пригласили в команду мастеров — астраханский «Волгарь». Год тренировался у Федора Сергеевича Новикова, старшего тренера «Волгаря». В конце сезона ушел Новиков в другую команду, но спустя два года они снова встретятся с Дасаевым — в московском «Спартаке», куда Новиков пришел спустя полгода после Рината вторым тренером, помощником Константина Ивановича Бескова.

Итак, в августе 1977-го пригласили Рината в «Спартак». Спартаковцы играли тогда в первой лиге. Молодой вратарь без претензий занял место на скамье запасных, и команда без его помощи вернулась в группу сильнейших клубов страны. Вернулась, как помните, крепкой, уверенной в себе. Но начала очередной сезон неудачно. Тогда и пришел к нему час испытаний. После поражений «Спартака» от земляков и появился в его воротах Дасаев, появился, чтобы долго, уже, считайте, пять сезонов, не уступать свой пост никому.

— 78-й и 79-й — лучшие мои пока что сезоны,— считает Ринат.

Да, дорога тогда оставалась прямой, становясь еще и широкой,— в конце 1979 года он начал защищать и ворота сборной. Это позже на его дороге появятся крутые виражи, а в 79-м, чемпионском сезоне «Спартака», все обходилось счастливо. Даже болезнь отступила, чтобы спустя год попытаться взять реванш.

...В ночь перед матчем с минским «Динамо» от дикой боли в животе слезы навертывались на глаза, с трудом сдерживался, чтобы волком не завыть. Федор Сергеевич вызвал «Скорую помощь». Определить ничего не смогли, настаивали отвезти в больницу. Но ведь побаливало и раньше, а потом отпускало. Грешил на печень, на сметану какую-нибудь. В общем, в больницу ехать отказался — завтра играть. Но боль не отпускала, и, кажется, еще раз вызывали «Скорую», и снова отказывался ехать ночью в больницу. А к утру сдалась болезнь, отступила, и победа над минчанами (3:1) позволила продолжить путь к золотым медалям.

Коварный аппендицит — а это был он самый,— попробовал взять реванш следующей зимой. Ну, зимой-то дело другое, вырезали аппендикс, потерял, правда, время на подготовку, но, казалось бы... Время, однако, тогда было позарез необходимо, впрочем, когда его футболистам хватает: не на дни, на часы всегда идет счет.

А «Спартак» готовился к матчам Кубка европейских чемпионов с мадридским «Реалом» и подготовился, чего греха таить, неважно. В мартовском матче в Тбилиси Ринат занял место в воротах практически без тренировок — слава богу, шов после операции зажил к этому дню. И сы-

грал вратарь в отличие от своих партнеров безупречно: ворота отстоял в таких эпизодах, которые называют «мертвыми». 0 : 0 — это была неудача для «Спартака», но — редкий случай, ведь не принято делить в футболе заслуги — победа Дасаева.

Олимпийский, 80-й год и особенно следующий, 81-й, Ринат считает для себя неудачными. Почему, собственно? «Спартак»-то выступал неплохо, сам Дасаев в сборной все матчи провел, выиграли отборочный турнир чемпионата мира. Но такова уж вратарская планида, что промахи оставляют рубцы на душе, а взял мяч, парировал удар — пусть скажут «мертвый» или «смертельный»,— все равно забывается.

Вот и остался рубец — не вышел на перехват в полуфинальном олимпийском матче, проиграли 0 : 1 команде ГДР. Вот и другой рубец — пропустил в Киеве мяч между ног, а второй пропустил потому, что нервы не выдержали, выбежал далеко из ворот. И еще рубец — с «Кайзерслаутерном» второй гол мог бы не пропустить, а четвертый просто-напросто зевнул. И разве легче тебе от того, что партнеры, форварды «Спартака» или сборной не забивали? Какое там легче! От этого еще сильнее рубцы ноют.

Круты виражи на вратарской дороге. Забили тебе в ближний угол — бессонная ночь. А если в сезоне несколько раз забили в ближний?..

А если ошибся в самом начале матча? Или два раза ошибся, как недавно с «Араратом»? Два раза в одном только первом тайме. Как теперь-то быть? До бессонной ночи далеко — сейчас играть надо.

— Он настоящий спортсмен,— сказал мне о Дасаеве заслуженный тренер СССР Александр Александрович Севидов.— Он виду не подаст, когда ему на душе горько.

Виду не подаст, верно. Но в душе-то что в это время, что в душе?

— Минуту-другую все внутри клокочет от злости на себя,— признается Ринат.— А виду не подаю, потому что играть надо, и не только самому — всем надо играть.

В перерыве матча с «Араратом» сумел собраться, выкинуть из головы — хоть на время, хоть на эти долгие 45 минут второго тайма — свои злосчастные промахи. И уже не подводил. Выручал. Да что толку, раз все равно проиграли...

Он обязан держать себя в руках, преодолевая горечь от собственных ошибок. Потому что стал главной фигурой в обороне команды. Потому что он должен поддерживать своих молодых защитников — Сочнова, Морозова, Позднякова. Потому что не только они, но и капитан «Спартака» Романцев, сменивший амплуа левого защитника и ставший центральным свободным защитником, нуждается во вратарских подсказках, советах в ходе игры. Он обязан всегда быть в форме, ибо его роль в жизни коллектива стала в последнее время особо важной. Роль человека авторитетного, справедливого, умеющего объединить, сплотить опытных и молодых игроков. И к такой роли Дасаев готов: не могли пройти бесследно уроки, которые он получал в течение уже долгих пяти лет от замечательного педагога, мудрого и неподвластного годам начальника команды Николая Петровича Старостина. Ринат усвоил его уроки, прошел школу Старостина, и это тоже помогает в трудные минуты. Как помогло в перерыве матча с «Араратом».

А ведь порой, когда все в команде хорошо играли, забывается то, как вратарь сумел повернуть сюжет, как спасал матчи. Выиграл «Спартак» в Голландии у «Хаарлема», выиграл красиво, по всем статьям. По всем статьям во втором тайме. А в первом Дасаев трижды спас товарищей от гола. Трижды! Кто теперь знает, как бы дело повернулось, если бы он тогда не спас. Повернул он сюжет, и форварды воспрянули духом, забили то, что должны были забить. Нет, нельзя забывать такое. Рубцы-то, те, из-за ошибок, ноют, напоминают о себе...

Вратарь, как мастер своего дела, не может и не должен копировать коллег, пусть даже самых знаменитых. Поэтому и по стилю игры, по своей вратарской манере Дасаев не похож ни на кого из предшественников. Но он и не вырос, что называется, на голом месте. Он продолжатель славных традиций нашей вратарской школы.

И в 80-м и в 81-м — самых, по его словам, плохих для него сезонах — Дасаев в сборной играл постоянно,— так Константин Иванович Бесков в него верил. А ведь мы, обозреватели, порой не верили. Считали, что надо и какого-нибудь еще вратаря в сборной наигрывать. Что, если не выдержит, «сломается» Дасаев? «Сломается» — это не обязательно что травму получит. Травмы бывают разные. Душевную попробуй залечи. Доверие Бескова помогало залечивать. Перед чемпионатом мира не все верили в Дасаева. А он оказался в команде единственным, кто сыграл на мировом уровне. Единственным — не утешение, а, напротив, огорчение для него, то, что единственным.

— Сыграл я неплохо,— говорит Ринат. В его устах такое признание многое значит, о себе не может он произнести нечто более громкое.— Май и июнь вообще у меня почему-то лучшие всегда месяцы. Сам не могу понять, почему. Мечтаю, чтобы все месяцы такими же стали.

Ринат Дасаев. **Фото А. Бочинина**

Читая недавно рукопись Олега Блохина, наткнулся я на такую его оценку Дасаева: не по возрасту зрелый мастер. И вспомнил о ней во время матча «Спартака» с киевским «Динамо». Ринат такие удары Олега парировал, что подошел к вратарю Олег и пожал ему руку. Да, не для красного словца написал так наш лучший форвард: законам футбольного братства настоящие мастера должны быть верны больше, чем кто бы то ни было. И оценивать других и себя строго и справедливо.

А в футболе шкала оценок сложная. Даже специалисты-мастера расходятся во мнениях, специальные как раз вопросы и обсуждая. Обозревая однажды итоги сезона и отдав Дасаеву должное, заслуженный мастер спорта Сергей Сергеевич Сальников заметил, что игра Рината на выходах оставляет желать много лучшего. Но как раз в те дни капитан «Спартака» Олег Романцев, представляя своих товарищей — чемпионов страны, отметил мастерство Дасаева именно в игре на выходах.

Спустя несколько лет я поинтересовался у Рината, что сам-то он думает по этому поводу.

— Мне, честно говоря, кажется, что это мое сильное место,— не без труда выдавил он. Но тут же добавил, чтобы собеседник не подумал, что он себя хвалит: — Ошибки-то допускаю и на выходах. Но игру такую люблю, мне это интересно. Хотя и нужно иметь природное чутье, а все-таки научиться этому можно. И надо учиться. Каждый день.

Природное чутье. Ну, реакция хорошая — это тоже, видимо, от природы у человека бывает. Тактика игры вратаря — чувство ритма, темпа игры: побыстрее ввести мяч, увидеть, как начать атаку — здесь тоже чутье необходимо. Но ведь всему остальному действительно физически одаренный человек способен выучиться, и вратарской технике в частности. Но все же есть, очевидно, в каждом из нас нечто такое, чего и сами мы порой не знаем, что обнаруживается тогда, когда возникает необходимость или попадаем мы в ситуацию, в среду, в сферу определенной деятельности, требующую от нас этого «нечто». Загадочная вратарская должность — сплав характера и мастерства, того непознаваемого, что зовется талантом, и того необходимого, без чего никто и никогда никем не станет,— труда.

Художественный образ в фильме «Вратарь» — арбузы, какие десятками перебрасывал Антон Кандидов,— удачен именно потому, что подчеркивает необходимый и невидимый миру труд, вложенный для приобретения мастерства. Когда и кто испытал желание связать этот кинообраз с астраханским пареньком, ставшим лучшим вратарем нашего футбола?

И пусть развеял Ринат потом легенду об астраханских арбузах. Увиделось вдруг в этом образе что-то большее, если может быть в жизни большее, чем труд. Увиделось... Ведь не только тяжесть есть у арбуза. Ведь можно было и чугунные шары-гири подбрасывать. Но гирю-шар уронить не страшно — не расколется. Арбуз нельзя уронить. Не имеет права вратарь выпускать мяч из рук. Он тяжелый, этот мяч, летящий в тебя с огромной скоростью. И ты обязан поймать его накрепко и не выпускать из рук. Потому что ты вратарь. Арбуз тяжел. И хрупок. Как неуловимо тонка и подвержена незримым воздействиям вратарская техника, вратарская ранимость. Вратарь всегда на нерве. Ему нельзя ошибиться. Арбуз расколется.

Но если кому-нибудь увиделась сладкая арбузная мякоть, то это образ невратарский. Вратарская судьба, вратарская доля — несладкая доля. Даже сегодня, когда ты признан лучшим футболистом страны. Когда тебе вручается медаль и приз. Когда о тебе пишут очерк.

Завтра ты снова в воротах. И снова летит в тебя тяжелый мяч. И снова ты не имеешь права выпустить его из рук.

ИСКУССТВО БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

К 75-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. В. РОМАНОВА

Не только театральная сцена, музыка или танец, живопись или кино невозможны без простого, кажется, а на поверку труднейшего искусства: быть самим собой. Быть личностью.

Искусство это необходимо всякому вообще человеческому делу. И если оно отвечает потребности души отдавать себя людям и любить свой труд,— короче говоря, если человек неравнодушно исполняет «чужую» волю, тогда он становится творцом, мастером, чувствует себя молодо и окрыленно, несмотря на непременные тяготы такой полнейшей самоотдачи, несмотря на прожитые годы...

Именно таким знаем мы писателя и журналиста Алексея Владимировича Романова.

Прирожденный журналист, он вкладывает в свои книги, очерки, статьи, рассказы, эссе нескудеющий интерес к жизни народа, великим делам страны; в его произведениях всегда живет народ... А. В. Романов — знаток человеческой души, и, пожалуй, именно эта неизменная нацеленность делает таким доверительным, искренним тон его разговора с читателем.

Журналистика обычно требует человека всего, целиком. Если он просто «служит», если просто выполняет требования «службы», то непременно отразится, скажется это, прозвучит в написанном... Человечность — великое дело. Ее отпечаток всегда будет как бы просвечивать через страницы того, что нами бывает написано.

А. В. Романов—многолетний «газетчик». Он начинал работать в газете, будучи, в сущности, подростком... Определив свою журналистскую судьбу в семнадцать лет, в тульском журнале «Кузнец» в 1925 году, Романов проходил потом свои жизненные, журналистские университеты в Актюбинске, Горьком, Москве, Минске, работал за рубежом.

— На все это ушло 50 лет,— подсчитывает он сам.

На «это» — значит на каждодневные заботы писателя, заботы журналиста, заботы, неотрывно связанные с жизнью всей страны, жизнью сложной и напряженной.

Богатый, бесценный опыт накоплен за эти годы. Алексей Владимирович не расстается с пережитым, пройденным. Бережно хранит он письма друзей, читателей, перелистывает свои тетради, старые, пожелтевшие от времени блокноты, подшивки газет, журналы, книги... Все здесь напоминает писателю, общественному деятелю о том, какой насыщенной, неотрывной от движения самого Времени является жизнь, научившая быть самим собой, отдавать себя целиком своему делу. Около сорока книг и брошюр принадлежит перу А. В. Романова. Упомянем из недавних его крупных работ книги «Дальние страны», «Немеркнущий экран», «Коммунист в сфере искусства», «Неповторимые годы и люди».

По всему настрою души своей Алексей Владимирович Романов — боевой соратник людей переднего края, строитель нынешнего дня...

Н. ПАВЛОВА

театр

РАЗВЕНЧАНИЕ МИФА

Что случилось в семье преуспевающего бизнесмена Уолтера Росса? Почему его молодая красивая жена Маргарет, героиня пьесы А. Лауринчюкаса «Средняя американка», вдруг покончила с собой? Жизнь их казалась на первый взгляд такой благополучной: дом — полная чаша; воспитанные дети; многочисленные друзья. И вдруг — самоубийство. Конечно, есть официальная версия: психическая депрессия Маргарет; версия, на которой настаивает Уолтер. И все же — какова действительность?..

Творчество известного публициста, драматурга Альбертаса Лауринчюкаса известно и в нашей стране и за рубежом. В течение нескольких лет он был корреспондентом в США. Впечатления, полученные во время знакомства со страной и людьми, воплощены в таких произведениях, как «Медное солнце», «Третья сторона доллара», «Врата страха», а также «Последняя просьба», «Мгновение истины», «Средняя американка».

— Четыре с лишним года я прожил в Соединенных Штатах,— рассказывает Альбертас Лауринчюкас.— Часто слышал: вот этот человек — средний американец или американка. И долго не мог понять, что это означает. Твердая решимость найти и изучить «среднего американца» уступила место неуверенности. А потом я понял, что термин «средний американец» — это выдумка, призрачная, как цветы, нарисованные морозом на окне. Люди — это не декорация, которой можно придать любую форму. В Америке нет «среднего американца», как в России нет среднего русского, а в Литве среднего литовца. Как нет в мире средней матери, среднего предательства, средних слез... Однако в этом понятии капиталистическим боссам очень удобно топить людскую боль и отчаяние, муки и надежду. Очень легко создавать при этом для обозрения лишь сверкающую гладь!

У меня, как у всех драматургов, есть любимая тема. Я ищу нравственные, творческие богатства человеческой души. При этом открывается не меньшее пространство, чем перед астрономом, изучающим Вселенную. В Лос-Анджелесе я видел плакат, на котором было написано: «Каждый человек — это мир, который с ним рождается и с ним умирает, под каждой могильной плитой лежит всемирная история». Я не знаю, кто обнародовал эти слова в стране, где то и дело раздаются выстрелы и люди умирают по неизвестным причинам. Но, вероятно, они заставляют задумываться многих...

Маргарет — Н. Малявина.
Костас — А. Шейнин.

Мои герои живут на разных континентах. Меня часто спрашивают, почему я беру сюжеты для своих произведений из «другой жизни». Но мне-то кажется, что сегодня нет таких понятий, как жизнь своя или чужая. Мысль о б у д у щ е м все теснее сплачивает нас на нашей не такой уж большой планете...

В пьесе «Средняя американка» мне хотелось показать, как в о б ы ч н о й американской семье отразились резко и глубоко конфликты Америки. Конфликты, которые породили трагедию, столь частую для Америки...

Новый спектакль «Средняя американка» А. Лауринчюкаса поставлен народным артистом СССР Ю. Мильтинисом на сцене Московского драматического театра имени М. Н. Ермоловой.

Блистательной, преуспевающей женщиной предстает на сцене ермоловцев героиня спектакля Маргарет (Н. Малявина). Двое детей, прекрасный дом, любящий муж... Но в глазах Маргарет, в манере ее поведения ощущается некая предопределенность судьбы... За ее показным весельем, нарочитой беспечностью угадываешь отчаяние, тоску, страх.

Нелегко сложилась эта судьба. Когда-то, много лет назад, Уолтер купил согласие выйти за него замуж у доведенной до нищеты красивой женщины, которая спасала жизнь больной матери. Другого выхода не было. И она пошла на сделку. Но, став женой Уолтера, Маргарет не смогла примириться со своим положением в доме мужа, где она — в е щ ь...

В Уолтере (В. Еремичев) актер очень точно показывает образ мышления хищника, у которого добро и зло имеют общий знаменатель — материальную выгоду. Уолтер верит только в мощь доллара.

Атмосфера эта иссушила сердце, душу Маргарет. Жизнь потеряла для нее всякий смысл. И нет для героини никакой защиты. Нет и выхода.

Как блеснувший огонек надежды неожиданно вспыхнувшая любовь к сыну Уолтера Костасу тоже ее не спасет. Она не знает, что настоящий сын Уолтера мертв, что его имя присвоил себе отпетый негодяй; биография этого человека преступна и грязна. Но она и не хочет ничего знать, лишь бы бежать из дома, бежать без оглядки... Тут неожиданно исчезает Костас: для него деньги важнее, чем любовь, а его письмо к Маргарет — предел низости.

Мастерски рисует образ Костаса А. Шейнин, расчетливо затушевывая авантюристическую суть своего героя. Особенно удались ему сцены объяснения в любви к Маргарет. Хорошо понимаешь, что этот человек, конечно, «клянется» не первый раз в своей жизни, но до чего же он кажется искренним в своем порыве, до чего же вроде бы увлечен! Невозможно и предположить, что этот обаятельнейший человек — обычный искатель приключений, авантюрист, циник... Душа Костаса давно истрачена на житейских перекрестках: он не способен испытывать любовь, стыд, жалость, сострадание к другому человеку. Костас просто спекулирует, играет чувствами, торгует ими.

Уходит из жизни Маргарет... Уходит не только потому, что ее бросил возлюбленный; просто с ним была связана ее последняя надежда. Самоубийство Маргарет — единственный для нее выход из жизни, где нет места ничему человеческому...

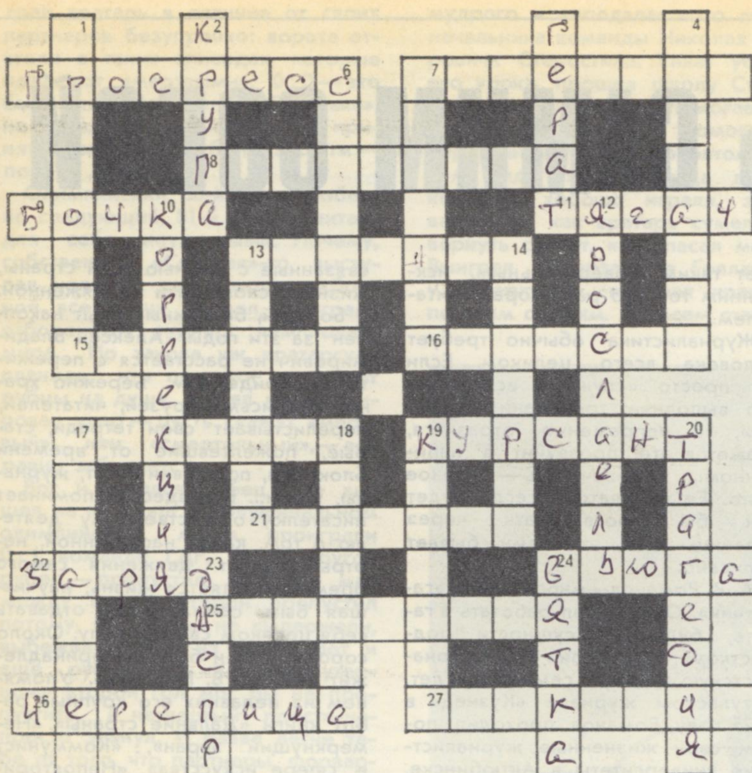
...Лауринчюкас написал драму нравов. Именно так и прочитана пьеса на сцене Театра имени М. Н. Ермоловой.

Мы знаем, что творчеству Мильтиниса всегда свойствен ярко выраженный гражданский темперамент; постановки его насыщенны, стремительны. И, конечно, «Средняя американка» буквально «атакует» зрителя, не давая ему покоя. Построение мизансцен, музыка (композитор В. Баркаускас), оформление (художник А. Микенас) создают убедительный, правдивый фон спектакля.

Автор пьесы, а вслед за ним и театр, обращаясь к отношениям людей, показали точную социальную жизнь Америки, беспощадно развенчали миф о пресловутом благополучии американского образа жизни.

Марина ДМИТРИЕВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Название серии советских космических грузовых кораблей. 7. Музыкант, исполнитель на ударном народном инструменте. 8. Жанр фольклора. 9. Фигура высшего пилотажа. 11. Машина для буксирования артиллерийских орудий. 13. Советский космонавт. 15. Писатель, основоположник литературы социалистического реализма. 16. Певец, народный артист СССР, выступающий в Татарском театре оперы и балета. 17. Народный художник СССР, основоположник литовской советской скульптуры. 19. Воспитанник военного училища. 21. Твердый минерал, применяемый для обработки металлов, драгоценных камней. 22. Определенное количество пороха в патроне. 24. Метель, снежная буря. 25. Декоративное растение, цветок. 26. Кровельный материал из обожженной глины. 27. Скульптор, Герой Социалистического Труда.

По вертикали: 1. Специалист, изучающий и исследующий почерки. 2. Пищевой продукт из зерновых культур, проса, гречихи. 3. Центр провинции в Афганистане. 4. Действующее лицо в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» 6. Сказка Х.-К. Андерсена. 7. Разновидность гармонии. 10. Исправление орбиты космического корабля, искусственного спутника. 12. Областной центр в РСФСР. 13. Единица времени. 14. Русский землепроходец. 17. Животное, обитающее в тропических лесах Америки. 18. Заключительный эпизод музыкального произведения в ускоренном темпе. 19. Нелегальная газета, центральный военный орган большевиков в начале XX века. 20. Вид драмы. 23. Река в Европейской части СССР. 24. Приток Камы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 5. «Черевички». 8. Гафури. 9. Танеев. 12. Рысь. 13. Житомир. 15. Улей. 16. Пианино. 17. Асфальт. 18. Гантель. 20. Парапет. 24. Лимб. 25. Россини. 26. «Лжец». 27. Клюшка. 29. Рябина. 31. Гадолиний.

По вертикали: 1. Перу. 2. Регистр. 3. Система. 4. Акын. 6. Каньон. 7. Белуга. 10. Вычитание. 11. Сельдерей. 13. Жонглер. 14. Рустави. 19. Табель. 21. Атлант. 22. Астахов. 23. Лигроин. 28. Штаб. 30. Бриг.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мамаев курган. Верность военной присяге.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бдительно стоят на страже родного неба ракетчики ПВО. (См. в номере материалы к 65-летию Советской Армии и Военно-Морского Флота.)

Фото Л. Якутина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 31.01.83. Подписано к печати 15.02.83. А 00624. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 337. Заказ № 23.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Итак, воплощена замечательная культурная, гражданская, просветительская, искусствоведческая идея. Она, эта идея, давно, что называется, витала в воздухе. Еще в конце прошлого века ее хотел осуществить главный хранитель Эрмитажа Бенуа по отношению к знаменитой «Мадонне с цветком» Леонардо. И действительно, кто из художников, старинных или новых, стараясь над своим полотном, «единственным, неповторимым», вкладывая в эту работу всю душу, боль, радость, талант, ум и сердце, не мечтал о том, чтобы его произведение находилось для обозрения в отдельной зале? Головокружительная, фантастическая мечта.

И вот мечта реализована: в городе Пензе впервые в нашей стране стал действовать уникальный «Музей одной картины». Его открытие состоялось 12 февраля в прекрасно отреставрированном небольшом особняке, принадлежавшем некогда здешнему почтмейстеру. То, что музей этот возник именно в Пензе, не случайно: последние годы выдвинули пензенский край на ведущее в стране место в деле сохранения и пропаганды памятников истории и культуры.

В русле этих традиций и создание «Музея одной картины». Мысль о нем принадлежит секретарю Пензенского обкома партии Георгу Васильевичу Мясникову, а помогли реализовать ее директор картинной галереи Валерий Петрович Сазонов и директор Государственного Русского музея Лариса Ивановна Новожилова, не побоявшаяся отправить за полторы тысячи километров от Ленинграда жемчужину отечественной живописи «Взятие снежного городка» В. И. Сурикова. Здесь, в Пензе, в течение двух месяцев и будет демонстрироваться это полотно.

Г. В. Мясников говорит, что это, собственно, не музей, а «театр» одной картины. И правда, в небольшом, камерном — на тридцать пять кресел — зале все как в театре: кулисы, занавес, рампа. Свет гаснет, занавес раздвигается, начинается спектакль — представление живописного шедевра. Вначале на экране в сопровождении специально написанного текста проходит перед зрителями жизнь Сурикова, показываются его замечательные картины, звучат мысли художника об искусстве, России, красоте жизни. Затем, как апофеоз и кульминация действа, вдруг в глубине сцены высвечивается само полотно — «Взятие снежного городка». И возможно, именно сейчас в Пензе, в этом маленьком темном зале, где ничто не отвлекает и перед тобою лишь одно светящееся пятно живописного полотна, поистине постигаешь Сурикова до глубины души, по-настоящему прочно.

МУЗЕЙ

Новое начинание пензенцев, без преувеличения, исключительное. Музей-театр предполагает регулярно обновлять свою программу: в апреле должна состояться встреча с картиной Николая Николаевича Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Московский Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина пришлет вскоре один из шедевров своего собрания. А инициатор этого замечательного начинания Георг Васильевич Мясников предлагает: пожалуйста, мы готовы предоставлять музей не только классикам, но и нашим современникам, советским художникам-станковистам, тем, кто рискнет на это серьезнейшее испытание получасового зрительского суда.

А. БАСМАНОВ,
фото М. САВИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ОДНОЙ КАРТИНЫ

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663